

УИЛБУР СМИТ

ГЛАЗ ТИГРА

НЕ БУДИ
ДЪЯВОЛА

Уилбур Смит

Глаз тигра. Не буди дьявола

Серия «The Big Book»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68814417
Глаз тигра ; Не буди дьявола ; романы / Уилбур Смит: Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2022
ISBN 978-5-389-22519-0

Аннотация

Уилбур Смит (1933–2021) родился в Северной Родезии (Южная Африка). Его перу принадлежат 49 историко-приключенческих и остросюжетных романов. За свои заслуги в области литературы Уилбур Смит удостоен Британской национальной книжной премии.

В сборнике представлены одни из самых известных его «солевых» романов – «Глаз тигра» и «Не буди дьявола» в новых переводах.

Гарри Флетчер решил покончить с криминальным прошлым («Глаз тигра»). Он поселился на острове у берегов Южной Африки и теперь честно – ну или почти всегда честно – зарабатывает на жизнь, устраивая для туристов морские прогулки с рыбалкой. Но однажды на борту его катера появляются крутые парни, и интересует их вовсе не рыба – они ищут затонувшее в океане сокровище древних индийских царей: золотой трон в виде

тигра, с инкрустированным бриллиантом, которому нет цены. Вскоре Гарри понимает, в какую опасную авантюру ввязался, ведь если поиски увенчаются успехом, лишних свидетелей попросту уберут...

Судьба свела их в Занзибаре, и с этого момента старый пройдоха Флинн и простодушный Себастьян стали браконьерствовать на территории германских колоний Африки («Не буди дьявола»). Считая себя неуязвимыми, они совершают ограбление резиденции кайзеровского наместника. Кто мог подумать, что после этого для них развернутся врата ада и ничто в их жизни уже не будет прежним?..

Роман «Глаз тигра» ранее издавался под названием «Взгляд тигра».

Роман «Не буди дьявола» ранее издавался под названием «Крик дьявола».

Содержание

Глаз тигра

6

Конец ознакомительного фрагмента.

273

Уилбур Смит

Глаз тигра

Не буди дьявола

Wilbur Smith

THE EYE OF THE TIGER

Copyright © Orion Mintaka (UK) Ltd, 1975, 2018

SHOUT AT THE DEVIL

Copyright © Orion Mintaka (UK) Ltd, 1968, 2018

© А. С. Полошак, перевод, 2022

© В. Г. Яковлева, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Оформление обложки Ильи Кучмы

* * *

*Эта книга посвящается моей жене Мохинисо –
с ней связано все лучшее, что случилось со мной в
жизни*

Глаз тигра

Тигр, о тигр, светло горящий

В глубине полночной чащи...

В небесах или глубинах

Глел огонь очей звериных?

Уильям Блейк (Перевод С. Маршака)

Был один из тех сезонов, когда рыба запаздывает. Я насиловал катер и команду, ежедневно мотался далеко на север, приходил в Гранд-Харбор по самой темноте и к шестому ноября совсем приуныл, но тут в фиолетовых волнах Мозамбикского течения нам встретился первый нормальный марлин.

В тот раз «Танцующую по волнам» зафрахтовала не группа рыбаков, а один человек: мой постоянный клиент, нью-йоркский рекламщик по имени Чак Макджордж. Раз в год он совершал паломничество длиной в шесть тысяч миль: прилетал на Сент-Мэри, рассчитывая на завидный трофей. Невысокий крепыш, на висках седина, а макушка лысая, как страусиное яйцо, бурая, вся в морщинах мартышечья физиономия. Но ноги хорошие, крепкие, а когда выводишь крупную рыбу, крепкие ноги тебе ой как пригодятся.

Когда мы наконец заметили марлина, он мчался у самой поверхности, выставив из воды плавник длиннее человеческой руки и кривой, словно ятаган. По изгибу сразу понят-

но, что перед тобой марлин, а не морская свинья или акула. Анджело увидел его в тот же миг, что и я, перегнулся через релинг передней палубы, издал восторженный возглас, сверкая зубами в ослепительных лучах тропического солнца, и ветер хлестнул цыганскими кудрями по его смуглым щекам.

Марлин то нырял, то выныривал. Когда вода расступалась, он походил на громадное черное бревно с хвостовым плавником, в точности повторявшим изящный изгиб спинного, а потом снова уходил в глубину, и вода смыкалась над его широкой блестящей спиной.

Я тут же обернулся к кокпиту, где Чабби уже помогал Чаку устроиться в здоровенном кресле для вываживания, застегнуть страховочную сбрую и натянуть перчатки. Он перехватил мой взгляд и угрюмо сплюнул за борт, являя собой полную противоположность всем нам, уже кипевшим от азарта.

Чабби огромный, с меня ростом, но значительно шире в плечах и талии. И еще он самый отъявленный пессимист из всех, кого я знаю в нашем бизнесе.

– Стесняется твой марлин, – пробурчал он и снова сплюнул, а я усмехнулся и крикнул:

– Не слушай его, Чак! Старина Гарри тебе эту рыбину на блюдечке поднесет!

– Есть у меня тысяча баксов, и она готова с тобой поспорить! – Чак морщился от ярких отблесков солнца на воде, но глаза его возбужденно сияли.

– По рукам! – Приняв пари, хоть оно и было мне не по карману, я вновь переключил внимание на марлина.

Конечно, Чабби был прав, ведь он лучший в мире специалист по лучеперым – после меня, конечно. Это страшилище и впрямь оказалось пугливым.

Пять раз я бросал ему приманку – и так и сяк, со всевозможными хитростями и выкрутасами, – но, как только «Танцующая» шла ему наперерез, марлин бил хвостом и уходил в сторону.

– Чабби, там шмат корифены в леднике! – в отчаянии крикнул я. – Наживляй, с первого раза клюнет!

На корифену он соблазнился. Воблер я сделал сам, и он скользил по воде как живой. Я засек тот момент, когда марлин заинтересовался приманкой, напружинил свою громадную тушу, развернулся и сверкнул зеркальным брюхом, пустив из-под воды стайку солнечных зайчиков.

– Купился! – завопил Анджело. – Он купился!

Моими стараниями в начале одиннадцатого марлин проглотил приманку. Во время первых рывков и свечек я держал катер как можно ближе к обезумевшей рыбине, ведь избыток лески в воде – нешуточная нагрузка на рыболова, поэтому от меня требовалось нечто неизмеримо большее, чем зубовой скрежет и крепкая хватка на мощном фибергласовом удилище. Чак же, обустроившись в кресле, вываживал добычу, и тут его крепкие ноги пришлись как нельзя кстати.

Вскоре после полудня он одержал верх: марлин поднялся

на поверхность и стал описывать первый из широких кругов. Теперь Чаку предстояло сужать их, потихоньку выбирая леску, пока мы не забাগрим его трофей.

– Эй, Гарри! – крикнул вдруг Анджело, отвлекая меня от дел. – У нас гость!

– Гость? Какой еще гость?

– Большой Джонни, против течения прет, – показал он. – Свежатинку почуял!

Я проследил за его жестом и увидел акулу, привлеченную шумом схватки и запахом крови. Вернее, не акулу, а размеренно приближавшийся к нам тупой плавник. Похоже, молот-рыба.

– На мостик, Анджело! – приказал я и передал ему штурвал.

– Гарри, если эта сволочь сожрет марлина, плакала твоя тысяча баксов, – просипел из кресла потный Чак перед тем, как я нырнул в каюту, где, упав на колени, дернул задвижку и откинул люк.

Лег на живот, сунул руку в машинное отделение и нащупал ложу бельгийского «ФН», притороченного специальными ремешками к трубе под потолком.

Выскочил на палубу, проверил магазин и переключил автомат на стрельбу очередями.

– Анджело, развернись-ка к нему бортом.

«Танцующая» запрыгала по волнам, и я вцепился в релинг. Наконец Анджело поравнялся с акулой: точно, молото-

головая, причем здоровенная, двенадцать футов от носа до хвоста, медно-бронзовая в кристальной воде.

Я тщательно прицелился в самый центр сплющенной головы между безобразными глазными выростами и дал короткую очередь.

Автомат взревел, выплюнул стреляные гильзы, и вода взорвалась серией мелких всплесков.

Большой Джонни конвульсивно дернулся, когда пули впились ему в голову, раздробили хрящевую ткань и поразили крошечный мозг. Акула перевернулась на спину и тут же пошла ко дну.

– Спасибо, Гарри, – выдохнул Чак. Он покрылся испариной, а лицо его из бурого стало пунцовым.

– Любой каприз за ваши деньги, – усмехнулся я и ушел подменить Анджело у штурвала.

Без десяти час Чак вывел марлина под багор. Измучил его так, что огромная рыба легла на бок, едва пошевеливая серповидным хвостом, она судорожно разевала и захлопывала копьеобразный клюв. Глаз размером со спелое яблоко уже потускнел, а продолговатое тело пульсировало и переливалось тысячами оттенков серебра, золота и королевского пурпура.

– Давай-ка поаккуратнее! – крикнул я, схватился рукой в перчатке за стальной поводок и подтянул рыбу туда, где с крюком из нержавеющей стали на деревянном древке ее уже поджидал Чабби.

Тот испепелил меня взглядом, ясно давая понять, что бил марлинов, когда я в трущобах Лондона еще пешком под стол ходил.

– Жди волны, – снова предупредил я, просто чтобы его подколоть, но в ответ на очередной непрошенный совет Чабби лишь скривил физиономию.

Волна придвинула рыбину к борту и развернула сияющим брюхом вверх. Крылья грудных плавников раскинулись в стороны.

– Давай! – скомандовал я, и Чабби вогнал крюк глубоко в марлиную грудь. Брызнул фонтан ярко-малиновой венозной крови, и море вспенилось добела, когда рыба забилась в предсмертных судорогах, выплеснув на нас с полсотни галлонов соленой воды.

Я подвесил ее на стрелу крана на Адмиралтейской пристани. Портовый инспектор Бенджамин выписал сертификат с указанием веса добычи: восемьсот семнадцать фунтов. После смерти марлина яркие флуоресцентные цвета его, померкнув, сменились равномерным подкопченно-черным, но он впечатлял одними своими размерами: четырнадцать футов шесть дюймов от копейного острия клюва до кончика рельефного хвоста, формой напоминавшего ласточкин.

– На Адмиралтейской мистер Гарри Моисея вздернул! – разносили весть уличные босяки, и островитяне, с радостью хватаясь за повод отлынить от работы, праздничными ручейками стекались на причал.

Слухи дошли до самого утеса, где высилась старинная резиденция губернатора, и вскоре по извилистой дороге прогудел президентский «лендровер» с трепетавшим на капоте ярким флажком. Машина протиснулась сквозь толпу, после чего извергла на причал великого человека по имени Годфри Бидль. До независимости он, рожденный на острове, но получивший образование в Лондоне, был единственным здешним солиситором.

– Мистер Гарри, какой изумительный экземпляр! – восхищенно воскликнул он и подошел пожать мне руку.

Да, такая рыбина способна дать неплохой стимул туристическому бизнесу, ведь он сейчас на подъеме, а Бидль – один из самых прозорливых президентов в здешних краях.

– Спасибо, господин президент.

Даже в черном хомбурге он не доходил мне до плеча. Не человек, а симфония в черных тонах: черный шерстяной костюм, черные лакированные туфли, кожа как полированный антрацит, и лишь над ушами курчавится полоска невероятно белых пушистых волос.

– Поздравляю, от всей души поздравляю!

Президент Бидль аж приплясывал от волнения. Я понял, что и в этом сезоне меня будут приглашать в резиденцию на званые ужины. Президент уже принял меня за своего, за островитянина, пусть даже на это ушел год-другой, и теперь я был одним из его «детей», имевших право на сопутствующие привилегии.

Фред Кокер прибыл на катафалке, но в фотографическом всеоружии. Поставил треногу и скрылся под черной накидкой, чтобы навести древнюю камеру на резкость. Мы же выстроились на фоне колоссальной туши: в центре Чак с удивленным лицом, а вокруг остальные со сложенными руками, как футболисты после матча. Мы с Анджело осклабились, а Чабби устался в объектив, состроив особенно хмурюю гримасу. Отличный кадр для нового рекламного буклета: верная команда и неустрашимый шкипер, фуражка поверх курчавой шевелюры, крепкая шерстяная грудь под расстегнутой рубашкой... В следующем сезоне от клиентов не будет отбоя.

Я сказал, чтобы марлина отволокли на экспортный склад ананасов и убрали в холод, – на следующем рефрижераторном судне отправлю в «Роулэнд уордс оф Ландон», чтоб сделали чучело. Потом велел Анджело с Чабби надраить палубы «Танцующей», перегнать ее в другой конец бухты, заправиться на станции «Шелл» и поставить катер на прикол.

Когда мы с Чаком забирались в кабину моего старенького «форда», Чабби, словно беговой «жучок», притиснулся к пикапу и сказал уголком рта, глядя куда-то в сторону:

– Гарри, насчет премии за марлина...

Я с полуслова понял, о чем он – такое мы проходили после всякой успешной рыбалки, – поэтому договорил за него:

– ...миссис Чабби совсем не обязательно о ней знать.

– Ага, – траурно кивнул наш морской волк и сдвинул на затылок просоленную кепку.

Следующим утром я посадил Чака на девятичасовой рейс, а всю обратную дорогу горланил песни и гудел в гудок «фордика», завидев островитянок, трудившихся на ананасовых плантациях. Девчонки разгибались и, сверкая улыбками из-под широкополых соломенных шляп, махали мне рукой.

В турагентстве Кокера я обналичил Чаковы дорожные чеки «Американ экспресс», но сперва поныл насчет обменного курса. Фред Кокер разodelся как на парад, был во фраке и при черном галстуке: в полдень у него планировались похороны, а потому тренога с камерой на время отправились в чулан, и фотограф вошел в образ гробовщика.

Бюро похоронных услуг Кокера располагалось в соседней с турагентством комнате, имевшей отдельный въезд из переулка. Фред гонял на катафалке в аэропорт, чтобы забрать туристов, но перед тем втихую менял на машине рекламный щит и монтировал дополнительные сиденья над салазками для гроба.

Все клиенты приходили ко мне через Кокера, поэтому он брал десятину с моих дорожных чеков. Еще у Фреда имелось страховое агентство, и он сперва удерживал ежегодный взнос за «Танцующую», а потом тщательно подбивал баланс, после чего я не менее скрупулезно перепроверял все цифры. Рослый, тощий и подтянутый Фред смахивает на школьного учителя, и островной крови в нем ровно столько, чтобы создать иллюзию здорового загара, но пальца ему в рот не

клады: и руку откусит, и ногу вдобавок.

Он с терпеливым пониманием ждал, пока я все подсчитаю, а когда я сунул деньги в задний карман штанов, Фред сверкнул золотым пенсне и сообщил доверительным тоном любящего папаши:

– Не забудь, мистер Гарри, что завтра у тебя клиенты.

– Не забуду, мистер Кокер. И ты не переживай. Команда будет в полном порядке.

– Твоя команда уже в «Лорде Нельсоне», – тактично напомнил Фред, державший на пульсе острова чуткую, но железную руку.

– Мистер Кокер, у меня фрахтовый бизнес, а не общество трезвости. Не переживай, – повторил я и встал. – От похмелья еще никто не умирал.

Я перешел улицу Дрейка и оказался в лавке Эдвардов, где меня приветствовали как героя: сама Мамка Эдди выплыла из-за прилавка и заключила меня в теплые пышногрудые объятия, при этом воркуя:

– Мистер Гарри, я же была вчера на пристани! Видела рыбину, которую ты подвесил, своими глазами видела! – Не размыкая цепких рук, она повернулась и крикнула одной из девочек: – Ширли, ну-ка принеси мистеру Гарри баночку холодного пива!

Я выудил из кармана рулон наличности, и милые продавщицы зачирикали воробьями, а Мамка Эдди закатила глаза и стиснула меня крепче прежнего.

– Напомните-ка, сколько я вам должен, миссис Эдди?

С июня по ноябрь рыбалки тут нет, и Мамка Эдди помогает мне держаться на плаву.

Я облокотился на прилавок с банкой пива в руке и стал выбирать всякие товары, а между делом поглядывать на девичьи ножки, когда продавщицы в мини-юбках сновали по стремянкам, чтобы достать мои покупки с верхних полок. Короче говоря, с тугим рулоном зелени в заднем кармане штанов Старина Гарри чувствовал себя весьма неплохо и даже замечательно.

Потом я отправился на станцию «Шелл», где управляющий встретил меня в дверях кабинета, расположенного между громадными серебристыми баками с горючим:

– Гарри, миленький, я тебя с самого утра жду! Головной офис мне всю плешь проел насчет твоего кредита!

– Считай, что дождался, братец, – ответил я.

Подобно большинству красавиц, «Танцующая по волнам» – весьма требовательная госпожа, и по возвращении в «фордик» карман мой заметно отощал.

Меня поджидали на открытой веранде «Лорда Нельсона». Остров уже шесть лет как наслаждается независимостью от короны, но очень гордится былыми связями с Королевским ВМФ, который базировался здесь два века кряду, поэтому бар украшают выцветшие эстампы картин давно почивших художников с изображением огромных кораблей, бороздящих воды Мозамбикского пролива или стоящих на рейде

в Гранд-Харборе неподалеку от Адмиралтейской пристани: военных и торговых судов Ост-Индской компании, что запа-сались здесь провиантом и латали прорехи перед долгим пу-тешествием на юг, к мысу Доброй Надежды и дальше в Ат-лантику. На Сент-Мэри помнят и место острова в истории британского флота, и адмиралов, приводивших сюда могу-чие корабли.

От бывшего великолепия «Лорда Нельсона» осталось одно название, но мне все равно по душе его ветхая элегантность, связывающая остров с прошлым гораздо крепче, чем баш-ня из стекла и бетона, воздвигнутая Хилтоном на мысе чуть выше Гранд-Харбора.

Чабби с женой, оба в воскресном облачении, расселись бок о бок на лавке у дальней стены. Проще всего различать их по одежке: в тот день на Чабби была «тройка» (ее он по-купал на свадьбу – теперь же половины пуговиц не хвата-ло, а остальные болтались на нитках) и морская кепка в кри-сталлах соли и пятнах рыбьей крови, а на жене – длинное шерстяное платье (в прошлом черное, но теперь позеленев-шее от старости) и черные викторианские боты на пугович-ных застежках. Что же до темно-махагоновых физиономий, у обоих они практически одинаковые, хотя сегодня Чабби был свежесбрит и, в отличие от супруги, не мог похвастать легкой порослью над верхней губой.

– Здравствуйте, миссис Чабби, как поживаете? – спросил я.

– Спасибо, хорошо, мистер Гарри.

– В таком случае разрешите вас угостить?

– Мне бы каплю апельсинового джина, мистер Гарри, да кружечку биттера на запивку.

Пока я отсчитывал ей мужнину долю, она потягивала сладкий джин и беззвучно шевелила губами, проверяя, не сбился ли я со счета. Чабби с тревогой наблюдал за нами, и я вновь задался вопросом, как он все эти годы ухитрялся скрывать от жены марлиновую премию.

Миссис Чабби допила пиво, и пена осела у нее на усах.

– Пойду я, пожалуй, мистер Гарри.

Она величаво поднялась и выплыла со двора, а когда свернула на улицу Фробишера, я сунул руку под стол, передал Чабби жиденькую стопку купюр, и мы проследовали во внутренний бар.

Справа от Анджело сидела девица, слева – еще одна, а третья пристроилась у него на коленях. Черную шелковую рубашу он расстегнул до самого ремня, выставив напоказ блестящую мускулистую грудь, тесные джинсы не оставляли сомнений в его половой принадлежности, а в сшитых на заказ ковбойских сапогах можно было разглядеть собственное отражение. Волосы он набриолинил и зализал к затылку: сегодня Анджело косил под молодого Элвиса. Сверкал улыбкой на весь бар, словно прожектор, а когда мы рассчитались, сунул по денежке в каждое из трех декольте.

– Элеонора, посиди-ка на коленках у Гарри, только не

сильно ерзай, а то он у нас девственник, так что полегче с ним, поняла? – Он залился счастливым смехом, а потом повернулся к Чабби. – Ну что ты, Чабби, все время то лыбишься, то хихикаешь как дурак. Хватит уже хихикать! – (Тут Чабби совсем нахмурился, пошел складками и стал похож на бульдога.) – Эй, мистер бармен, поднеси стаканчик нашему Чабби! Может, хоть лыбиться перестанет, а то дурак дураком!

Ближе к четырем часам дня Анджело прогнал девиц и стал беседовать со своим стаканом, заранее выложив на стол бритвенно-острый разделочный ножик, злобно блестящий в свете верхних ламп. Он что-то мрачно бормотал, погружившись в пьяную меланхолию, и каждые несколько минут проверял кончик лезвия большим пальцем, после чего обводил питейную комнату сердитым взглядом, но никто не обращал на него внимания.

Чабби сидел напротив меня и улыбался до ушей, словно гигантская бурая жаба, демонстрируя полный комплект крупных и удивительно белых зубов с розовыми пластмассовыми деснами. Потом мускулистой рукой приобнял меня за шею и с чувством изрек:

– Хороший ты парень, Гарри! Я тебе сейчас такое скажу, Гарри, чего никогда еще не говорил. – Он со значением покивал, собираясь с духом, прежде чем сделать объявление, традиционное для каждого дня полочки. – Уважаю я тебя, Гарри. Люблю сильнее, чем брата родного.

Я приподнял его зловонную кепку, ласково погладил Чабби по безволосому коричневому кумполу и признался:

– Я тоже тебя люблю, скорлупка ты моя белоснежная.

Отпрянув на расстояние вытянутой руки, он какое-то время всматривался мне в лицо, а потом взревел львиным хохотом, да таким заразительным, что мы оба еще смеялись, когда к нам подсел Фред Кокер. Поправив пенсне, он чопорно сообщил:

– Мистер Гарри, я только что получил срочную весть из Лондона. Фрахтовка отменяется.

– Что за... – Мне тут же стало не до смеха. Две недели простоя в высокий сезон и вшивые двести долларов неустойки? – Мистер Кокер, крутись как хочешь, но чтобы привел мне клиентов! – От денег Чака остались три сотенные бумажки. – Чтоб клиентов мне привел! – повторил я, а Анджело схватил ножик, со всей дури воткнул его в столешницу и мрачно обозрел комнату, но никто по-прежнему не обращал на него внимания.

– Попробую, – сказал Фред Кокер, – но уже слегка поздно.

– Дай телеграмму тем, кого мы отшили.

– Телеграмму? За чей счет? – вежливо уточнил Фред.

– За мой, черт тебя дери!

Он кивнул и вышел. На улице затарахтел мотор катафалка.

– Не переживай, Гарри, – успокоил меня Чабби, – я все

равно тебя люблю.

Вдруг Анджело, который уже успел провалиться в сон, оглушительно треснулся лбом о дощатый стол. Я сдвинул его голову, чтобы он не захлебнулся в лужице пролитого джина, спрятал ножик в ножны, а заодно забрал из кармана Анджело деньги с целью уберечь их от слонявшихся поблизости девиц.

Чабби заказал еще по одной, после чего неровным голосом затянул бессвязную матросскую песню на островном наречии. Я же сидел и волновался, потому что снова балансировал на грани финансового коллапса.

Господи, как же я ненавижу деньги! Особенно когда их нет. От этих двух недель зависит, переживем ли мы с «Танцующей» скорое безрыбье, не утратив добрых намерений. А я знал, что не переживем. И опять сорвемся в ночные заплывы.

Ну его к черту! Раз деваться некуда, какой смысл тянуть? Пошлю кому надо весточку, что Гарри снова в деле. Приняв решение, я всем нутром ощутил приятный зуд – тот, что всегда донимает меня накануне рискованного дела. В конце концов, следующие две недели могут оказаться не такими уж пустыми.

Я взялся подпевать, хотя песни у нас, похоже, были разные: в моей припев заканчивался гораздо раньше, чем в Чаббиной.

Неудивительно, что наша песнопевческая вакханалия

привлекла внимание стражей правопорядка. На Сент-Мэри закон является к людям в обличье инспектора и/или четверых патрульных, которых для нашего острова более чем достаточно: если не считать «половых сношений с несовершеннолетними» и эпизодического поколачивания жен, здесь нет ничего, что можно называть «преступностью».

Инспектор Питер Дейли – молодой человек с белесыми усиками, британским румянцем на гладких щеках и блекло-голубыми, посаженными у самой переносицы глазами, что добавляет ему сходства с амбарной крысой. Он наряжен под сотрудника британской колониальной полиции: фуражка с серебряной кокардой и рантиком из лакированной кожи, форма защитного цвета, отутюженная и накрахмаленная так, что поскрипывает при ходьбе, лакированный поясной ремень и португепя справа налево – ее еще называют «поясом Сэма Брауна». В руке – офицерский стек из ротанга, также затянутый в лакированную кожу. Если не обращать внимания на желто-зеленые островные эполеты, передо мною стояла гордость Британской империи, но империи имеют свойство подгнивать, а служащие им люди – и подавно.

– Мистер Флетчер, – произнес Дейли, нависнув над столом и легонько похлопывая стеклом о ладонь, – я пришел выразить надежду, что сегодня вечером обойдется без неприятностей.

– Сэр, – подсказал я.

Мы с инспектором так и не сдружились. Не люблю наха-

лов, а еще не люблю, когда власть имущие вдобавок к приличному жалованью обирают честных людей. В прошлом Дейли отгрыз немалую долю моего золотишка, добытого тяжким трудом, и это самый непростительный из его грехов.

Плотно сжав губы под белесыми усиками, инспектор побагровел и нехотя выдавил:

– Сэр.

По правде говоря, на заре времен мы с Чабби, вздернув Моисея, разок-другой давали волю мальчишеской дурашливости, но Дейли все равно не имел права говорить со мной в таком тоне. В конце концов, он всего лишь экспатриант с трехлетним контрактом, и сам президент нашептал мне, что этот контракт возобновлять не планируется.

– Инспектор, согласитесь ли вы, если я предположу, что этот паб – общественное место и что мы с друзьями имеем полное право здесь находиться?

– Соглашусь.

– Прав ли я, считая, что мелодичное исполнение благопристойных песен в общественном месте не содержит в себе состава преступления?

– Да, правы, но...

– В таком случае шли бы вы куда подальше, инспектор, – ласково посоветовал я.

Он помедлил, поглядывая то на Чабби, то на меня. Мы вдвоем с Чабби – сила, с которой нельзя не считаться, и Дейли уже видел у нас в глазах дьявольский боевой огонек. Судя

по лицу, он сильно жалел, что не захватил с собой патрульных.

– И не забывайте, что вы у меня под наблюдением, – наконец процедил он, цепляясь за остатки достоинства, как нищий цепляется за свои лохмотья, и удалился.

– Чабби, твоему пению сами ангелы обзавидуются, – сказал я.

– Гарри, вот за это я тебя угощу, – просиял Чабби, а Фред Кокер подоспел как раз вовремя, чтобы Чабби и его угостил. Меня чуть не вывернуло, когда Фред опрокинул кружку лагера с лаймовым соком, но принесенные им известия оказали на мой организм самое целительное воздействие.

– Мистер Гарри, будут тебе клиенты.

– Мистер Кокер, ты ж моя радость!

– И моя, – подхватил Чабби.

Но в глубине души меня кольнуло разочарование – ведь я уже предвкушал очередной ночной заплыв.

– Когда приезжают? – спросил я.

– Уже приехали. Под дверью топтались.

– Да ну?!

– Они в курсе, что у вас сорвалась фрахтовка. Спрашивали конкретно тебя, Гарри Флетчера. Наверное, прилетели на одном самолете с весточкой из Лондона.

В тот момент соображал я туговато, иначе непременно понял бы, что все складывается на удивление гладко: не успел сорваться один клиент, как тут же объявляется другой.

– Они остановились в «Хилтоне».

– Хотят, чтобы я их забрал?

– Нет. Приедут на Адмиралтейскую своим ходом. Завтра, в десять утра.

Как же хорошо, что клиенты назначили встречу на десять, а не раньше. Тем утром на борт «Танцующей» взошла команда живых мертвецов. Анджело постанывал, и всякий раз, когда нагибался, чтобы свернуть канат или поправить оснастку, кожа его приобретала шоколадный оттенок. А Чабби потел чистым спиртом, и я, глядя на его образину, содрогался от ужаса. За все утро он не вымолвил ни слова.

Мне тоже нездоровилось. «Танцующая» льнула к бетону пристани, а я, облокотившись на поручни штурманского мостика, взирал на мир сквозь стекла самых темных «поляроидов» из моей коллекции и старался не обращать внимания на щекотку в темени: для почесывания требовалось снять фуражку, а я опасался, что сниму ее вместе с головой.

Наконец, «ситроен» 1962 года выпуска – единственное такси на острове – прокатил по улице Дрейка и остановился у въезда на причал. Из салона выбрались мои клиенты. Их оказалось двое, но я ожидал троих: ведь Кокер совершенно точно сказал, что «Танцующую» зафрахтовали трое.

Они зашагали по вымощенному камнем причалу, я же, наблюдая за ними, непроизвольно выпрямился. Физические муки отступили в пределы несущественных неудобств, и на

смену им пришла та самая чуйка, неторопливо выкручивающая кишки, а с нею – легкое покалывание в руках и загривке.

Один высокий, походка легкая, как у профессионального спортсмена. Голова непокрытая, светло-рыжие волосы тщательно зачесаны поперек безвременно облысевшего темени, сквозь жидкие пряди просвечивает розовый скальп, но никакого жира на боках и животе. Настороженный. Пожалуй, это слово лучше других описывало ту готовность к чему угодно, которую он проецировал в окружающий мир.

Как говорится, рыбак рыбака... Этот человек не постесняется применить силу. На жаргоне таких зовут бойцами, и не важно, по какую сторону закона он практикует свои навыки – блюдет порядок или возмущает спокойствие. Такой клиент не сулит ничего хорошего. До этого момента я надеялся, что мне не доведется встретить подобных барракуд в мирных водах Сент-Мэри, но теперь понял, что от судьбы не убежишь, и живот скрутило чуть сильнее.

Беглым взглядом я окинул второго. Из-за возраста и лишнего веса он пообмяк и уже не так сильно бросался в глаза, но хорошего тоже мало.

– Приятный сюрприз, Гарри, – с горечью доложил я себе. – К похмелью в придачу.

Теперь я видел, что за главного у них второй. Он шествовал на полшага впереди: явная дань уважения со стороны молодого и высокого. На несколько лет старше меня, годов под сорок. Над крокодиловым ремнем намек на брюшко, под

первым подбородком – второй, но стригся этот парень на Бонд-стрит, а шелковую рубашку фирмы «Сулка» и мягкие туфли от Гуччи носил как воинские знаки различия. Шагая по причалу, он то и дело касался подбородка и верхней губы белым носовым платком, и я прикинул, что бриллиант на мизинце – в перстне из чистого золота – тянет на пару каратов. Часы тоже были золотые – то ли «Ланвин», то ли «Пьяже».

– Флетчер? – уточнил он, остановившись у «Танцующей».

Черные бусины глаз, как у хорька, пронзительные и без намёка на душевное тепло. Хищник. Теперь я видел, что он старше, чем казалось поначалу, потому что шевелюра у него была крашеная – по всей очевидности, чтобы скрыть седину. Кожа на щеках неестественно натянутая, у линии роста волос – шрамы от пластической операции. Ему делали подтяжку. Стало быть, парень из тщеславных, подметил я на будущее.

Старый солдат. Начинал на линии фронта, но поднялся до командира. Мозг, а второй – мускул. Кто-то прислал сюда разведгруппу. Наконец меня осенило: я понял, почему те, первые клиенты, отказались от моих услуг.

Телефонный звонок, а потом личное общение с этой парочкой, и у среднестатистического обывателя навсегда пропадет охота ловить марлинов. Допускаю, что прежние мои клиенты так спешили аннулировать фрахтовку, что сильно поранились.

– Мистер Мейтерсон? Прошу на борт... – Ясно было, что эти двое приехали не за марлином, и я решил держаться скромнее, пока не проясню расклад, а потому запоздало добавил: – Сэр.

Мускул по-кошачьи мягко спрыгнул на палубу. Наброшенная на руку куртка тяжело качнулась, и я понял, что в ее кармане лежит нечто увесистое. Он встал лицом к команде и, выпятив подбородок, окинул всех быстрым взглядом.

Анджело ответил ему бледным подобием своей знаменитой прожекторной улыбки и коснулся козырька – «милости просим, сэр». А Чабби на мгновение перестал хмуриться и сердечно приветствовал гостей, но таким тоном, словно проклял их и обрек на адские муки. Не потрудившись ответить, мускул подал руку мозгу и помог ему спуститься на палубу, где тот застыл, пока телохранитель проверял кают-компанию «Танцующей», после чего Мейтерсон вошел в нее, а я последовал за ним.

Условия у нас роскошные, на все сто двадцать пять тысяч фунтов, которые я отвалил за этот катер. Кондиционер отчасти компенсировал утреннюю жару, и Мейтерсон, испустив вздох облегчения, в последний раз промокнул лицо носовым платком, после чего осел на мягкое сиденье.

– Это Майк Гаттри, – кивнул он на мускула. Тот ходил по каюте, проверял все уголки, заглядывал в каждую дверь и, честно говоря, переигрывал с крутизной.

– Приятно познакомиться, мистер Гаттри. – Я сдобрил

улыбку щедрой порцией мальчишеского обаяния, но мускул отмахнулся, даже не глянув в мою сторону.

– Выпьем?

Я открыл бар. Оба взяли по баночке колы. Мне же требовалось какое-нибудь лекарство от последствий вчерашнего загула и сегодняшнего потрясения. Первый же глоток холодного пива вернул меня к жизни.

– Итак, джентльмены, могу предложить отменную рыбалку. Буквально позавчера мы выудили фантастическую рыбу, и, судя по всем признакам, она в наших водах не единственная...

Тут Майк Гаттри уставился мне в переносицу. Глаза его, карие в светло-зеленую крапинку, напоминали сотканый вручную твид.

– Я тебя знаю? – спросил он.

– Вряд ли я имел удовольствие...

– Ты из лондонских, так? – Это было сказано с демонстративным британским акцентом.

– Бросил родину-матушку много лет тому назад, браток, – с усмешкой перешел я на лондонский говор.

Не улыбнувшись, Гаттри уселся в кресло напротив моего, положил руки на стол между нами – ладонями вниз, растопырив пальцы, и снова уставился мне в глаза. Крутейший малый, круче некуда.

– Боюсь, что сегодня уже поздно, – бодренько распинался я. – Если планируем рыбачить на Мозамбикском течении,

выходить надо до шести утра. Однако завтра можно собраться пораньше...

– Гляньте на список, Флетчер, – перебил меня Мейтерсон, – и скажите, чего вам не хватает.

Он протянул мне сложенный лист фулскапа, и я просмотрел рукописную колонку. Снаряжение для дайвинга и подъемно-спасательных работ.

– То есть вы, джентльмены, не рыбалкой интересуетесь? – изумился Старина Гарри, словно не веря собственным глазам.

– Мы приехали осмотреться. Только и всего.

– Вы платите, – пожал я плечами, – а мы делаем то, что вам угодно.

– Значит, у вас имеется все по списку?

– Почти все.

Когда рыбалки нет, я предлагаю неплохую скидку для фанатов дайвинга, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Поэтому у меня имеются и гидрокостюмы, и акваланги на любой вкус, а в машинном отделении «Танцующей» стоит воздушный компрессор для заправки баллонов.

– Вот только подъемных поплавок нет, и всех этих трюсиков... – добавил я.

– Найдете?

– Без проблем!

У Мамки Эдди неплохой выбор судовых припасов, а папаша Анджело шьет паруса. За пару часов состряпает нам

первоклассные поплавки.

– Тогда найдите.

– Хорошо. Когда выдвигаемся?

– Завтра утром. С нами будет еще один человек.

– Мистер Кокер уже говорил, что я беру пятьсот долларов в день, не считая расходов на дополнительное снаряжение?

Мейтерсон кивнул и поерзал – так, словно собирался встать.

– Нельзя ли небольшой аванс? – вежливо спросил я. Они замерли, а я заискивающе улыбнулся. – Зима выдалась долгая и голодная, а мне надо много чего докупить. Еще и катер заправить...

Мейтерсон достал бумажник и, отсчитывая триста фунтов пятерками, промурлыкал негромко:

– Обойдемся без вашей команды, Флетчер. Чтобы помочь с управлением, хватит нас троих.

Неожиданный поворот. Я оторопел.

– Если отправим их на берег, все равно придется выплатить полное жалованье. Так что сэкономить на фрахте не получится.

– Ты что, Флетчер, оглох? – Сидевший напротив Майк Гаттри придвинулся ближе. – Гони своих черномазых с катера.

Аккуратно свернув пачку пятифунтовых банкнот, я убрал их в нагрудный карман, застегнул клапан на пуговку и посмотрел на Гаттри. Заводной парень. Уже напрягся, ждет мо-

ей реакции, а в крапчатых глазах я впервые углядел хоть какую-то душу, и эта душа нарывалась на грубость. Гаттри знал, что задел меня за живое, надеялся, что я рискну отплатить ему той же монетой, и ждал этого, изнемогая от желания превратить меня в мокрое место. Руки он по-прежнему держал на столе, ладонями вниз, пальцы растопырены, и я подумал, что могу сломать ему мизинцы в межфаланговых суставах с той же легкостью, с какой ломают пару сырных палочек, а он и дернуться не успеет. При этой мысли я почувствовал огромное удовольствие, так как сейчас был очень зол. Друзей у меня немного, но я ими дорожу.

– Ты слышал меня, сынок? – прошипел Гаттри, и я, откопав в недрах злобы прежнюю мальчишескую улыбку, нацепил ее на физиономию под самым парадоксальным углом.

– Да, сэр, за ваши деньги, мистер Гаттри, все, что пожелаете.

Я чуть не подавился собственными словами, а он разочарованно откинулся на спинку сиденья. Как всякий мускул, он обожал свою работу. В тот момент я понял, что скоро убью его, и почерпнул в этом понимании довольно сил, чтобы удержать улыбку на лице.

Пронзительные глазки Мейтерсона рассматривали нас отстраненно и с энтомологическим интересом, как глаза ученого, исследующего пару подопытных образцов. Поняв, что страсти на время поутихли, он снова замурчал:

– Вот и хорошо, Флетчер. – Он подошел к столу. – Подго-

товъте снаряжение и ждите нас завтра в восемь утра.

Я проводил их, а потом сел допивать пиво. Может, дело было в похмелье, но в груди у меня закопошилось самое дурное предчувствие насчет всей этой фрахтовки, и я понял, что Чабби с Анджело и впрямь лучше остаться на берегу, поэтому вышел на палубу и сообщил им новости:

– Стыдно сказать, но у этих страхолюдин какой-то большой секрет, и они желают, чтобы вас тут не было.

Потом подцепил баллоны к компрессору на дозаправку, и мы оставили «Танцующую» у причала. Я отправился к Мамке Эдди, Анджело понес чертежи поплавков в папашину мастерскую, а Чабби от нечего делать составил ему компанию.

К четверем дня поплавки были готовы. Я заехал за ними на «фордике», отвез на катер и убрал в канатный ящик под сиденьями кокпита, а следующий час провел за разборкой-сборкой запорных клапанов и проверкой остального подводного снаряжения.

На закате я единолично отвел «Танцующую» к месту стоянки и собрался уже отправиться к берегу на ялике, как меня посетила отличная мысль. Я вернулся в каюту, отодвинул щеколды машинного люка, достал из тайника «ФН», дослал патрон в патронник и, поставив переводчик огня в режим стрельбы очередями и щелкнув предохранителем, повесил бельгийца на место.

Пока не стемнело, я вооружился стареньким неводом и

побрел по лагуне к береговому рифу. В лучах заходящего солнца углядел под водой огненно-медное мельтешение, размахнулся от плеча, закинул сеть, и та громадным парашютом опустилась на стайку полосатой кефали. Затянул трос, невод сомкнулся, а когда я подтянул его, в мокрых складках мотни бились и плескались пять серебристых рыбин размером с мое предплечье.

Двух зажарил и съел на веранде хибары – на вкус они лучше, чем форель из горной речки, – после чего взял второй стаканчик виски и досидел до темноты.

Обычно в это время суток здешняя атмосфера окутывает меня одеялом покоя и благолепия, и я начинаю понимать, в чем смысл нашей земной жизни, но тем вечером все было иначе. Я гневался на чужаков, явившихся к нам с отравой собственного изготовления и готовых расплескать ее по всему острову Сент-Мэри. Пятью годами раньше я скрылся от подобной жизни, уверенный, что нашел безопасное пристанище. Но если уж посмотреть правде в глаза, из-за гневной завесы проступало приятное волнение. Нутро подсказывало мне, что впереди еще одно рискованное дело. Пока что я не знал, каковы ставки, но догадывался, что они довольно высоки, и понимал, что снова подсаживаюсь к столу, за которым ведется серьезная игра.

Опять сворачиваю на кривую дорожку – ту, что я выбрал в семнадцать лет, когда сознательно отказался от университетской стипендии, слинял из сиротского дома Стефана Пер-

вомученика в Северном Лондоне, соврал насчет возраста и записался на идущий в Антарктику плавучий китобойный завод. Там, у кромки великих льдов, растерял я последние крупницы аппетита к размеренной жизни, а когда истратил все, что нажил на китобое, поступил в батальон особого назначения, где выяснил, что насилие и причинение внезапной смерти – особый вид искусства. После чего я оттачивал свои навыки сперва в Малайе и Вьетнаме, а позже в Конго и Биафре, пока однажды в уединенной лесной деревушке, где полыхали крытые соломой хижины, вздымая в пустое медно-красное небо столбы смолистого черного дыма, а над трупами звонко роились фиолетовые мухи, мне не стало тошнее тошного, и я понял, что с меня хватит.

В Южной Атлантике я влюбился в океан, и хотел теперь осесть где-нибудь у большой воды, обзавестись катером и проводить долгие тихие вечера в праздной безмятежности.

Но чтобы все это купить, для начала нужны деньги. Очень много денег. Столько денег, что добыть их я мог, лишь призвав на помощь свои навыки.

Ну ладно, еще разок, решил я и старательно все просчитал. Мне требовался подручный, и я выбрал в помощники человека, с которым познакомился еще в Конго. Вдвоем мы явились на Белгрейв-сквер, где обчистили нумизматический отдел Британского музея¹ – стащили три тысячи ред-

---

¹ Британский музей расположен в районе Блумсбери. – *Здесь и далее примеч. перев.*

ких золотых монет, легко вместившихся в средних размеров портфель: монеты римских цезарей и византийских императоров, первых американских штатов и английских королей, флорины и «двойные леопарды» Эдуарда III, нобли Генрихов и энджелы Эдуарда IV, кроны с розой Генриха VIII, пятифунтовики Георга III и Виктории... Короче, эти три тысячи монет даже по ценам вынужденной продажи тянули на два миллиона долларов, и это как минимум.

Затем я допустил первую ошибку в карьере профессионального преступника, а именно доверился другому жулику. Настигнув своего ассистента в Бейруте, где он квартировал в одной из арабских гостиниц, я, не стесняясь в выражениях, пожелал узнать, куда делся портфель с добычей, и ответом мне стала извлеченная из-под матраса девятимиллиметровая «беретта». Так уж вышло, что в последующей суе моему экс-подручному свернули шею, и очень кстати: мне не хотелось лишать его жизни, но еще сильнее не хотелось, чтобы он лишил жизни меня. Я повесил на дверную ручку табличку «Не беспокоить», а сам купил билет на следующий рейс из страны. Десятью днями позже история о том, как полиция обнаружила портфель с монетами в камере хранения на Паддингтонском вокзале, появилась на первых страницах всех британских газет.

Я попробовал снова – теперь в Амстердаме, на выставке ограненных бриллиантов, – но плоховато изучил систему электронной сигнализации, а посему наткнулся на маячок –

из тех, на которые не следовало наткаться.

Нанятые организаторами выставки охранники в штатском опрометчиво бросились навстречу полицейским в форме, ворвавшимся в здание через главный вход, и последствием их столкновения стала живописная перестрелка, в то время как совершенно безоружный Гарри Флетчер растворился в ночи под аккомпанемент громогласных возгласов попеременно с не менее оглушительной стрельбой.

Когда противоборствующие стражи закона заключили перемирие, я был на полпути к Схипхолу, но к тому времени сержант голландской полиции уже получил тяжелое ранение в грудь.

Рядом с аэропортом Цюриха есть гостиница сети «Холлидей инн», в одном из номеров которой я нервно обгрызал ногти, глотал одно пиво за другим и пялился в телевизор, из которого вещали, как доблестный сержант борется за жизнь. Мне чертовски и даже адски не хотелось, чтобы на моей совести повис еще один мертвец, и я торжественно поклялся, что, если полисмен не выживет, я навсегда забуду о переезде в солнечный рай на океанском побережье.

Но голландский сержант собрал волю в кулак, и вы не представляете, как я им гордился, когда врачи объявили, что пациент идет на поправку. Позже его повысили до заместителя инспектора и наградили премией в пять тысяч крон, а я убедил себя, что на самом деле я его волшебник-крестный, и бывший сержант обязан всю жизнь поминать меня добрым

словом.

Теперь, однако, я был потрясен уже не одной неудачей, но целыми двумя, поэтому полгода проработал инструктором в школе выживания «Аутворд-баунд», параллельно размышляя о будущем, а спустя шесть месяцев решился на третий рывок.

На сей раз я уделил подготовке самое пристальное внимание. Эмигрировал в Южную Африку и поселился в Претории, где благодаря своей квалификации сумел устроиться рядовым сотрудником в охранную фирму, отвечавшую за транспортировку золотых слитков из Южно-Африканского резервного банка в заморские края. Целый год я перевозил сотни миллионов долларов в золоте и за это время изучил систему как свои пять пальцев. Слабое звено обнаружилось в Риме – но без подручного снова было не обойтись.

Поэтому я обратился к профессионалам, но цену услуг обозначил такую, чтобы им было проще заплатить мне, чем угомонить на веки вечные, и прикрылся от предательства с тысячи всевозможных сторон.

Все прошло гладко, по плану и без жертв: никаких огнестрельных ранений или проломленных черепов. Мы попросту подменили часть груза свинцовыми обманками, после чего погрузили две с половиной тонны золота в мебельный фургон и пересекли на нем швейцарскую границу.

В Базеле, сидя в гостях у одного банкира, чьи приватные комнаты украшал бесценный антиквариат, а окна выходили

на быстрые воды широкого Рейна с его величавыми белыми лебедями, Мэнни Резник перевел на мой конфиденциальный счет сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, а потом издал многозначительный хищный смешок:

– До скорой встречи, Гарри. Теперь ты изведал вкус крови, а посему непременно вернешься. Отдохни как следует, придумай дело не хуже этого и приходи.

Он ошибся. Я так и не пришел. Взял напрокат машину, умчался в Цюрих, а оттуда вылетел в Париж-Орли, где закрылся в мужской уборной, сбрил бороду и забрал из платной камеры хранения чемодан с паспортом на имя Гарольда Делвилла Флетчера, после чего сел на самолет компании «Пан Американ» и отправился в Сидней. Это такой город в Австралии.

«Танцующая по волнам» обошлась мне в сто двадцать пять тысяч фунтов. Загромоздив палубу емкостями с топливом, я рванул в долгий вояж к острову Сент-Мэри, и за эти две тысячи миль мы с «Танцующей» влюбились друг в друга раз и навсегда.

На острове я прикупил двадцать пять акров спокойствия, где собственными руками поставил хижину – четыре комнаты, соломенная крыша и широкая веранда, а вокруг поросший пальмами белоснежный пляж, – и с тех пор шагал исключительно по прямой дорожке. Ну, если не считать эпизодических ночных заплывов...

Когда я отогнал воспоминания, было уже поздно, и зали-

тый лунным светом берег омывали волны высокого прилива. Поэтому я ушел в спальню и забылся сном невинного младенца.

Следующим утром они явились вовремя. Сразу видно, у Чарли Мейтерсона не забалуешь. Выбрались из такси у входа на причал, когда я уже отдал все швартовы, кроме кормовых и носовых, и убивал время, вслушиваясь в сладкозвучную болтовню обоих двигателей.

Они приближались, и я сосредоточил внимание на третьем персонаже. Неожиданный тип: высокий, поджарый, с широкой дружелюбной физиономией и шелковистыми черными волосами. В отличие от остальных, дочерна загорелый – по крайней мере, лицо и руки, – зубы крупные, белоснежные, такая же белая футболка, а в дополнение к ней – джинсовые шорты. По широченным плечам и мощным рукам я сразу понял, кому предназначается снаряжение для дайвинга.

На плече у парня болтался здоровенный и по виду тяжелый брезентовый вещмешок, но пловец, словно не замечая его веса, жизнерадостно щебетал, а спутники отвечали ему односложными ремарками, шагая справа и слева от него, словно телохранители.

Поравнявшись с «Танцующей», он поднял голову, и я разглядел молодое задорное лицо. Парень явно волновался, предвкушая увлекательное приключение, – примерно как я

лет десять тому назад. До боли знакомая картина.

– Привет! – дружелюбно улыбнулся пловец, и до меня дошло, что он ко всему прочему еще и красавчик.

– Приветствую, – ответил я.

Юноша понравился мне с первого взгляда, и я никак не мог понять, как он угодил в эту волчью стаю. Под моим руководством они выбрали последние два каната, и я, наблюдая за этой разминкой, понял, что из всей троицы один лишь пловец в прошлом имел дело с катерами вроде моего.

Когда мы вышли из гавани, они с Мейтерсоном поднялись на штурманский мостик, и мозг нашего предприятия, совладав с одышкой – физиономия у него порозовела, хотя он, считай, никак не напрягался, – представил мне новичка:

– Это Джимми.

Мы обменялись рукопожатием. Я прикинул, что парню слегка за двадцать, и не заметил ничего, что перечило бы первому впечатлению. Глаза у пловца были цвета морской волны в пасмурную погоду, спокойные и невинные, а ладонь оказалась сухой и крепкой.

– Загляденье, а не катер, капитан, – сообщил он мне тоном, которым сказал бы дамочке с коляской, что у нее прелестное дитя.

– Да, неплохой старичок.

– Сколько футов? Сорок четыре? Сорок пять?

– Сорок пять, – ответил я, чувствуя растущую симпатию к этому мальцу.

– Джимми объяснит, куда плыть, – вмешался Мейтерсон. – Делайте, что прикажет.

– Договорились, – кивнул я, а Джимми покраснел под загаром.

– Приказывать я не стану, мистер Флетчер, – покачал он головой. – Просто покажу, куда нам надо.

– Отлично, Джим. Куда надо, туда и отвезу.

– Когда остров останется позади, возьмите, пожалуйста, западнее.

– И как долго мы намерены плыть на запад? – уточнил я.

– Будем следовать вдоль береговой линии материка, – снова вмешался Мейтерсон.

– Отлично, – сказал я. – Просто замечательно. Но вы же в курсе, что у местных не принято встречать незнакомцев с транспарантами «Добро пожаловать»?

– В таком случае будем держаться подальше от берега.

Я на мгновение задумался, не стоит ли вернуться к Адмиралтейской и высажить всю эту шайку на берег.

– Куда вы хотите попасть? К северу или к югу от устья реки?

– К северу, – ответил Джимми, и я передумал возвращаться.

К югу от устья полно патрульных вертолетов. Тамошние власти весьма трепетно относятся к своим территориальным водам, и соваться туда среди бела дня я не планировал.

Север, однако, дело другое, берег практически пустой. В

Зинбалле имеется один-единственный патрульный катер, но когда он на ходу – а такое бывает от силы пару-тройку раз в неделю, – пограничники, как правило, вусмерть упиваются пальмовым вином – его тут сбраживают по всему побережью. Если же команда патрульного катера и двигателя функционируют одновременно, тот способен разогнаться до целых пятнадцати узлов, в то время как «Танцующая» запросто выдает двадцать два – стоит только попросить.

И последний туз в рукаве: я мог провести «Танцующую» по лабиринту островков и прибрежных рифов кромешной ночью под ревушим муссоном, а командир патрульного катера, судя по моему опыту, старательно избегал такого сумасбродства, предпочитая оставаться в тиши и спокойствии залива Зинбалла даже в самые ясные и солнечные дни, когда на море полный штиль. Говорили, что командир сильно страдает от морской болезни и не уходит в отставку лишь потому, что Зинбалла находится в достаточном отдалении от столицы, где он однажды вынужден был закончить министерскую карьеру из-за некоторых неприятностей, связанных с исчезновением крупных объемов гуманитарной помощи.

На мой скромный взгляд, этот человек как нельзя лучше годился для своей нынешней должности.

– Тогда ладно, – согласился я, поворачиваясь к Мейтерсону. – Но такие запросы, как понимаете, обойдутся вам в лишние двести пятьдесят долларов в день. Плата за риск.

– Как понимаете, я к этому готов, – спокойно ответил тот.

Возле маяка на Устричном мысе «Танцующая» сделала поворот. Утро выдалось ясное, небо – чистое и высокое, а неподвижные и ослепительно-белые колонны пушистых облаков отмечали местоположение каждой островной группы.

Разбиваясь о бастион Африканского континента, неумолимая процессия океанских пассатов откатывалась в прибрежный пролив разнобоям шквальных порывов ветра, дробящих светло-зеленые воды на зловещие белые барашки. «Танцующая» их обожала: лишней повод повертеть задницей на волнах.

– Вы что-то ищете или просто осматриваетесь? – как бы походя спросил я, и пловец, возбужденно сверкая серыми глазами, собрался было выложить все как на духу, но Мейтерсон его опередил.

– Просто осматриваемся, – брякнул он с таким опасным лицом, что Джимми тут же захлопнул варежку.

– Я знаю эти воды, – объяснил я. – Каждый остров знаю, каждый риф. Могу сэкономить вам массу времени. И немножко денег.

– Очень любезно с вашей стороны, – поблагодарил меня Мейтерсон с доброй долей иронии, – но у нас нет нужды экономить.

– Как скажете, – пожал я плечами, – деньги ваши.

Мейтерсон бросил взгляд на Джимми, дернул подбородком – мол, за мной, – и оба спустились в кокпит, где встали у кормового релинга, и Мейтерсон пару минут что-то говорил

– тихо, но очень убедительно. Джимми помрачнел, смутился, надулся по-мальчишески, и я понял, что ему крепко сели на уши насчет конфиденциальности.

Вернувшись на штурманский мостик, он кипел от негодования – я впервые заметил, что у него волевой подбородок, и пришел к выводу, что приятная внешность – не единственное его достоинство.

Из каюты – очевидно, по приказу Мейтерсона – вышел Гаттри. Развернул лицом к мостику здоровенное кресло для вываживания и развалился на мягком сиденье, расслабленный, но по-прежнему опасный, словно отдыхающий леопард, после чего уставился на нас, закинув одну ногу на подлокотник, а вторую прикрыв парусиновой курткой с чем-то тяжелым в кармане.

Дружная команда, усмехнулся я и продолжил с филигранной точностью вести «Танцующую» между островов, окаймленных ослепительно-белым, словно свежевыпавший снег, коралловым песком и увенчанных шапками густой темно-зеленой растительности. Я любовался грациозными пальмами – откликаясь на слабые дуновения былых пассатов, те кивали мне в ответ, – но не забывал поглядывать в прозрачные воды, где зловредными чудищами бугрились опасные рифы.

Мы шли то в одну сторону, то в другую, и я пытался уловить хотя бы намек насчет цели нашей экспедиции. Но Джимми, все еще хмурый после выволочки Мейтерсона, держал рот на замке, разве что время от времени просил сме-

нить курс – после того, как я указывал наше местоположение на крупномасштабной адмиралтейской карте, которую парень извлек из зеленого вещмешка.

На карте не имелось посторонних отметок, но я, исподтишка изучив ее, догадался, что нас интересует область длиной от пятнадцати до тридцати миль к северу от многочисленных устьй Рувумы и шириной миль шестнадцать, если считать от берега. Тут примерно триста островов всевозможных размеров, от нескольких акров до многих квадратных миль, – короче говоря, огромный стог сена, где нам предстояло найти какую-то иголку.

Но я довольствовался уже тем, что возвышался на мостике, потихоньку бороздил морские просторы, наслаждаясь чуткостью, с которой «Танцующая» отзывалась на мои касания, а между делом наблюдал за повадками птиц и морских тварей.

Майк Гаттри тем временем сидел в рыбацком кресле, и черепушка его под жидкими волосенками начинала приобретать неоновую-алый оттенок.

«Жарься, сволочь», – радостно подумал я, а об особенностях тропического солнца напомнил только в сумерках, когда мы возвращались домой.

Назавтра Гаттри страдал. Вместо лица у него была кроваво-красная опухоль, перемазанная какой-то белой дрянью, но все равно сверкавшая, словно фонарь левого борта на океанском лайнере, а на голову он нахлобучил широкополую

матерчатую шляпу.

К полудню второго дня мне стало скучно. Джимми после вчерашней взбучки отчасти восстановил доброе расположение духа, но все равно оставался никуда не годным собеседником и так секретничал, что, когда я интересовался, будет ли он пить кофе, он с полминуты думал и только потом отвечал, что будет.

Что ж, тем лучше; мне было чем заняться, поскольку сегодня я намеревался отужинать рыбой. Поэтому, заметив впереди эскадру некрупной королевской макрели, атакующую внушительный косяк сардин, я передал штурвал Джимми, велел ему держать прежний курс, а сам метнулся вниз, в кокпит, где Гаттри, настороженно вода распухшим малиновым рылом, стал следить за каждым моим движением.

Заглянув в каюту, я увидел, что Мейтерсон, который за эти два дня ни разу не вышел на палубу, уже открыл бар и намешивает джин с тоником, – но за семьсот пятьдесят баксов в день он имел на то полное право, и я решил, что не стану на него сердиться.

Я открыл ящичек со снастями, выбрал две перьевые приманки и приступил к делу. Когда мы пересеклись с курсом сардин, я уже выудил одну макрель, любовался, как золотистая рыбина бьется и сверкает на солнце, после чего смотал леску, убрал снасти на место и, поправив на оселке кончик большого разделочного ножа, рассек брюхо макрели от анального отверстия до жабр, потом выковырял из него

пригоршню окровавленных внутренностей и зашвырнул их в кильватер.

В тот же миг две чайки, что увивались за нами, жадно накинулись на лакомые отбросы. Их пронзительный гвалт привлек других чаек, и через несколько минут за кормой творилось форменное безобразие, но весь этот шум и гам не помешал мне расслышать металлический щелчок за спиной и безошибочно распознать в нем звук, с которым взводят курок самозарядного пистолета. Дальше я действовал исключительно по велению инстинкта: не задумываясь, перехватил разделочный нож за лезвие, одним движением развернулся и спрыгнул на палубу, приземлившись на пятки и левую руку, одновременно с этим занес для броска правую, с ножом, и начал распрямлять ее в момент визуального контакта с целью.

В правой руке Майк Гаттри держал здоровенный автоматический пистолет: старомодный военно-морской «сорок пятый», способный проделать в груди дырку диаметром с тоннель лондонского метрополитена. Страшная штука.

Тяжелым длинным лезвием разделочного ножа я едва не пригвоздил Гаттри к спинке кресла. Спасло его, во-первых, то, что «сорок пятый» был направлен не на меня, а во-вторых, комичное изумление на его пунцовой физиономии.

Чудовищным усилием воли я разомкнул цепь инстинктивных действий и сумел удержать нож в руке. Мы уставились друг на друга, и Гаттри понял, что чудом остался жив.

Вымученно улыбнулся, но обгорелые губы его дрожали, и улыбка вышла неубедительная. Я выпрямился, вонзил нож в разделочную доску и тихонько посоветовал:

– Не играй с этой штуковиной у меня за спиной. Сделай такое одолжение.

Мускул звучно рассмеялся и снова стал невозмутим: развернулся в кресле и, прицелившись куда-то за корму, дважды спустил курок. Грохот выстрелов перекрыл урчание моторов «Танцующей», а над палубой повисла кордитовая вонь, но ее тут же сдуло ветром.

Разорванные в клочья тяжелыми пулями, две драчливые чайки превратились в нелепые комки окровавленных перьев, а остальные с паническими криками разлетелись кто куда. Судя по тому, что стало с птицами, мускул зарядил свой «сорок пятый» патронами с экспансивными пулями, а это серьезный аргумент – покруче обреза.

Гаттри снова уселся ко мне лицом, поднес пистолет к губам и сдул воображаемый дымок, изображая Джона Уэйна². Что тут скажешь – ловко он управляется с таким внушительным калибром.

– Любо-дорого, – похвалил я и повернулся к лестнице, ведущей на мостик, но в дверях каюты возник Мейтерсон со стаканом в руке и тихо промурчал, когда я шел мимо:

– Теперь я понял, кто вы такой. А мы-то переживали. Все

---

² Джон Уэйн (1907–1979) – американский актер, которого называли королем вестерна.

думали, вы это или не вы.

Я уставился на него, а он крикнул мне за спину, обращаясь к Гаттри:

– Теперь понял, кто он такой?

Гаттри помотал головой. Отвечать не рискнул – наверное, боялся, что дрогнет голос.

– Вспоминай давай! Снимок из досье, там он еще с бородой.

– Господи! – вытаращился Гаттри. – Это же Гарри Брюс!

Мое прежнее имя не произносили вслух уже много лет, и я надеялся, что оно забыто навсегда, поэтому меня слегка потрянуло.

– В Риме золото своровал, – продолжил Мейтерсон.

– Вернее, устроил так, чтобы своровали. – Гаттри щелкнул пальцами. – Говорил же, что рожа знакомая! Будь у него борода, мигом узнал бы!

– По-моему, джентльмены, вы ошиблись адресом, – произнес я, изо всех сил сохраняя спокойствие и лихорадочно прокручивая в уме новые вводные данные.

Значит, они видели мой снимок. Но где? Когда? Кто они и с какой стороны закона? Надо было все обдумать, а для размышлений требуется время, поэтому я полез на мостик.

– Извините, – буркнул Джимми, когда я забрал у него штурвал. – Зря я не сказал, что у него пистолет.

– Угу, – кивнул я. – Не помешало бы.

Мысли неслись как угорелые и на первой же развилке

свернули влево, на кривую дорожку. Эти волки раскусили мою продуманную легенду, вынюхали мой след, нашли мое укрытие... Надежный вариант ровно один: придется их кончать. Я оглянулся на кокпит, но и Мейтерсон, и Гаттри спрятались в каюте.

Несчастный случай, обоих сразу – на борту моего катерка есть множество способов, которыми неопытный мореход может лишиться жизни. Да, придется их кончать.

Но потом я посмотрел на Джимми, а он улыбнулся и сказал:

– Отличная у вас реакция. Майк чуть штаны не обмочил. Уже, наверное, представил, каково это, когда нож из глотки торчит.

И парня тоже? Ну да, если тех двоих, то и парня тоже. Вдруг меня затошнило – так же, как в той биафранской деревушке.

– Кэп, вы в норме? – тут же спросил Джимми. Наверное, прочел что-то у меня на лице.

– В норме, Джим. Сбегай-ка принеси нам по баночке пива.

Пока он ходил за пивом, я принял решение. Заключу с ними сделку, предложу секретность в обмен на секретность – ясно же, что им не надо, чтобы об их делах распинались на каждом углу. Наверное, в каюте в это время приходили к такому же выводу.

Я зафиксировал штурвал и тихонько переместился к углу мостика, стараясь, чтобы внизу не слышали шагов.

Вентилятор закачивал в каюту свежий воздух через отверстие над общим столом. В прошлом я выяснил, что вентиляционный канал являет собой довольно-таки действенную переговорную трубку – то есть сказанное в каюте можно услышать на мостике.

Однако эффективность этого прослушивающего устройства зависит от ряда факторов – в первую очередь от направления и силы ветра, а также от расположения говорящего в каюте у меня под ногами.

Сегодня ветер с траверза, врываясь в вентиляционное отверстие, выкусывал из разговора фрагменты фраз, но Джимми, по всей видимости, стоял прямо под вентилятором: когда рев ветра не заглушал его речь, она доносилась до меня четко и ясно.

– Почему бы не спросить прямо сейчас? – Неразборчивый ответ, порыв ветра, а когда он стих, снова голос Джимми: – Если сегодня вечером, то куда вы... – рев ветра, – ...на утренней заре, тогда придется... – Похоже, дискуссия строилась вокруг времени и пространства, а пока я думал, зачем им выходить из гавани на рассвете, он повторил: – Если утренняя заря там, где... – Я напряг слух, ожидая продолжения, но следующие десять секунд сдуло ветром, а потом Джимми возразил: – Не понимаю, почему нельзя...

Вдруг Майк Гаттри – должно быть, он стоял рядом с пловцом, не исключаяю, что угрожающе близко, – грубо перебил его:

– Знаешь что, малыш Джимми, позволь нам самим разобраться. Твоя задача – отыскать эту чертову хреновину, а пока что твои успехи нас не радуют.

Должно быть, они снова переместились, потому что речь сделалась невнятной. Услышав скрип раздвижной двери, ведущей на кокпит, я метнулся к штурвалу и успел дернуть рукоятку фиксатора в тот самый момент, когда над входом на мостик возникла голова взбиравшегося по лестнице Джимми.

Он протянул мне банку пива. Я заметил, что он слегка ослабился и ведет себя чуть более раскрепощенно. Он улыбнулся мне дружеской доверчивой улыбкой:

– Мистер Мейтерсон сказал, что на сегодня хватит. Пора возвращаться домой.

Я развернул «Танцующую» поперек течения, и мы направились с запада на восток. Минуя вход в Черепаший залив, я разглядел среди пальм свою хибару и вдруг заледенел от предчувствия скорой утраты. Судьба затребовала новую коллуду, игра теперь шла по-крупному, ставки оказались для меня великоваты, но выйти из-за стола я уже не мог.

Однако я сумел прикрутить фитилек отчаяния и повернулся к Джимми. Не грех воспользоваться его вновь обретенным доверием и выпытать хоть какие-то разрозненные факты.

Мы шли по проливу в Гранд-Харбор и болтали о том о сем. Парню, по всей видимости, сказали, что отныне мое имя

не значится в реестре прокаженных. Как ни странно, но, прознав о моем криминальном прошлом, стая сменила гнев на милость. Теперь у волков появилось пространство для маневра, рычаг воздействия на Старину Гарри... Хотя я был уверен, что они не стали выкладывать юному Джеймсу все свои козыри.

Он заметно радовался, что теперь может вести себя, как привык. Парень был открытый, дружелюбный и совершенно бесхитростный: к примеру, охранял свою фамилию, как военную тайну, но на шее носил серебряную цепочку, а на ней – медицинский жетон с именем владельца (Д. А. Норт) и предупреждением, что пенициллин провоцирует у него аллергическую реакцию.

Теперь, когда Джимми отбросил былую сдержанность, я потихоньку вытягивал из него крупницы информации: в будущем они могли прийти весьма кстати, так как опыт подсказывал, что знание – сила, а оставаться в неведении бывает вредно для здоровья.

Для начала я выбрал беспроектный вариант – тему, на которую он попросту не мог не разговориться.

– Видишь риф на той стороне пролива? – спросил я. – Вон там, прямо по ходу? Он называется риф Морского дьявола, глубина со стороны океана – двадцать морских саженей. Под сорок метров. Там тусуются здоровенные каменные окуни. В прошлом году выдернул одного, так он на двести килограммов потянул.

– Двести! – охнул Джимми. – Бог ты мой, это же почти четыре с половиной сотни фунтов!

– Вот именно. А пасть такая, что можно голову с плечами просунуть.

Тут он окончательно расслабился. Да, в Кембридже он изучал историю с философией, но проводил в океане слишком много времени, поэтому пришлось бросить учебу. Теперь у него небольшая компания, торгующая снаряжением для дайвинга и подводных спасательных работ, – на жизнь хватает, и можно нырять хоть семь дней в неделю. Да, иногда он работает на частных нанимателей, а иногда – на правительство или ВМФ.

Он не раз упомянул некую Шерри, и я осторожно прощупал почву:

– Подружка? Жена?

– Сестра. Старшая, но она у меня куколка: сводит бухгалтерию, смотрит за лавкой, ну и так далее, – усмехнулся он с таким видом, что мне стало ясно, какого он мнения о подбивке баланса и плясках вокруг клиентуры. – И еще она круто разбирается в конхиологии, заколачивает пару тысяч в год на своих ракушках.

Но Джимми не объяснил, каким образом он связался с нынешней сомнительной компанией и почему его занесло за тридевять земель от магазинчика спортивных товаров.

Я высадил их на Адмиралтейской пристани, а сам отогнал «Танцующую» к станции «Шелл», чтобы заправиться

до темноты.

Тем вечером я зажарил на углях макрель, предварительно сунув ей в брюхо пару крупных сладких бататов, и запивал трапезу холодным пивом, вслушиваясь в музыку прибоя, но тут за пальмами засветились автомобильные фары.

Такси встало рядом с моим пикапом. Водитель остался за рулем, а пассажиры взобрались на приступку веранды. Джеймса оставили в «Хилтоне», так что их было только двое: Мейтерсон и Гаттри.

– Выпьете? – Я указал на бутылки и лед на приставном столике. Гаттри налил обоим джина, а Мейтерсон уселся напротив и стал смотреть, как я доедаю макрель.

– Я сделал несколько звонков, – начал он, когда я отодвинул тарелку. – И мне сказали, что Гарри Брюс испарился пять лет назад, в июне, и с тех пор о нем никто не слышал. Я поспрашивал и узнал, что Гарри Флетчер приплыл в Гранд-Харбор тремя месяцами позже – из Сиднея. Это такой город в Австралии.

– Да что вы говорите? – Я извлек из межзубного промежутка рыбью косточку и закурил скрученную на острове длинную черную чируту.

– И еще: один человек, неплохо знавший Гарри Брюса, сказал мне, что на левой руке у того имеется шрам от ножевого ранения, – промурчал Мейтерсон, и я непроизвольно глянул на тонкую белую полоску рубцовой ткани, окаймляв-

шую мышцу моего предплечья. С годами она съежилась и уплощилась, но по-прежнему бросалась в глаза на фоне коричневого загара.

– Чертовски удивительное совпадение. – Я затынулся чиркутой, крепкой, ароматной, с привкусом моря и специй. Беспокойство улеглось. Они приехали договариваться.

– Действительно, – согласился Мейтерсон и стал демонстративно озираться. – Неплохо вы устроились, Флетчер. Уютно, правда? Мило и уютно.

– Но заработать на жизнь здесь крайне непросто, – признался я.

– Проще, чем махать кувалдой в каменоломне. Или шить почтовые мешки.

– Вот здесь я с вами соглашусь.

– Завтра парнишка задаст вам несколько вопросов. Будьте с ним повежливее, Флетчер. А когда мы уедем, забудьте о нашем знакомстве. Мы же, в свою очередь, забудем об этом странном совпадении.

– Память у меня совсем дырявая, мистер Мейтерсон... сэр, – заверил его я.

После подслушанного мною разговора в каюте «Танцующей» я ожидал, что завтра они захотят выдвинуться пораньше, ведь утренняя заря, как видно, играла в их планах важную роль. Однако о раннем старте никто не заикнулся, а когда они уехали, я понял, что не усну, поэтому прогулялся по песку до извилины Бараньей косы, полюбовался встаю-

щей над верхушками пальм луной и вернулся домой только за полночь.

Ялика у причала не оказалось, но лодочник Хэмбон доставил меня на веслах к месту стоянки «Танцующей» еще до рассвета. На подходе к катеру я увидел, что ялик пришвартован к борту, а по кокпиту шастает знакомая фигура.

– Здорово, Чабби. – Я запрыгнул на борт. – Что, жена из койки выперла?

Даже в скудном освещении палуба «Танцующей» сияла, как выбеленная, а металлические части оказались отполированы до блеска. Должно быть, Чабби наводил марафет уже пару часов. Он любил «Танцующую» не меньше моего.

– У тебя, Гарри, тут был не катер, а уличный сральник, – проворчал он и громко высморкался за борт. – Свиной каких-то набрал. Никакого уважения к чистоте и порядку.

Он уже сварил кофе – такой ядреный кофе умеет варить только Чабби, и мы выпили его в каюте.

Чабби хмурился в кружку, сдувал пар с черной жидкости и явно собирался мне что-то сказать.

– Как там Анджело?

– Раванских вдовушек ублажает, – с омерзением сообщил Чабби.

Работы у нас на острове немного, на всех трудоспособных парней не хватает, поэтому многие подписывают трехлетний контракт с американской станцией наблюдения искусствен-

ных спутников или базой ВВС на острове Равано, оставляя молодых жен – раванских вдовушек – на Сент-Мэри, а здешние девчонки славятся дружелюбным нравом и пылким темпераментом.

– Дотрахаешься твой Анджело до полного одурения. С понедельника только этим и занят, что днем, что ночью.

В его омерзении я заметил ощутимые нотки зависти. Миссис Чабби держала мужа на коротком поводке.

– Как твои туристы, Гарри? – Он громко прихлебнул кофе.

– Деньги платят хорошие.

– Ты, Гарри, не рыбалкой занят. – Он посмотрел на меня. – Я следил за тобой с мыса Кули, дружище. Болтаешься у побережья, к проливу и близко не подходишь.

– Именно так, Чабби.

– Знаешь, Гарри, – он вновь сосредоточился на кофе, – давай-ка поосторожнее. Будь молодцом, смотри за ними в оба. Они скверные люди, что один, что другой. Насчет третьего не знаю, но эти двое скверные.

– Значит, буду молодцом, Чабби.

– Знаешь Мэрион? Новую девочку в гостинице, сезонницу?

Я кивнул. Стройная хрупкая красотка, длинноногая, лет девятнадцати, с гладкими блестящими волосами, веснушчатой кожей, смелым взглядом и проказливой улыбкой.

– Короче, – продолжал Чабби, – вчера ночью она ушла с

блондином, у которого вся рожа красная.

– Так-так...

Я знал, что время от времени Мэрион совмещает приятное с полезным, предоставляя некоторым гостям услуги, не прописанные в трудовом контракте. На острове не принято считать, что подобная деятельность оставляет пятно на репутации.

– Надругался он над ней, Гарри. Сильно. – Чабби снова глотнул кофе. – А потом денег дал. Много. Чтобы в полицию не ходила.

Я понял, что теперь Майк Гаттри нравится мне еще меньше прежнего. Избить девушку вроде Мэрион? На такое способно только животное. Я хорошо ее знал. Сама невинность и детская непосредственность, и даже ее беспорядочные половые связи не вызывали у меня ничего, кроме умиления. Я вспомнил, как подумывал о том, что Гаттри, наверное, однажды придется убить, – и постарался, чтобы эта мысль как следует засела у меня в голове.

– Скверные они люди, Гарри. Вот я и решил, что тебе надо об этом знать.

– Спасибо, Чабби.

– И смотри, чтоб они «Танцующую» больше не загаживали, – с укоризной добавил он. – А то устроили тут хлев – что в каюте, что на палубе.

Он помог мне отвести катер к Адмиралтейской пристани, после чего, бормоча невнятные проклятия, отправился до-

мой. По пути пересекся с Джимми, который шагал ему навстречу, и пронзил его таким злобным взглядом, что я даже удивился, как это парень не осыпался на землю горсткой пепла.

Джимми был один, отдохнувший и беспечный.

– Привет, кэп! – крикнул он, спрыгнув на палубу «Танцующей».

Я отвел его в каюту и налил две чашки кофе.

– Мистер Мейтерсон сказал, у тебя есть ко мне вопросы. Не ошибся?

– Чтобы вы знали, мистер Флетчер, я вчера отмалчивался не потому, что хотел вас обидеть. Дело не во мне, а в остальных.

– Оно понятно, – кивнул я. – Ты, Джимми, не переживай.

– Разумнее было сразу спросить вашей помощи, а не тыкаться по углам слепыми котятками. Как бы то ни было, теперь мне разрешили с вами посоветоваться.

Он только что рассказал куда больше, чем планировал, и я изменил мнение насчет юного Джеймса. Ясно стало, что он владеет некой информацией, которой не поделился с остальными. Это была страховка, и он, наверное, настоял на встрече с глазу на глаз, чтобы его полис остался в целости и сохранности.

– Кэп, мы ищем остров. Определенный остров. Зачем? Этого, извините, сказать не могу.

– Все нормально, Джимми, не парься, – успокоил его я.

А про себя подумал: что же тебя там ждет, Джеймс Норт? Чем наградит тебя волчья стая, когда ты приведешь ее на этот свой островок? Может, твоя награда будет куда хуже аллергии на пенициллин?

Глядя на его приятное молодое лицо, я почувствовал неожиданный всплеск симпатии. Наверное, дело в юности, невинности и том восхищении, с которым он смотрел на этот мрачный и убогий мир. Вот почему я завидовал Джиму, вот почему он мне нравился, и мне не хотелось увидеть, как его швырнут оземь и втопчут в грязь.

– Джимми, насколько хорошо ты знаешь своих друзей? – тихо спросил я, застав его врасплох.

Он мгновенно насторожился и, тщательно выбирая слова, ответил:

– Думаю, неплохо. А что?

– Ты меньше месяца с ними знаком, – уверенно предположил я и, увидев в его глазах, что не ошибся, продолжил: – А я знаю таких ребят всю свою жизнь.

– Не понимаю, мистер Флетчер, как это связано с нашим разговором, – ошетинился он, потому что я беседовал с ним как с ребенком, и ему это не понравилось.

– Послушай меня, Джим. Бросай это дело, каким бы оно ни было. Возвращайся к своему магазинчику и компании по подъемным работам.

– Бред какой-то... – пробормотал он. – Вы не понимаете...

– Понимаю, Джим. Все я понимаю. Бывал на этом тракте. Знаю его вдоль и поперек.

– Не волнуйтесь за меня. Я не маленький.

Загорелые щеки его налились краской, а серые глаза смотрели с вызовом. Какое-то время мы пялились друг на друга, а потом я понял, что даром трачу время и силы. Если бы кто заговорил со мной в таком тоне, когда я был в возрасте Джима, я решил бы, что у собеседника приступ старческого слабоумия.

– Ладно, Джимми, – сказал я. – Молчу. Но правила ты знаешь. Просто не играй по-крупному, больше ничего не надо.

– Договорились, мистер Флетчер. – Он понемногу ослабился, а потом улыбнулся своей обворожительной улыбкой. – В любом случае спасибо.

– Теперь давай про остров, – предложил я.

Джимми обвел каюту взглядом:

– Может, поднимемся на мостик?

Оказавшись на свежем воздухе, он выудил планшет и огрызок карандаша из корзинки для карт на штурманском столе.

– По моим прикидкам, островок рядом с побережьем Африки, от шести до десяти миль. И от десяти до тридцати миль к северу от устья Рувумы...

– Это чертовски большая площадь, Джим. Но за последние несколько дней ты и сам это понял. Что еще тебе известно?

Он помолчал, теперь чуть дольше, а потом нехотя бросил в игру еще несколько фишек. Взял карандаш, провел на планшете горизонтальную черту и пояснил:

– Уровень моря...

Изобразил поверх черты асимметричный вид сбоку – начало у самой воды, а потом три заметных возвышения, – бросил карандаш на стол и закончил:

– ...А так остров выглядит со стороны. Три скалы из вулканического базальта, голый камень и почти никакой растительности.

– Деда, – тут же признал их я, – но ты крепко ошибся в расчетах. Этот остров милях в двадцати от континента.

– Но берег оттуда видно? – тут же перебил он. – Должно быть видно.

– Ну да. Там же скалы, с них хороший обзор, – объяснил я, а он снял листок с планшета, разорвал в клочки и бросил в гавань, после чего снова повернулся ко мне:

– Как далеко к северу от реки?

– Навскидку миль шестьдесят-семьдесят.

– Да, может, и так, – задумался он. – Пожалуй, сходится, хотя смотря сколько времени... – Договаривать не стал: наверное, вспомнил мой совет не играть по крупному. – Ответьте нас, кэп?

– Отвезу, – кивнул я, – но путь неблизкий, так что приготовьтесь заночевать на борту.

– Пойду приведу остальных. – Его снова переполняли

энергия и предвкушение чуда, но с берега он оглянулся на мостик. – Насчет острова – как он выглядит, и все такое – не рассказывайте им, ладно?

– Ладно, Джим, – улыбнулся я. – Беги давай.

А сам ушел читать адмиралтейскую карту. Деды – наивысшая точка базальтового хребта, длинного прочного рифа, который двести миль тянется параллельно береговой линии континента – то скрывается под водой, то показывается снова, являя собой хоть какое-то подобие порядка среди хаотической россыпи мелководий, песчаных отмелей и коралловых островов.

На картах остров значится как необитаемый и безводный, а замеры глубины показали, что между окружающими его рифами предостаточно глубоких фарватеров. Хотя он гораздо севернее моих привычных угодий, в прошлом году я был в тех краях, когда принимал экспедицию из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, – команда морских биологов изучала особенности размножения суповых черепах, а там этих тварей пруд пруди.

Мы три дня стояли лагерем на соседнем острове, отделенном от Дедов приливным каналом: там имеется закрытая бухта, где можно бросить якорь при любой погоде, и солоноватая, но вполне пригодная для питья вода в затерянном среди пальм рыбацком колодце. Со стоянки Деды выглядели именно так, как нарисовал Джимми: вот почему я сразу их узнал.

Получасом позже явились все трое – на такси, к крыше которого был приторочен какой-то громоздкий узел оборудования, прикрытый зеленым брезентовым пыльник. Свистнули пару местных бездельников, и те перетащили неведомую штуквину вместе с сумками для ночевки в конец причала, где ждали мы с «Танцующей», и поместили ее на передней палубе, не снимая брезента. Вопросов я задавать не стал. Гаттри уже начал линять, и из-под шелушащихся слоев обгорелой шкуры проглядывали влажные красные пятна. Он снова намазался белым кремом. Я представил, как он издевается над малышкой Мэрион в хилтоновском люксе, и кивнул ему:

– Ты бы подал заявку на «Мисс Вселенную», пока красота не сошла.

Он свирепо зыркнул на меня из-под шляпы и уселся в рыбацкое кресло. Пока шли на север, Гаттри хлебал пиво прямиком из банок, после чего швырял их в кильватер «Танцующей», где они мельтешили на волнах, а он лупил по ним из своего большого пистолета.

Незадолго до полудня я отдал штурвал Джимми и направился в галюн под мостиком. Как оказалось, Мейтерсон уже открыл бар и разбирался с бутылкой джина.

– Долго еще? – спросил он, потный и красный, хотя кондиционер молотил всюю.

– Еще примерно час, – отозвался я.

Про себя я подумал, что, если Мейтерсон не оставит при-

вычку пить с утра пораньше, проблем с алкоголем ему не избежать. Джин, однако, благотворно сказывался на его строении, и я, в совершенстве владеющий навыками приспособленчества, выманил у него из бумажника еще триста фунтов в качестве аванса, после чего поднялся на мостик и отправил «Танцующую» в последний рывок по северному приливному каналу, ведущему к Дедам.

За маревом проступила строенная вершина, зловещая и призрачно-серая, – казалось, она бесплотно парит над водой.

Джимми рассмотрел ее и, опустив бинокль, повернул ко мне восхищенное лицо: «Похоже, мы на месте, кэп!» – и кубарем скатился в кокпит. Все трое вышли на переднюю палубу, миновали груз в брезентовом чехле, встали плечом к плечу у релинга и уставились поверх морской ряби на остров, к которому я с великой опаской подводил «Танцующую».

Нас подталкивал прилив, и я решил не пренебрегать его помощью: подплывем к восточной оконечности Дедов, а там высадимся на пляже под ближней скалой. На здешних берегах вода при полном отливе убывает футов на семнадцать, и в такие моменты неразумно оставаться на мелководье: и глазом моргнуть не успеешь, как море схлынет из-под киля, и «Танцующая» окажется на полной просушке.

Джимми попросил у меня ручной компас и сунул его в заплечный мешок, где уже были карта, термос воды со льдом и пузырек солевых таблеток из аптечки. Пока я подползал к острову, они с Мейтерсоном разулись и сняли штаны, а когда

киль «Танцующей» мягко ткнулся в шершавый белый песок, я крикнул им:

– Порядок, выгружайтесь!

Оба спустились по лесенке, которую я заранее подцепил к борту. Вода доходила им до подмышек. Джеймс вскинул поклажу над головой, и оба побрели к берегу.

– Два часа! – крикнул я им вслед. – Если задержитесь, будете спать на острове. По отливу я вас забирать не стану!

Джимми помахал мне и улыбнулся. Я дал задний ход, «Танцующая» осторожно попятилась, а эти двое вышли на пляж, неуклюже запрыгали по песку, натягивая штаны и ботинки, после чего скрылись в пальмовой рощице.

Я же покрутился минут десять, вглядываясь в воду, чистую, как горный ручей, заметил на дне искомую черную тень и встал на легкий носовой якорь.

Под заинтересованным взглядом Гаттри я нацепил маску, перчатки, прихватил небольшую устричную сеть, тяжелую монтировку и прыгнул за борт. Под нами было сорок футов воды, и приятно было узнать, что мне по-прежнему хватает дыхалки, чтобы опуститься на дно и наломать полную сетку здоровенных двустворчатых моллюсков за один нырок. Почистив их на передней палубе, я припомнил наставления Чабби, выбросил пустые раковины за борт, старательно протер доски шваброй и отнес полное ведро свежего мяса на камбуз, где моллюски отправились в кастрюлю, а компанию им составили вино, чеснок, соль, пригоршня мо-

лотого черного перца и щепотка красного. Накрыв кастрюлю крышкой, я поставил ее на слабый огонь и вернулся на палубу.

Гаттри по-прежнему сидел в рыбацком кресле.

– Что такое, начальник? Заскучал без девочки? – заботливо спросил я. – Оно и понятно, лупцевать тут некого.

Он задумчиво прищурился, пытаюсь сообразить, откуда мне известно о вчерашнем.

– Длинный у тебя язык, Брюс. Когда-нибудь подрежут.

Убивая время, мы то и дело обменивались подобными любезностями, но старались не повышать градус беседы. Наконец, когда на берегу появились две подвижные и голосистые фигурки, я снялся с якоря и поплыл их забирать.

Едва взобравшись на борт, они крикнули Гаттри и ушли на переднюю палубу, где устроили очередной сеанс групповой терапии. Все сильно волновались, но Джимми – сильнее остальных: жестикулировал, показывал на проток, говорил тихо, но жарко и убедительно. В кои-то веки все трое пришли к согласию, но к тому времени, как они договорили, нам оставался один лишь час солнечного света. Мейтерсон настаивал, чтобы мы и вечером продолжили наши изыскания, но я ответил решительным отказом: не было никакого желания ерзать тут по темноте, да еще во время отлива.

Твердой рукой я отвел «Танцующую» к безопасной бухте по другую сторону пролива, и к тому времени, как солнце ушло за пылающий горизонт, моя красавица уже мирно сто-

яла на двух тяжелых якорях, а я сидел на мостике, наслаждаясь последними мгновениями дня и первым вечерним скотчем. Из каюты у меня под ногами доносился беспрестанный ропот: кто-то высказывал предположения, а потом вся трюица их обсуждала. Я не обращал на них внимания, даже к вентилятору не стал подсаживаться, но потом в ушах у меня зазвенели первые москиты-разведчики, я спустился вниз, и в каюте тут же иссякли темы для разговоров.

Опрокинув второй стаканчик, я подал рагу из моллюсков с печеным ямсом и ананасовым салатом, и все молча сосредоточились на еде.

– Вот это да! – наконец выдохнул Джимми. – Даже сестра так не умеет.

Я ответил ему усмешкой. Наш юный Джеймс оказался гурманом. Что греха таить, в кулинарии я силен и очень этим горжусь.

Проснулся я за полночь и вышел проверить якоря. Они держались как влитые, и я остался на палубе полюбоваться луной.

На «Танцующую» снизошла великая ночная тишь, разве что перешептывалась с бортом легкая зыбь, а вдали погромыхивал прибой: громадные валы, накатывая с океана, разбивались о коралловые выступы Артиллерийского рифа на гром и белые брызги. Меткое название: от глухих ударов, в точности похожих на размеренные орудийные залпы, содрогался весь организм.

Луна омывала пролив мерцающим серебром, подсвечивая лысые макушки Дедов, и те сияли, как слоновая кость, а между ними вздымались из лагунных вод ночные туманы и корчились, словно души обреченных на вечные муки.

Вдруг я уловил за спиной шорох и развернулся. Гаттри подошел беззвучно, как скрадывающий добычу леопард. На нем не было ничего, кроме тесных коротких трусов, тело поджарое, мускулистое и совершенно белое в лунном свете. В опущенной руке у правого бедра он держал свой «сорок пятый», большой и черный. Пару секунд мы смотрели друг на друга, а потом я расслабился.

– Знаешь что, любовь моя? Пора бы тебе успокоиться. Пойми, ты совсем не в моем вкусе, – объяснил ему я, но из-за адреналина в крови голос прозвучал жестковато.

– Когда придет время тебе засадить, Флетчер, я вот что тебе засажу, – усмехнулся он и показал мне пистолет. – Засажу до упора, сынок.

Позавтракали до восхода. Я забрал на мостик кружку кофе и повел «Танцующую» по лагуне к открытому морю. Мейтерсон сидел в каюте, Гаттри лениво развалился в рыбацком кресле, а Джимми стоял рядом, втолковывая мне задачу на сегодняшний день, он был напряжен и, казалось, подрагивал от волнения, словно молодой подружейный пес, учуявший дичь.

– Можно прицельный компас? – попросил он. – Замерю

позицию по верхушкам Дедов, а там скажу, что делать дальше.

– Лучше дай мне исходные данные, Джим, а я проложу курс и доставлю вас на место, – предложил я.

– Нет, кэп, давайте сделаем, как я говорю, – грубовато ответил он, и я вспыхнул, не сумев скрыть раздражения:

– Ладно, будь по-твоему. Как погляжу, ты в скаутах до орла дослужился.

Он покраснел, отошел к левому борту и стал рассматривать холмы через визир компаса. Минут десять спустя опять подал голос:

– Можно на пару румбов левее, кэп?

– Запросто, – усмехнулся я, – но тогда налетим на оконечность Артиллерийского рифа и распорем катеру брюхо.

Следующую пару часов мы ощупью пробирались по лабиринту рифов, а потом я вывел «Танцующую» из лагуны в открытое море и развернул так, чтобы подойти к Артиллерийскому с востока.

Мы как будто играли в «холодно-горячо»: Джимми оперировал фразами «теплее», «горячо» и «опять мороз», хотя всего-то и надо было, что сообщить мне два заветных числа – широту и долготу, – после чего я отвел бы «Танцующую» именно в то место, куда он так стремился.

С востока к земле величавой процессией шествовали волны, почуяв отлогое дно, они вырастали, набирались сил, и по мере приближения к внешнему краю рифа «Танцующую»

все сильнее бросало из стороны в сторону.

Там, где волна сталкивалась с преградой, гордыня ее смеялась внезапным приступом ярости. Вскипая, вздымаясь исполинскими фонтанами, неукротимый вал обрушивался на коралловый барьер, взрывался, словно пушечный снаряд, и тут же катил обратно в океан, низвергаясь по зловещим черным клыкам и оставляя на них сливочно-белую пену, а навстречу ему, вздыбив громадный гладкий хребет, шла в атаку новая волна.

Следуя указаниям Джимми, я неуклонно продвигался к югу, понемногу сближаясь с рифом, и понимал, что мы уже почти на месте. Парень то и дело щурил глаз, поглядывая сквозь визир компаса то на одного Деда, то на другого.

– Тем же курсом, но помедленнее, кэп! – крикнул он. – Сбросьте скорость, и пускай катер ползет прямо.

Я глянул вперед, на несколько секунд отвлекшись от щетинистых кораллов, и увидел, как накатывает и разбивается следующий вал – по всей линии рифа, за исключением узенькой бреши в пяти сотнях ярдов от нас. Там волна, не теряя прежней формы, устремилась к земле, а справа и слева расплескалась по коралловому барьеру.

Вдруг мне вспомнилась Чаббина похвальба:

«Девятнадцать мне было, когда вытащил своего первого группера из норы в Артиллерийском проломе. Один был, друзья отказались со мной идти, и правильно сделали. Я и сам теперь поумнел, так что больше туда ни ногой».

Артиллерийский пролом, понял я, вот куда мы путь держим, и стал в подробностях вспоминать, что о нем рассказывал Чабби.

«Если идешь с моря за пару часов до прилива, держись по центру прохода, пока не поравняешься со здоровенным шаром старого мозговика по правому борту, – проглядеть его невозможно. Проплывешь как можно ближе, круто заберешь вправо и окажешься в громадной заводи аккурат за линией рифа. Чем ближе ты к ее береговой стороне, дружище, тем лучше...»

Да, теперь мне ясно вспомнилось, как в пабе «Лорд Нельсон» Чабби допился до болтливого настроения и стал хвастать, что он один из немногих, кто бывал в Артиллерийском проломе.

«Никакой якорь там не удержит, стоять только на моторах... Заводь глубокая, дружище, очень глубокая, но групер там крупный, дружище, очень крупный. За день я поднял четыре рыбины, и самая маленькая потянула на триста фунтов. Поднял бы и больше, да время вышло. Из Артиллерийского пролома надобно выходить через час после прилива, не позже – воду оттуда высасывает так, словно весь чертов океан ее цепями тянет. Выходишь так же, как входил, разве что молишься чуть жарче, потому что на борту у тебя тонна рыбы, а воды под килем на десять футов меньше. Есть еще один выход, через лагуну позади рифа, но о нем я вообще говорить не хочу. Разок попробовал, на всю жизнь хватило».

Ну а теперь Джимми уверенно вел нас в самый центр пролома.

– Все, конечная, дальше катер не идет! – крикнул я, открыл дроссельные заслонки и крутанул штурвал, чтобы сперва как следует развернуться, а потом уже дать отпор возмущенному Джимми.

– Черт, мы же почти на месте! – бесновался он. – Могли бы и ближе подойти!

– У тебя там проблемы, сынок? – осведомился Гаттри с кокпита.

– Нет, все нормально! – отозвался Джимми и в бешенстве повернулся ко мне. – Вы, мистер Флетчер, связаны контрактом...

– Дай я тебе кое-что покажу, Джим. – И я отвел его к штурманскому столу.

На адмиралтейской карте пролом имел лаконичное обозначение: «30 фатомов» – ни названия, ни руководства по навигации. Я по-быстрому отметил карандашом координаты двух крайних Дедов, провел два отрезка к пролому, взял транспорт и замерил получившийся угол:

– Сюда нам надо?

Джим смотрел на мои расчеты.

– Сюда, верно? – настаивал я.

– Да, место правильное, – неохотно кивнул он, и я во всех подробностях рассказал ему об Артиллерийском проломе.

– Но нам все равно туда надо, – сказал он, словно не слы-

шал ни слова из моей тирады.

– Никак, – объяснил я. – Лично мне теперь надо только в одно место: в Гранд-Харбор острова Сент-Мэри.

И «Танцующая» незамедлительно легла на вышеупомянутый курс, потому что я поставил крест на нынешней фрахтовке.

Джимми юркнул вниз и через некоторое время вернулся с подкреплением. У Мейтерсона и Гаттри был сердитый и даже возмущенный вид.

– Только слово скажи, я этой скотине руку оторву. И буду бить его, пока не сдохнет. Окровавленным концом его же руки, – со вкусом выговорил Майк Гаттри.

– Парень сказал, вы дали задний ход? – уточнил Мейтерсон. – Как-то это нечестно, вы не находите?

Я повторил рассказ об ужасах Артиллерийского пролома, и они мгновенно протрезвели.

– Подведите нас как можно ближе, а остаток пути я проплыву сам, – попросил меня Джимми, но я ответил напрямую Мейтерсону:

– Вы его потеряете, без вариантов. Неужели хотите рискнуть?

Он не ответил, но я и без того понимал, что рисковать он не намерен: Джимми представлял для них слишком большую ценность.

– Дайте хоть попробовать, – настаивал парень, но Мейтерсон раздраженно помотал головой. – Раз уж кэп не хочет

идти в пролом, давайте я хотя бы на тобогане вдоль рифа сплаваю, – продолжил Джимми, и я понял, что скрывается под брезентом на передней палубе. – Сделаю пару проходов у кромки, сразу за проломом.

Теперь он почти умолял нас, и Мейтерсон вопросительно глянул на меня. Такие подарки судьба преподносит крайне редко. Я знал, что могу подвести «Танцующую» к рифу на расстояние плевка, но озабоченно нахмурился:

– Чертовски опасная затея... Но если, как водится, договоримся о надбавке за риск...

Деваться Мейтерсону было некуда, и я разул его на двойную таксу – еще пять сотен долларов, причем авансом.

Пока мы решали деловые вопросы, Гаттри помогал Джиму избавиться тобоган от обертки и отволочь его в кокпит.

Я убрал стопку банкнот с глаз долой и отправился крепить буксирный канат. Тобоган был прекрасен: идеально сконструированные сани из пластика и нержавеющей стали, вместо полозьев для катания со снежной горки – два тупоконечных стабилизатора, руль и гидрокрылья, а для управления всей этой красотой – короткий джойстик под защитным экраном из оргстекла «Перспекс».

В носу кольцо для троса, с помощью которого я потащу тобоган в кильватере «Танцующей», в то время как Джимми ляжет на живот за прозрачным защитным экраном и будет дышать сжатым воздухом из двух баллонов, встроенных в шасси. На приборной панели имелись циферблаты глубины

и давления, таймер и компас. С помощью джойстика Джимми сможет задавать глубину погружения и отклоняться влево или вправо от кормы катера.

– Симпатичная штукавина, – заметил я, а Джимми покраснел и радостно сообщил:

– Сам сделал. Спасибо, кэп.

Потом стал натягивать толстый неопреновый гидрокостюм, а пока голова его скрывалась под черными складками, я наклонился рассмотреть табличку, приклепанную к шасси тобогана, и хорошенько запомнил надпись:

Производитель: «Подводный мир Норта»
Павильон-Аркейд, 5
БРАЙТОН, САССЕКС

Я выпрямился, и в тот же миг в прорези капюшона появилось лицо Джимми:

– Пять узлов – в самый раз для буксировки, кэп. Если будете держаться в сотне ярдов от рифа, я смогу идти вдоль самой кромки.

– Договорились, Джим.

– Если выброшу желтый буюк, не обращайтесь внимания – это значит, я что-то нашел. Позже вернемся к этому месту. Но если увидите красный, у меня неприятности: снимайте меня с рифа и тащите к борту.

Я кивнул и предупредил:

– У тебя три часа. Потом начнется отлив, из пролома хлы-

нет вода, и надо будет отойти от кораллов.

– Трех часов должно хватить, – согласился он.

Мы с Гаттри спустили тобоган на воду, и он закачался на волнах. Следом спустился Джимми, устроился за экраном, проверил управление, поправил маску. Потом, закусив мундштук дыхательного аппарата, громко задышал сжатым воздухом и показал мне два оттопыренных больших пальца.

Я тут же вскарабкался на мостик и открыл дроссельные заслонки. «Танцующая» набрала скорость, тобоган остался за кормой, а Гаттри принялся стравливать толстый нейлоновый трос. Сто пятьдесят ярдов нейлона нырнули за борт, после чего тобоган дернулся и пошел следом за нами.

Джимми помахал рукой, и я раскочегарил «Танцующую» до стабильных пяти узлов. Описал широкий круг и пошел на сближение с рифом, принимая волну в борт, из-за чего на катере началась жуткая болтанка.

Джимми снова помахал мне и сдвинул управляющий джойстик вперед. Стабилизаторы вспенили воду, тобоган опустил нос и ушел вниз. Угол наклона нейлонового каната стремительно менялся, наглядно демонстрируя глубину погружения, а потом Джимми свернул в сторону рифа.

Из-за натяжения канат дрожал, словно вонзившаяся в мишень стрела. Из-под волокон били фонтанчики воды.

Неторопливо двигаясь вдоль рифа, мы приближались к пролomu. Я с почтением поглядывал на коралловую полосу, избегал резких движений и воображал, как глубоко внизу

Джимми беззвучно парит над самым дном, держась поближе к высокой подводной стене. Должно быть, волнующий аттракцион. Я завидовал нашему пловцу и решил сам прокатиться на тобогане, если представится такая возможность.

Мы оказались напротив пролома, миновали его, и я тут же услышал возглас Гаттри. Бросил быстрый взгляд за корму и увидел прыгающий на волнах здоровенный желтый шар.

– Он что-то нашел! – снова крикнул Гаттри.

Джимми оставил на дне полый линь со свинцовым грузилом, а сифонный газовый баллончик автоматически наполнил буюк углекислотой, и теперь нужное место было отмечено желтым маркером.

Я не торопясь двигался вдоль рифа. Спустя четверть мили угол троса выровнялся, и тобоган выскочил на поверхность в сопровождении шквала воды.

Я отошел на безопасную дистанцию от коралловой преграды, а потом спустился, чтобы помочь Гаттри подтянуть подводные сани к борту.

Джимми вскарабкался в кокпит. Когда он сорвал маску, губы его подрагивали, а серые глаза горели огнем. Схватив Мейтерсона за руку, Джим увел его в каюту, забрызгав морской водой всю палубу, в которой Чабби души не чаял.

Мы с Гаттри свернули трос и затащили тобоган на борт. Я вернулся на мостик и, включив самый малый ход, повернул «Танцующую» ко входу в Артиллерийский пролом.

На подходе к рифу на мостик поднялись Джим с Мейтер-

соном. Видно было, что Мейтерсон заразился Джимминым волнением.

– Малой хочет кое-что поднять.

Я прекрасно понимал, что вопросы о природе находки останутся без ответа, и вместо этого осведомился:

– Какого размера?

Взглянул на наручный хронометр. Через полтора часа начнется отлив, и в пролом хлынет вода.

– Скромного, – заверил меня Джимми. – Весом фунтов пятьдесят, это максимум.

– Уверен, Джеймс? Не больше? – Ясно, что в пылу энтузиазма он мог недооценить масштабы своей находки.

– Клянусь.

– Думаешь подцепить к нему поплавок?

– Да, подниму на поплавке, а потом отбуксируем от рифа.

Я повернул «Танцующую» к желтому шару, весело прыгавшему над грозной коралловой челюстью пролома. Крикнул в кокпит, что все, ближе нельзя. Джимми махнул мне – мол, слышу, – по-утиному доковылял до кормы и внес коррективы в комплект снаряжения: захватил пару поплавков с чехлом от тобогана и вооружился мотком нейлонового троса.

Потом глянул на желтый буюк сквозь визир компаса на запястье, еще раз поднял глаза на мостик и, кивнув мне, спиной вперед перевалился за корму и скрылся под водой.

Поверхность усыпало пузырьками от его равномерного

дыхания. Пузырьки направились к рифу, а Гаттри принялся стравливать страховочный трос.

Я удерживал «Танцующую» на месте, в сотне ярдов от южной оконечности пролома, время от времени чуть сдвигая катер то вперед, то назад.

Наконец, Джиммины пузырьки сблизились с буйком и зависли рядом с желтым маркером. Начались работы. Я представил, как Джим возится с нейлоновым тросиком, привязывая к своей находке спасательный поплавок – пустой, но все равно объемистый, – а подводные возмущения у пролома мешают ему, как только могут. Закрепив тросы, Джимми начнет надувать поплавки сжатым воздухом из баллонов акваланга.

Если он не ошибся с размерами, потребуется совсем немного воздуха, чтобы приподнять загадочный предмет, а как только он разъединится с морским дном, мы отбуксируем его в более безопасное место, а там поднимем на борт.

Минут сорок я усмирять «Танцующую», призывая ее оставаться на месте. Наконец за кормой вздулись два блестящих зеленых холма: Джимми поднял свой трофей.

Рядом с поплавками незамедлительно показалось его лицо, обрамленное капюшоном гидрокостюма. Джимми высоко вскинул руку, давая сигнал к началу буксировки.

– Готов? – крикнул я стоявшему в кокпите Гаттри.

– Готов!

Он уже закрепил трос, и я повел «Танцующую» прочь от

рифа, тихонько и аккуратно, чтобы не перевернуть поплавки вверх тормашками, отчего из них вышел бы весь воздух и приз Джима снова канул бы в океанскую пучину.

В пяти сотнях ярдов от рифа я поставил «Танцующую» на нейтраль и хотел спуститься, чтобы выудить из воды пловца с его тучными зелеными поплавками, но, как только ступил на лесенку, Мейтерсон рыкнул:

– На место!

Пожав плечами, я вернулся к штурвалу. «Ну их всех к черту», – подумал я и закурил чируту... Но весь иззуделся от любопытства, пока они волокли поплавки вдоль борта к носу катера и помогали Джимми взобраться на борт. Он сбросил с плеч на палубу тяжелые баллоны со сжатым воздухом, сдвинул маску на лоб, и до меня, облокотившегося на поручни мостика, четко и ясно донесся звонкий и надломленный от волнения голос:

– Джекпот! Там...

– Тихо! – осадил его Мейтерсон. Джеймс осекся, и все трое задрали головы к мостику.

– Считайте, что меня тут нет, парни, – усмехнулся я и весело помахал им чирутой.

Они отвернулись, встали голова к голове и начали совещаться. Джимми что-то зашептал, а Гаттри громко сказал: «Господи Иисусе!» – и хлопнул Мейтерсона по спине, а потом все бросились к релингу и стали извлекать из воды поплавки с грузом, при этом громко смеясь и издавая радост-

ные возгласы. Получалось у них не очень ловко, «Танцующую» заболтало, а я подался вперед, чувствуя, как любопытство проедает дырку у меня в животе, – но едва не разругался от досады и огорчения, увидев, что предусмотрительный Джимми завернул свой трофей в чехол от тобогана и на борту подняли мокрый и неопрятный брезентовый узел, обвитый нейлоновым тросом.

Судя по тому, как с ним обращались, я пришел к выводу, что сверток тяжелый. Но не громоздкий, размером с небольшой чемодан.

Положив предмет на палубу, все выстроились вокруг него с довольными лицами, и Мейтерсон с улыбкой окликнул меня:

– Ладно, Флетчер, идите смотреть.

Красавец. Сыграл на моем любопытстве не хуже концертного пианиста. Мне вдруг отчаянно захотелось узнать, что они вытащили из океана. Закусив чируту, я съехал по трапу, устремился к сборищу на носу катера и был уже посреди передней палубы, на самом виду, когда Мейтерсон, не стирая улыбки с лица, тихо скомандовал:

– Давай!

Лишь теперь я понял, что меня заманили в ловушку, и мозг заработал с такой скоростью, что все вокруг замедлилось до почти полной статики.

В руке у Гаттри я увидел зловещий черный силуэт «сорок пятого». Мускул пригнулся в стрелковой стойке, полностью

вытянув вперед правую руку, ухмыльнулся, прищурил крапчатый глаз, и я понял, что толстый дульный срез уже поднимается к моему животу. Увидел, как приятное лицо юного Джимми Норта исказилось от ужаса, увидел, как он хочет схватить Гаттри за руку с пистолетом, а Мейтерсон, по-прежнему улыбаясь, грубо отодвигает его в сторону, и «Танцующая» приподнимается на волне, и Джимми едва не шлепается на палубу.

Я мыслил ясно и очень быстро – так, что мысли не шествовали привычным караваном, но превратились в коллаж одновременных образов. Я думал о том, с какой профессиональной ловкостью меня подвели под пулю, о том, как я, самонадеянный дурак, надеялся заключить сделку с волчьей стаей, забыв, что с волками бесполезно договариваться, ведь они все равно загрызут тебя, потому что им так проще, о том, что теперь Джимми свидетель, и его тоже убьют, как и планировалось, наверное, с самого начала, и мне было жаль парня, потому что он мне нравился. И еще я думал о том, как тяжелая экспансивная пуля расстанется с дулом «сорок пятого», а мгновением позже мягкий свинец двумя тысячами фут-фунтов ударит мне в живот и разорвет его в клочья.

Указательный палец Гаттри удавом изогнулся на спусковом крючке, и я начал прыжок в сторону, к палубному ограждению, по-прежнему сжимая в зубах чируту и понимая, что опоздал.

Пистолет вскинуло вверх, и я заметил, как на дульном сре-

зе полыхнула вспышка, бледная в сиянии солнца. Пушечный рев выстрела и тяжелая свинцовая пуля настигли меня одновременно: от грохота я оглох, отдернул голову, чирута выпала у меня из зубов и устремилась ввысь, оставляя в воздухе искристый след, а удар пули вышиб из легких весь воздух, заставил меня сложиться пополам, оторвал от палубы и отбросил назад.

Боли не было, лишь чудовищное онемение и шок. Пуля угодила в грудь, в этом я не сомневался, и знал, что мне разворотило грудную клетку, и еще я знал, что рана смертельная, и ожидал, что мозг вот-вот откажет, а сознание померкнет и уплывет во тьму.

Но вместо этого я стукнулся поясницей о релинг, перевалялся за него, упал вниз головой за борт и немедленно очутился в прохладных объятиях океана. Падение замедлилось, я открыл глаза и увидел серебряные нити воздушных пузырьков и солнечный свет, смягченный зеленоватым фильтром воды.

После встречи с пулей в легких было пусто, и инстинкт подсказывал рвануть к поверхности, глотнуть воздуха, но сознание, как ни странно, оставалось ясным, и я понимал: в тот же миг, как я покажусь над водой, Майк Гаттри отстрелит мне голову, поэтому я перевернулся и, неуклюже орудуя ногами, нырнул под «Танцующую».

Из-за пустоты в легких путешествие показалось мне бесконечно долгим. Над головой медленно проплывало гладкое

белое дно катера, а я отчаянно рвался вперед, изумляясь тому, что в ногах еще остались силы.

Вдруг меня окутала тьма, мягкое темно-красное облако, и я было потерял самообладание, решив, что отказали глаза, — но тут же понял, что облако это состоит из моей собственной крови, целой лавины крови, марающей океан. В облаке заметались крошечные белые с черными полосками рыбки, жадно хватая ртом окровавленную воду.

Я лихорадочно заработал руками, но левая не слушалась — она безжизненно тащилась за туловищем, и кровь окутывала меня, словно дымовая завеса.

Правая, однако, не подвела, и я прорвался дальше под катер, прошел под килем и стал подниматься к ватерлинии, когда заметил, что нейлоновый буксировочный канат по-прежнему волочится за кормой, петля его ушла под воду, и я, слава богу, сумел за нее ухватиться.

Вынырнув под кормой «Танцующей», я сделал отчаянный вдох. Грудь разрывалась от боли, легкие превратились в сплошной онемевший кровоподтек, а на вкус воздух был как старая медяшка, но я сумел его проглотить.

Сознание оставалось ясным. Я понимал, что нахожусь под кормой, что волчья стая осталась на баке, а мой автомат висит под машинным люком в кают-компании.

Я высунулся из воды так высоко, как только мог, обернул виток нейлонового троса вокруг правого запястья, согнул ноги в коленях и нащупал кончиками пальцев бархоут,

идуший вдоль ватерлинии, понимая, что сил хватит лишь на одну попытку, не больше, и эта попытка должна увенчаться успехом. С бака доносились сердитые повышенные голоса – волчья стая затеяла какую-то перебранку, – но я, не обращая на них внимания, воззвал ко всем резервам организма и рванул вверх с помощью обеих ног и здоровой руки. Из-за натуги в глазах заплясали звездочки, грудь мертвым грузом тянула вниз, но я все же вырвался из воды, перевалился через кормовой релинг и остался висеть на нем, словно пустой мешок на изгороди из колючей проволоки.

Провисел так несколько секунд, а потом зрение прояснилось, и я ощутил, как из раны в боку на живот проливается теплая скользкая кровь, и это чувство побудило меня к действию – я понял, как мало времени мне осталось до окончательного погружения во тьму. Бешено забил ногами, упал в кокпит, по пути стукнувшись головой о край рыбацкого кресла, и охнул от новой боли.

Перекатился на бок и оглядел туловище. Увиденное повергло меня в ужас. Густая кровь струями вытекала из меня и собиралась в приличных размеров лужу.

Цепляясь за палубу, я пополз в сторону каюты и добрался до насечки перед входом. С очередным нечеловеческим усилием встал, хотя ноги уже сделались резиновыми, и придержался за переборку здоровой рукой.

Бросил из-за угла быстрый взгляд на переднюю палубу. Вся троица по-прежнему стояла тесной группой на носу

«Танцующей».

Перепуганный и негодующий Джимми Норт цеплял баллоны со сжатым воздухом обратно на спину и надрылся, глядя на Мейтерсона:

– Вы, убийцы поганые, кровожадные твари, я его найду, подниму тело и, господи помоги, добьюсь, чтобы вас за это повесили...

Даже в нынешнем состоянии я ощутил всплеск восхищения. Отважный парень. По-моему, он до сих пор не сообразил, что в списке мертвецов его имя значится сразу после моего.

– Это же было убийство, хладнокровное убийство! – крикнул он, повернулся к релингу и опустил на лицо маску, закрыв ею глаза и нос.

Теперь он стоял спиной к остальным. Мейтерсон посмотрел на Гаттри и кивнул.

Я попробовал выкрикнуть предупреждение, но голос хрипло квакнул где-то в горле, а Гаттри зашел Джиму за спину и на сей раз сделал все как надо: приставил дуло «сорок пятого» к основанию черепа и спустил курок.

Неопреновый капюшон приглушил звук выстрела.

Голова Джимми дернулась вперед. Раздробив череп, тяжелая пуля вышла сквозь маску для ныряния в облачке фрагментов стекла, а тело по инерции перевалилось через релинг и плюхнулось за борт. Затем наступила тишина, и мне показалось, что воспоминание о выстреле эхом отзывается в ше-

лесте ветра и плеске воды.

– Утонет, – небрежно бросил Мейтерсон. – У него пояс с утяжелителем. Но Флетчера надо бы найти. Нельзя, чтобы его выбросило на берег с дыркой от пули в груди.

– Он ушел в сторону... Мерзавец сдвинулся... Я его едва зацепил, – стал возражать Гаттри.

Больше я ничего не слышал. Колени подломились, и я растянулся на палубе кокпита. От шока, ужаса и стремительной кровопотери мне стало совсем худо.

Я повидал насильственную смерть во многих ее обличьях, но гибель Джимми зацепила меня, как ни одна другая, и мне вдруг страшно захотелось, чтобы перед собственной насильственной смертью я успел кое-что сделать, и я пополз к машинному люку. Белые доски простирались предо мною, как пустыня Сахара, и я уже чувствовал на плече свинцовую длань великой усталости.

С палубы над головой донеслись шаги и журчание голов. Волки возвращались в кокпит.

– Господи, десять секунд, больше ничего не прошу, – шептал я, понимая, что это бесполезно: они будут в каюте задолго до того, как я доползу до люка, но все равно отчаянно тащился вперед.

Шаги вдруг стихли, но голоса не умолкали. Гаттри с Мейтерсоном остановились на палубе, и я почувствовал огромное облегчение, потому что добрался до люка.

Осталось справиться с задвижкой. Ее, похоже, заело на-

мертво, но тут до меня дошло, что это я настолько ослаб, что не могу открыть люк, и за пеленой усталости шевельнулась живительная злоба.

Я извернулся, пнул задвижку ногой, и она отлетела в сторону. Поборов изнеможение, я встал на колени, склонился над люком, и на белый пол брызнул свежий ручеек ярко-красной крови.

Ничего, Чабби, переживешь, не к месту подумал я и стал поднимать крышку люка. Она поддавалась невыносимо медленно и была тяжелее всего на свете, и вдобавок я почувствовал первые уколы боли в груди: должно быть, в ране что-то надорвалось.

Наконец крышка гулко откинулась на пол, и голоса на палубе тут же смолкли. Я представил, как Гаттри и Мейтерсон наострили уши.

Упал на живот и стал отчаянно шарить под полом. Правая ладонь моя сомкнулась на ложе автомата.

– Скорее! – В этом громком возгласе я узнал голос Мейтерсона, и снова стук шагов: оба бросились к кокпиту.

Я из последних сил потянул автомат к себе, но он, похоже, застрял на ремешке и противился моим усилиям.

– Господи! Вся палуба в крови! – крикнул Мейтерсон.

– Это Флетчер! – отозвался Гаттри. – С кормы забрался!

В этот момент ремешок отцепился, и я чуть не уронил «ФН» в машинное отделение, но сумел удержать его и откатился в сторону.

Сел с автоматом на коленях, сдвинул большим пальцем рычажок предохранителя и уставился на дверной проем сквозь пот и соленую воду, заливавшие мне глаза и туманившие зрение.

Мейтерсон влетел в каюту, сделал три шага и, увидев меня, разинул рот и замер. Лицо его покраснелось от суеты и возбуждения, он поднял руки и выставил их перед собой, словно защищаясь, и бриллиант у него на мизинце весело подмигнул мне, когда я одной рукой вскинул автомат, изумляясь его непомерной тяжести. Подняв дуло к уровню коленной Мейтерсона, я нажал спусковой крючок, и «ФН» с оглушительным ревом изрыгнул долгую очередь. Отдача подбросила дуло вверх, пули пришили Мейтерсону в пах, живот и грудь, отбросили его к переборке каюты, распороли и выпотрошили, как лезвие потрошит рыбину, и он задергался в энергичной, но недолгой предсмертной джиге.

Я знал, что патроны надо экономить, ведь мне еще предстояло разбираться с Майком Гаттри, но почему-то не мог снять палец со спуска, и пули, пронзая тело Мейтерсона, продолжали выбивать щепу из деревянной отделки.

Наконец палец послушался, пулевая буря улеглась, и Мейтерсон тяжело рухнул лицом вниз.

В каюте стоял едкий запах кордита с примесью тяжелого сладковатого душка свежепролитой крови.

Пригнувшись к сходному трапу, Гаттри выставил вперед правую руку и выпустил в меня, сидевшего посреди каюты,

одну-единственную пулю.

У него имелось предостаточно времени, чтобы прицелиться как следует, но он поспешил: разволновался и не успел поймать равновесие. Грохот выстрела едва не разорвал мне барабанные перепонки, а тяжелая пуля, пролетев мимо, возмутила воздух у щеки. Отдача подбросила пистолет, и, когда Гаттри опускал его для следующего выстрела, я упал на бок и поднял «ФН».

В казенной части оставался, по-моему, один патрон, но он оказался счастливым. Прицеливаться я не стал, просто дернул спусковой крючок, и дуло ушло вверх.

Пуля угодила Гаттри в правый локтевой сгиб и раздробила сустав. Пистолет отлетел ему за плечо, скользнул по палубе и застрял в кормовом шпигате.

Гаттри развернулся, нелепо взмахнув рукой с нерабочим суставом, и в тот же миг я снова щелкнул курком автомата, но патронник оказался пуст.

Мы смотрели друг на друга, оба тяжело раненные, но полные застарелой неприязни. Эта неприязнь придавала мне сил – я встал на колени, выронил бесполезный автомат и пополз в сторону Гаттри.

Тот хмыкнул, развернулся, придерживая раненую руку, и пополз к лежавшему в шпигате «сорок пятому».

Я не видел способа его остановить – Гаттри не был смертельно ранен, и я понимал, что с левой руки он, наверное, стреляет не хуже, чем с правой, – но все равно сделал по-

следнюю попытку, протащился мимо мертвого Мейтерсона и выбрался в кокпит, когда Гаттри нагнулся за пистолетом.

Затем на помощь мне пришла «Танцующая»: взбрыкнула на белой волне, словно необъезженный мустанг. Гаттри потерял равновесие, а пистолет закувыркался по палубе. Гаттри развернулся, хотел пуститься за ним вдогонку, но поскользнулся в крови, разбрызганной мною по всему кокпиту, и упал.

Упал неудачно, тяжело, на раздробленную руку. Вскрикнул, перекатился на колени и быстро пополз к блестящему черному пистолету.

У наружной переборки кокпита имелась стойка, а в ней, словно комплект бильярдных киев, выстроились длинные десятифутовые багоры, увенчанные огромными крюками из нержавеющей стали.

Чабби затачивал их сам, и крюки были едва ли не острее стилетов. Когда он погружал багор в тушу, от силы удара крюк слетал с рукояти, а потом рыбу затаскивали на борт с помощью сплесненного с нержавеющей крепкого нейлонового каната.

Гаттри почти дополз до пистолета, когда я откинул крепление стойки и вынул из нее багор.

Гаттри уже схватил пистолет левой рукой и теперь старался взять его поудобнее, сосредоточив все внимание на оружии, а пока он был занят, я снова встал на колени, размахнулся здоровой рукой и что было сил вогнал сверкающий

крюк в его склоненную спину – сквозь ребра, по рукоять, на всю длину лезвия. От удара Гаттри распластался на палубе, снова выронил пистолет, и «Танцующая», качнувшись, оттолкнула его в сторону.

Теперь, со сталью в грудной клетке, он закричал – даже не закричал, а тоненько завыл от боли. Я, однорукий, налег сильнее, пытаюсь зацепить сердце или легкое, и крюк слетел с рукоятки. Гаттри покатился к пистолету, лихорадочно шаря рукой по палубе, а я отбросил древко багра и так же лихорадочно зашарил в поисках веревки, чтобы усмирить врага.

В Гамбурге, в ночном клубе района Санкт-Паули, я однажды видел, как две женщины борются друг с другом в бассейне, наполненном черной грязью. Сейчас мы с Гаттри давали примерно такое же представление, вот только вместо грязи в бассейне кокпита была наша кровь. Мы скользили и перекатывались по палубе, а «Танцующая» танцевала по волнам, безжалостно швыряя нас из стороны в сторону.

Наконец Гаттри ослаб и схватился здоровой рукой за огромный крюк, засевший глубоко в теле. Со следующей волной я сумел обвить его шею канатом, крепко зацепился ногой за низ рыбацкого кресла, собрался с силами и решительно затянул петлю.

Гаттри испустил взрывной выдох, язык его вывалился изо рта, тело обмякло, конечности безвольно раскинулись по доскам палубы, а голова стала покачиваться в такт движениям «Танцующей».

Я настолько устал, что даже не обрадовался. Ладонь моя самопроизвольно разжалась и выпустила канат, я лег на спину, закрыл глаза, и меня окутал саван тьмы.

Когда я пришел в сознание, лицо горело, как будто его обожгли кислотой, губы распухли, а жажда бушевала лесным пожаром. Я шесть часов провалялся на спине под тропическим солнцем, и оно меня не пощадило.

Медленно я перекатился на бок и слабо вскрикнул от невыносимой боли в груди. Немного полежал, дожидаясь, пока она стихнет, и стал обследовать рану.

Пуля вошла в бицепс левой руки и вышла через трицепс, не задев кость, но пробив в мышце огромное выходное отверстие, и сразу после этого зарылась в бок грудной клетки.

Всхлипывая от мучений, я прощупал рану пальцем. Пуля чиркнула по ребру: я чувствовал, что обнаженная кость раскололась и зашершавилась там, где пуля изменила траекторию и, разбросав по разорванным тканям костно-свинцовые ошметки, нырнула в широчайшую мышцу спины, из которой впоследствии вынырнула чуть ниже лопатки, оставив после себя дыру размером с кофейную чашку-демитас.

Я упал обратно на палубу, тяжело дыша и сражаясь с волнами тошноты и головокружения. Мои исследования спровоцировали новое кровотечение, но теперь я хотя бы знал, что пуля не засела в грудине, – то есть у меня оставался некоторый шанс на выживание.

Отдыхая, я окинул себя затуманенным взором. Волосы и одежда заскорузли от засохшей крови, и кровью же был вымазан весь кокпит – где-то подсохшей черной пленкой, а где-то блестящими свернувшимися катышками.

Гаттри лежал на спине с крюком багра в туловище и веревочной петлей на шее. Живот его раздулся от газов, придавая ему вид беременной.

Я встал на колени и пополз вперед. Тело Мейтерсона наполовину перекрыло вход в каюту, изрешеченную автоматным огнем так, словно здесь разбуянился свирепый хищник.

Я переполз через труп, увидел позади бара холодильник и обнаружил, что поскуливаю от предвкушения.

С великой охотой проглотил три банки кока-колы, давился и задыхался, проливал ледяную жидкость на грудь, стонал от удовольствия и отфыркивался после каждого глотка, а потом снова лег отдыхать, закрыл глаза и хотел лишь одного – уснуть и проспять до окончания времен, но тут в голове тревожной лампочкой загорелся самый насущный вопрос: «Черт возьми, где мы?!» «Танцующая» уже дрейфовала в сомнительных водах, усеянных отмелями и коралловыми рифами.

Я принудил себя встать и потащился в окровавленный кокпит.

Увидел за бортом фиолетовые воды Мозамбикского пролива, а вокруг – никакой земли, одна только линия горизонта, с которой вереницы массивных облаков взбирались в вы-

сокое синее небо. Отлив, сговорившись с ветром, оттолкнул «Танцующую» далеко на восток, и места для маневров имелось предостаточно.

Ноги подломились, и какое-то время я, наверное, спал. Когда проснулся, голова прояснилась, но рана подсохла, и каждое движение давалось мне с мучительным трудом. На коленках и здоровой руке приполз в душевую, где хранилась аптечка. Разорвал рубаху и залил раны неразбавленным раствором акрифлавина, наскоро затрамбовал перевязочным материалом и забинтовался, как мог, истратив на это последние силы.

Меня вновь одолело головокружение, и я, лишившись чувств, рухнул на линолеумный пол.

Когда очнулся, ничего не соображал и был слаб, словно новорожденный младенец.

С огромным трудом я соорудил косынку для раненой руки и отправился в бесконечное путешествие на мостик в дружной компании головокружения, боли и тошноты.

Двигатели завелись с полпинка. «Танцующая» всегда была добра ко мне.

– Отвези меня домой, родная, – прошептал я, настроил автоматическую систему управления катером и задал приблизительное направление. «Танцующая» легла на курс, а меня снова окутала тьма, и я растянулся на палубе, охотно погружившись в глубины забытья.

Разбудила меня, наверное, перемена в поведении катера:

в сгущавшихся сумерках он уже не сновал вверх-вниз на волне Мозамбикского течения, но тихо скользил по гладким водам какой-то бухты.

Я кое-как подтянулся к штурвалу – и едва успел, потому что прямо по курсу уже виднелись неясные и тусклые очертания земли. Захлопнул заслонки дросселя, врубил нейтраль, «Танцующая» мягко закачалась на мелководье, и я узнал эти берега: предо мною был остров Большой Чайки.

Пропустив вход в Гранд-Харбор – очевидно, я выставил курс чуть южнее, – «Танцующая» подошла к самой южной россыпи крошечных атоллов, составляющих группу Сент-Мэри.

Придерживаясь за штурвал, я вытянул шею. Брезентовый сверток по-прежнему покоился на передней палубе, и я вдруг почувствовал, что должен от него избавиться, не вполне соображая, зачем и почему, но смутно понимая, что этот сверток – серьезный козырь в игре, в которую меня втянули недобрые люди. Я знал, что не рискну привезти его в Гранд-Харбор при свете дня, ведь за него погибли уже трое, а четвертому, мне, отстрелили полгруды. Короче, под этой оберткой пряталась весьма проблемная вещьца.

Чтобы добраться до передней палубы, мне понадобилось пятнадцать минут, по пути я дважды отключался, а на подходе к свертку громко всхлипывал при каждом движении.

Следующие полчаса я промучился, пытаюсь развернуть задубевший брезент и развязать крепкие нейлоновые узлы,

но задача оказалась непосильной для одnorукого человека, не способного толком сомкнуть слабые онемевшие пальцы. К тому же тьма в голове сгущалась, и я опасался, что потеряю сознание с инкриминирующим свертком на борту.

Улегшись на бок, я по последним лучам заходящего солнца определил местоположение, глянул на остров, заметил пальмовую рощицу под вершиной холма и хорошенько все запомнил.

Затем открыл в релинге передней палубы дверцу – через нее мы обычно затаскивали на борт крупную рыбу, – извернулся, толкнул обеими ногами брезентовый сверток, и он с тяжелым всплеском свалился за борт, и вода забрызгала мне лицо.

Из-за этих упражнений раны дали течь, и горе-перевязка напиталась свежей кровью. Я снова взял курс на мостик, но не дополз: на входе в кокпит окончательно лишился чувств.

Меня разбудили лучи утреннего солнца и пронзительный птичий гомон; но когда я открыл глаза, солнце потускнело, словно на него нашло затмение. Зрение уже начало угасать, я попробовал шевельнуться, но не смог, и лежал, сокрушенный тяжестью боли и полного бессилия. «Танцующая» стояла на месте, накренившись под абсурдным углом: по всей видимости, ее выбросило на берег.

Я всмотрелся в раскос над головой и увидел на нем трех морских чаек – толстых, каждая размером с индюшку. Изогнув шеи, они разглядывали меня блестящими черными гла-

зами, нетерпеливо пушили перья, и еще у них были тяжелые желтые клювы с изогнутыми ярко-вишневыми кончиками.

Я пробовал крикнуть им, чтоб улетали, но губы не слушались. Я был совершенно беспомощен и понимал, что скоро они начнут с моих глаз, потому что они всегда начинают с глаз.

Одна расхрабрилась, распростерла крылья и, спланировав на палубу, уселась рядом. Подошла на несколько шажков и стала играть со мной в гляделки. Я снова попробовал крикнуть, но не сумел издать ни звука. Чайка сделала еще один косолапый шажок, вытянула шею и, раззявив страшный клюв, издала хриплый угрожающий скрежет, а я почувствовал, как все мое изувеченное тело, съезжившись, пытается отпрянуть в сторону.

Вдруг тональность птичьих возгласов переменялась, и воздух наполнился биением крыльев. Смотревшая на меня чайка снова заскрежетала, теперь разочарованно, снялась в полет, и потревоженный крыльями воздух хлестнул меня по лицу.

Затем настала долгая тишина. Я лежал на круто накренившейся палубе, ко мне подбиралась тьма, но я отгонял ее, а потом у борта что-то зацарапалось. Я повернул голову, чтобы посмотреть на источник звука, и в тот же миг над палубой возникло темно-шоколадное лицо и уставилось на меня с двухфутовой дистанции.

– Бог ты мой! – раздался знакомый голос. – Мистер Гарри,

вы ли это?

Позже я узнал, чтоловец черепах с острова Сент-Мэри, по имени Генри Уоллес, заночевал на атолле и, покинув соломенное ложе, увидел, что после отлива «Танцующая» сохнет на песчаной отмели, а над палубой клубится и пререкается стая морских чаек. Он вброд перешел лагуну, взобрался по борту и заглянул в забойный цех моего кокпита.

Я хотел сказать ему, насколько рад нашей встрече, и пообещать пожизненный запас бесплатного пива, но вместо этого меня переполнили слезы, наворачнувшиеся из самых глубин моего существа, и я тихо расплакался, потому что разрыдаться в голос не было сил.

– Не многовато ли шума вокруг такой царапинки? – удивлялся Макнаб, неумолимо зондируя рану.

Он терзал мне спину, и я охал и постанывал, а будь у меня силы, встал бы с больничной койки и засунул бы этот зонд ему в отверстие, наиболее пригодное для подобных манипуляций.

– Ну хватит, док! Неужели в те времена, когда вы, вне всякого сомнения, провалили выпускной экзамен, студентам не рассказывали про морфий и его аналоги?

Макнаб обошел вокруг койки и всмотрелся в мое лицо. Пухлый, румяный, лет пятьдесят, волосы с проседью, усы тоже, а от дыхания разит так, что захмелеть можно. Наверное, это мне вместо анестетика.

– Гарри, мальчик мой, морфий денег стоит. А вы лечитесь бесплатно. Или платно?

– Отныне платно. Буквально секунду назад сменил свой пациентский статус.

– И правильно сделали, – согласился Макнаб. – Вы в наших краях человек заметный, а положение, как говорится, обязывает. – Он кивнул медсестре. – Дорогуша, сделайте мистеру Гарри укол морфия, а после продолжим.

Пока я ждал укола, он продолжал меня подбадривать:

– Вчера вечером перелили вам шесть пинт цельной крови, настолько вы пересохли. Впитали ее, словно губка.

Ну что тут скажешь: вряд ли кто ожидает встретить в больнице Сент-Мэри практикующего светоча медицины. Я почти поверил островным слухам, что док Макнаб трудится на паях с похоронным бюро Фреда Кокера.

– Долго вы меня тут промурыжите, док?

– Месяц, не больше.

– Месяц?! – Я хотел было сесть, и две медсестры наскочили на меня, чтобы удержать в горизонтальном положении, что и сделали без особенного труда. Я по-прежнему едва мог приподнять голову. – Месяц мне не по карману! Господи, сейчас середина сезона, и на той неделе у меня новая фрагтовка...

Тут прибежала сестра с уколом.

– Хотите, чтобы я разорился? Мне нельзя упускать клиентов...

Сестра ужалила меня иглой.

– Гарри, дружище, об этом сезоне можете забыть. Вам будет не до рыбалки. – И он, негромко мурлыкая веселую мелодию, стал вынимать из меня кусочки свинца и костной ткани.

Морфин притупил боль – но не отчаяние.

Если мы с «Танцующей» пропустим полсезона, можно сушить сухари. Меня опять растянули на финансовой дыбе. Господи, как же я ненавижу деньги!

Накладывая чистые белые бинты, Макнаб добавил мне радости:

– Левая рука отчасти утратит функциональность, мальчик мой Гарри. Вероятно, слабость и тугоподвижность сохранятся навсегда. Зато останутся красивые шрамы. Будет что девочкам показать. – Он закончил с перевязкой и повернулся к сестре. – Меняйте бинты раз в шесть часов, промывайте ранки антисептиком, а раз в четыре часа давайте ему обычную дозу ауреомицина. Вечером три таблетки могодона, а завтра на обходе я к нему загляну. – Он улыбнулся мне, показав гнилые зубы под неопрятными седыми усами. – За дверьми ожидает вся полицейская рать. Придется их впустить. – Он шагнул было к двери, но замер и усмехнулся. – Неплохо вы разделали тех двух парней. По всему пейзажу широкими мазками. Отлично стреляете, мальчик мой.

Инспектор Дейли был облачен в безупречно накрахмаленную и девственно-чистую форму цвета хаки, а все кожаные

ремни и ремешки сияли от полировки.

– Добрый день, мистер Флетчер. Я пришел взять у вас показания. Надеюсь, вы уже в норме.

– Самочувствие у меня прекрасное, инспектор, ведь если надо взбодриться, нет ничего лучше, чем пулевое ранение в грудь.

Дейли повернулся к пришедшему с ним констеблю и жестом велел придвинуть к кровати стул, а пока усаживался и доставал стенографический блокнот, констебль шепнул мне:

– Жалко, что вас ранили, мистер Гарри.

– Спасибо, Уолли, но ты бы видел остальных парней.

Уолли – здоровенный, крепкий, симпатичный – приходился Чабби племянником, и его мать стирала мне белье.

– А я их видел, – усмехнулся он. – Неплохо!

– Если готовы, мистер Флетчер, – чопорно вмешался Дейли, недовольный нашей с Уолли беседой, – можем продолжить.

– Валяйте, – разрешил я, потому что уже продумал показания до мелочей.

Как любой хороший рассказчик, я говорил правду и ничего, кроме правды, но кое-что опустил. Не стал упоминать трофей, поднятый Джимми Нортон и выброшенный мною в океан близ острова Большой Чайки, и умолчал о месте, где мы вели поиски. Разумеется, Дейли хотел об этом узнать и то и дело возвращался к соответствующим вопросам:

– Что они искали?

– Понятия не имею. Они старались сохранить это в тайне.

– Где все произошло? – настаивал он.

– За рифом Селедочной кости, к югу от мыса Растафа. –

То есть в пятидесяти милях от пролома в Артиллерийском рифе.

– Сможете указать точное место погружения?

– Вряд ли. Разве что плюс-минус несколько миль. Я всего лишь делал, что приказывали.

Дейли разочарованно пожевал шелковистые усы:

– Ну хорошо. Говорите, на вас напали без предупреждения? – (Я кивнул.) – А зачем? Зачем им было вас убивать?

– Ну, мы не говорили на эту тему. Не выдалось случая спросить. – Я сильно устал, начал слабеть и боялся сболтнуть лишнего, поэтому мне не хотелось продолжать. – Когда Гаттри стал палить по мне из своей пушки, мне не показалось, что он настроен на дружескую беседу.

– Это вам не шуточки, Флетчер, – строго сказал Дейли, а я дотянулся до тумбочки и позвонил в колокольчик.

Сестра, по всей видимости, ждала за дверью.

– Мне очень плохо, сестра.

– Попрошу вас уйти, инспектор. – Словно мать-наседка, она выгнала полисменов из палаты и вернулась поправить мне подушки – миниатюрная, миловидная, с огромными черными глазами и тонкой талией, перехваченной тугим поясом, который акцентировал замечательную грудь, усыпанную всевозможными значками и бейджами, а из-под пи-

кантной форменной шапочки выбивались блестящие каштановые локоны.

– Ну и как вас зовут? – сипло прошептал я.

– Мэй.

– Сестра Мэй, как вышло, что я вас раньше не видел? – спросил я, когда она перегнулась через меня, чтобы подоткнуть одеяло.

– Наверное, не в ту сторону смотрели, мистер Гарри.

– Что ж... Теперь смотрю куда надо.

Бюст ее, затянутый в белоснежную форменную блузку, оказался в нескольких дюймах от моего носа. Но она тут же выпрямилась.

– Говорят, что вы не человек, а сам дьявол. Вижу, что не врут. – Но это было сказано с улыбкой. – Теперь спите. Вам надо восстанавливать силы.

– Угу. Вот окрепну, тогда и поговорим, – кивнул я, а она громко рассмеялась.

Следующие три дня у меня было предостаточно времени на размышления, так как посетителей ко мне не пускали, пока не завершится официальное расследование. Дейли поставил у дверей палаты констебля, и я уже не сомневался, что обвиняюсь в убийстве самом окаянном³.

Палата была прохладная, просторная, с хорошим видом на лужайку, окаймленную высокими темно-зелеными баньянами, за которыми возвышались массивные каменные стены

---

³ Искаженная цитата из трагедии У. Шекспира «Гамлет» (монолог Призрака).

форта с выглядывающей из бойницы древней пушкой. Кормили неплохо, давали много фруктов и рыбы, а с сестрой Мэй мы сделались добрыми – если не закадычными – друзьями. Она даже пронесла в палату бутылку «Чивас Ригал», которую мы прятали в подкладном судне. От Мэй я узнал, что весь остров сторает от любопытства из-за «груза», принесенного «Танцующей» в Гранд-Харбор, и еще она рассказала, что на второй день Мейтерсона и Гаттри похоронили на старом кладбище, поскольку в здешних широтах трупы сохраняются хуже, чем хотелось бы.

За эти три дня я решил, что сверток, выброшенный мною у острова Большой Чайки, там и останется, ведь отныне за мной следит множество глаз, и положение у меня крайне невыгодное, поскольку неизвестно, чьи это глаза и кем организована слежка. Так что постараюсь не отвечивать, пока не пойму, откуда прилетит следующая пуля. Эта игра была мне не по душе. Меня могут запросто удалить из-за стола, а я предпочел бы сам решать, что и как мне делать.

Еще я много думал про Джимми Норту и всякий раз, нырнув в глубины неуместной скорби, пытался объяснить себе, что он был чужой человек, что он ничего для меня не значил, но получалось неважно. Имеется у меня одна вредоносная слабость: чересчур быстро привязываюсь к людям. Стараюсь шагать по жизни в одиночку, избегая эмоциональных уз, и за годы практики добился в этом определенных успехов. Мало кому теперь удастся пробить мою броню, но Джимми Норт

поразил меня в самое сердце.

На третий день я заметно окреп: уже мог сесть без посторонней помощи, испытывая при этом терпимую боль.

Официальное дознание провели у меня в палате. На закрытом заседании присутствовали только главы законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти острова Сент-Мэри.

Председательствовал сам президент Бидль, по обыкновению совершенно черный, если не считать накрахмаленной белой сорочки и ореола белоснежной шерсти вокруг лысой макушки. Ассистировал ему судья Харкнесс, высокий, тощий и загорелый до темно-коричневого цвета, а инспектор Дейли представлял власть исполнительную.

Первым делом президент осведомился, удобно ли мне и хорошо ли я себя чувствую – ведь я был одним из его «детей».

– Главное, не переутомляйтесь, мистер Гарри. И если что-то понадобится, просто попросите, ясно? Мы здесь лишь для того, чтобы ознакомиться с вашим взглядом на события. Уверяю, для волнения нет причин. К вам нет никаких претензий.

Инспектор Дейли тем временем страдальчески выслушивал, как его заключенного провозглашают невиновным еще до суда.

Я повторил свой рассказ, а когда умолкал, чтобы отдышаться, президент отпускал любезные или восхищенные ре-

марки. Наконец я договорил, и он удивленно покачал головой:

– Что тут скажешь, мистер Гарри, на свете не так много людей, имеющих силу и мужество сделать то, что вы сделали с этими бандитами. Джентльмены, вы согласны?

Судья Харкнесс выразил сердечное согласие, но инспектор Дейли промолчал.

– Да-да, они были бандиты, – продолжил президент. – Мы отправили их отпечатки в Лондон, а сегодня выяснилось, что эти люди явились сюда под фальшивыми именами и на каждого из них имеется досье в Скотленд-Ярде. Бандиты, что один, что другой. – Президент взглянул на судью Харкнесса. – У вас есть вопросы, судья?

– По-моему, нет, господин президент.

– Отлично, – кивнул с довольным видом Бидль. – А у вас, инспектор?

Дейли достал машинописный листок.

– Мистер Флетчер все еще очень болен, инспектор, – сказал президент, не пытаясь скрыть недовольства. – Надеюсь, что вопросы у вас действительно важные. – Дейли замешкался, и Бидль бесцеремонно продолжил: – Вот и хорошо. Значит, мы пришли к согласию. Вердикт таков: смерть от несчастного случая. Мистер Флетчер защищал свою жизнь. Я снимаю с него любые обвинения и освобождаю от уголовного преследования. – Он повернулся к стенографисту в углу. – Записал? Теперь напечатай на машинке и принеси мне

в кабинет копию на подпись. – Встал и приблизился к кровати. – Вы, главное, поправляйтесь скорее, мистер Гарри. А как только поправитесь, жду на ужин в резиденции. Секретарь пришлет вам официальное приглашение. Хочу снова послушать ваш рассказ.

В следующий раз, когда я предстану перед судом – а я непременно перед ним предстану, – надеюсь на такой же почет и уважение. Теперь, когда меня официально провозгласили невиновным, в палату стали пускать посетителей.

Чабби с женой явились вместе, в стандартном выходном обмундировании. Миссис Чабби принесла первоклассный банановый пирог собственного изготовления, зная мою слабость к ее банановым пирогам.

Чабби разрывался между радостью от того, что я выжил, и возмущением от того, что я сотворил с «Танцующей». Глянув на меня страшными глазами, он принялся облегчать душу:

– Палубу ни в жизнь не отчистим, дружище. Все в доски впиталось. Твой чертов автомат от переборки живого места не оставил! Мы с Анджело уже три дня корячимся, и еще несколько дней надо, и это как минимум!

– Прости, Чабби. В следующий раз, когда надумаю кого-нибудь застрелить, сперва попрошу его встать у релинга.

Я знал, что, когда Чабби закончит ремонт, катер будет как новенький.

– Ну а когда тебя выписывают? По проливу, Гарри, много

хорошей рыбы идет.

– Скоро, Чабби. Через неделю, не позже.

Чабби фыркнул:

– Ты в курсе, что Фред Кокер дал телеграмму всем, кто планировал фрахтовать нас в этом сезоне? Сказал, что ты тяжело ранен, и вверил их мистеру Коулмену.

Тут я вышел из себя и крикнул:

– Скажи Фреду Кокеру, чтоб тащил сюда свой черный зад, и чем быстрее, тем лучше!

У Дика Коулмена контракт с гостиницей «Хилтон». Ему проспонсировали покупку двух катеров для охоты на крупную рыбу, а Коулмен выписал из-за границы парочку шкиперов, ни один из которых не мог похвастать завидной добычей: они попросту не чувствовали тонкостей нашего ремесла. Фрахтовками Коулмен разживался с трудом, и я предполагал, что Фред Кокер получил за моих клиентов щедрую компенсацию.

Он явился следующим утром.

– Мистер Гарри, доктор Макнаб сказал, что в этом сезоне тебе не рыбачить. Не мог же я подвести людей, а то прилетели бы за шесть тысяч миль и узнали, что ты на больничной койке. Никак нельзя. Мне надо думать о репутации.

– Мистер Кокер, от твоей репутации разит сильнее, чем от покойников, которых ты складываешь в подсобке турагентства, – сказал я, и он пресно улыбнулся мне из-за очков с золотой оправой.

Но, конечно же, он был прав: не скоро еще я смогу повести «Танцующую» в погоню за товарным марлином.

– Ты только не волнуйся, мистер Гарри, – продолжал Кокер. – Как только поправишься, я устрою тебе сразу несколько доходных фрахтовок.

Речь шла о ночных заплывах, с которых Кокер иной раз имел аж по семьсот пятьдесят долларов комиссии. Такая работа была мне по плечу даже в нынешнем плачевном состоянии, ведь от меня требовалось лишь сгонять «Танцующую» туда-обратно – конечно, если заплыв проходил без неприятностей.

– Забудь, мистер Кокер. Я же говорил, что отныне занимаюсь только рыбалкой.

Он кивнул, улыбнулся и продолжил – так, словно не слышал моих слов:

– Поступают настоятельные просьбы от одного из твоих старых клиентов.

– Тело или ящик? – осведомился я.

Тело – это нелегальный ввоз или вывоз человеческих существ: беглых политиков с бандой головорезов на хвосте или амбициозных деятелей, стремящихся опрокинуть действующий режим. В ящиках обычно содержатся приспособления для убийства, ввозимые на Африканский континент. В старые добрые времена такой бизнес называли контрабандой оружия.

– Чемодан, – помотал головой Кокер.

Это из детской считалки:

Плыл по морю чемодан,
В чемодане был диван,
На диване ехал слон,
Кто не верит – выйди вон!

В нашем контексте речь идет о масштабном и высокоорганизованном браконьерстве, методичном истреблении африканского слона в охотничьих заповедниках и племенных землях Восточной Африки. Ненасытный азиатский рынок дает за слоновую кость хорошую цену, а чтобы забрать дорогостоящий груз из эстуария и доставить его по опасным прибрежным водам в Мозамбикский пролив, к ожидающему каботажному судну, требуется хороший капитан с быстрым катером.

– Мистер Кокер, – устало произнес я, – могу с уверенностью сказать, что мать твоя не знала имени твоего отца.

– Его звали Эдвард, мистер Гарри, – осмотрительно улыбнулся он. – Я сообщил клиенту, что стоимость доставки возросла. Из-за инфляции и цен на дизельное топливо.

– Сколько дают?

– Семь тысяч долларов за ходку.

Звучит неплохо, но Кокер отгрызет свои пятнадцать процентов, а инспектора Дейли придется подмазать такой же суммой, чтобы он какое-то время видел и слышал хуже обычного. К тому же за ночной заплыв Чабби и Анджело

всегда получают по пять сотен в качестве надбавки за риск.

– Забудь, мистер Кокер, – неубедительно сказал я. – Просто устрой мне пару рыбацких фрахтовок.

Но он знал, что мне не устоять.

– Устрою, как только здоровье позволит тебе гоняться за рыбой. А тем временем... Когда хочешь сделать первую ходку? Через десять дней нормально? Будет сизигийный прилив и правильная луна. Ну что, говорить клиенту?

– Говори, – сдался я. – Через десять дней нормально.

По вынесении положительной резолюции выздоровление мое ускорилось – в том числе и потому, что до ранения я был на пике физической формы, – и зияющие отверстия в руке и спине стали съезживаться самым волшебным образом.

На шестой день я миновал очередную веху на пути к выздоровлению. Когда сестра Мэй, вооружившись тазиком мыльного раствора и полотенцем для лица, омывала меня перед отходом ко сну, организм мой продемонстрировал столь монументальное доказательство доброго здравия, что даже я, неплохо знакомый с этим феноменом, был весьма впечатлен, а сестра Мэй так переполнилась эмоциями, что голос ее сменился хриплым шепотом:

– Господи! Как посмотрю, мистер Гарри, вы уже окрепли.

– Не стоит ли нам воспользоваться случаем, сестра Мэй? – спросил я, и она решительно кивнула.

С тех пор обстановка виделась мне в более благоприят-

ном свете, и я вовсе не удивился, когда мои добрые намерения сменились назойливыми мыслями о покрытой брезентом тайне острова Большой Чайки.

Гляну одним глазком, говорил я себе. Когда буду уверен, что пыль окончательно улеглась.

Мне уже позволяли гулять по несколько часов зараз. Меня переполняло неугомонное желание вернуться к нормальной жизни, и даже самоотверженные усилия сестры Мэй не могли притупить острие моей вновь пробуждавшейся энергии, а Макнаб удивленно приговаривал:

– Приятель, а быстро вы идете на поправку. Раны заживают прекрасно. Еще недельку...

– К черту недельку! – непреклонно заявил я.

Через недельку мне предстоял ночной заплыв. Кокер без проблем все организовал, а у меня тем временем почти закончились деньги, и эта ходка требовалась мне как воздух.

Команда ежевечерне навещала меня и докладывала о продвижении ремонтных работ на «Танцующей». Однажды вечером Анджело явился пораньше, обрядившись в ухажерский костюм – ковбойские сапоги и так далее, – но вел себя необычайно тихо и был не один.

С собой он привел юную воспитательницу муниципального детского сада, расположенного неподалеку от форта. Я знал ее, и мы даже обменивались улыбками при случайной встрече на улице, а Мамка Эдди однажды предоставила мне краткую сводку, описывающую характер этой девушки:

– Джудит хорошая. Не из вертихвосток. Станет кому-нибудь везунчику славной женой.

Еще она была симпатичная, высокая, грациозная, одетая скромно и опрятно, и робко поздоровалась со мной:

– Здравствуйте, мистер Гарри.

– Привет, Джудит. Спасибо, что пришла. – И я посмотрел на Анджело, не в силах сдержать ухмылку. Он отвел глаза и покраснел, подбирая нужные слова.

– Мы с Джудит жениться будем, – наконец выпалил он. – Решил, что вам надо об этом знать, босс.

– Думаешь, Джудит, тебе по силам удержать его в узде?! – с восторгом рассмеялся я.

– Вот увидите, – сказала она и так сверкнула глазами, что вопрос был снят.

– Отлично. С меня свадебная речь, – кивнул я. – Ну что, отпустишь Анджело работать на «Танцующей»?

– Запрещать не стану, – заверила меня она. – Когда он с вами, я спокойна.

Они посидели у меня где-то с час, а когда ушли, я почувствовал легкий укол зависти. Приятно, наверное, когда у тебя кто-то есть – кроме тебя самого. Надо бы тоже попробовать, если встречу своего человека... Но я тут же отогнал эту мысль и встал в защитную стойку. На свете чертова прорва женщин, и нет никаких гарантий, что не ошибешься с выбором.

Макнаб выписал меня с двухдневным запасом. Одежда

болталась на скелетных костях – я похудел почти на два стона, загар мой поблек до грязного желто-коричневого оттенка, под глазами залегли здоровенные синие круги, и я по-прежнему чувствовал себя бессильным младенцем. Рука оставалась в косынке, раны до сих пор не закрылись, но теперь я хотя бы мог самостоятельно менять повязку.

Анджело сидел в пикапе и ждал, пока я распрощаюсь с сестрой Мэй на ступенях больницы.

– Приятно было познакомиться, мистер Гарри.

– Забегайте как-нибудь на ужин. Зажарю на гриле лангустов, выпьем по бокалу вина...

– На следующей неделе истекает мой контракт. И я вернусь домой, в Англию.

– В таком случае будьте счастливы, ладно? – попросил я.

Анджело отвез меня на Адмиралтейскую, и следующий час мы втроем с Чабби проводили ревизию ремонта.

Палубы «Танцующей» вновь обрели белоснежный вид, а в каюте заменили отделку, да так безупречно, что даже я не сумел ни к чему придраться.

Мы прокатились по проливу до Бараньей косы, и как же приятно было вновь ощутить палубу под ногами и услышать музыкальное урчание моторов! Домой вернулись в сумерках, пришвартовались и, присев на мостике, открыли по банке пива и завели разговор.

Я рассказал, что завтра ночью у нас ходка, а они спросили, какой груз повезем. Вот, собственно, и все: никаких раз-

ногласий.

– Пора, – сказал наконец Анджело. – Надо забрать Джудит с вечерней смены.

Мы погрузились в ялик и отправились к берегу.

Позади ананасовых складов стоял мой старенький пикап, а рядом с ним – полицейский «лендрровер», из которого, за-видев нас, выбрался молодой констебль Уолли. Поздоровался с дядей и повернулся ко мне:

– Простите за беспокойство, мистер Гарри, но инспектор Дейли желает, чтобы вы явились в форт. Сказал, это срочно.

– Господи, – проворчал я, – а до завтра подождать никак?

– Сказал, что никак, мистер Гарри, – ответил извиняющимся тоном Уолли, и только ради него я согласился.

– Ну ладно, поеду за тобой в пикапе. Но сперва надо подвезти Анджело и Чабби.

Я решил, что Дейли хочет поторговаться насчет взятки. Обычно такие вопросы решал Фред Кокер, но инспекторская честь, наверное, подросла в цене.

Выруливая здоровой рукой и придерживая баранку коленом, когда нужно было переключить передачу, я проследовал за красным «лендрровером», прогромыхал по подъемному мосту и припарковался рядом с Уолли во внутреннем дворе форта.

Рабы возвели эти массивные каменные стены в середине восемнадцатого века. Широкую защитную преграду венчала длинная тридцатисестьфунтовая пушка-каронада, направ-

ленная на пролив и вход в Гранд-Харбор.

Одно крыло отвели под штаб островной полиции, тюрьму и оружейный склад, в остальных располагались правительственные учреждения, а также апартаменты президента.

Мы взобрались по ступенькам, ведущим в помещение для задержанных, потом Уолли открыл боковую дверь и повел меня по коридору, вниз, еще по одному коридору и снова вниз.

Здесь я никогда не бывал, и мне стало любопытно. Каменные стены футов, наверное, двадцать толщиной, – по всей вероятности, раньше тут был пороховой склад. В конце последнего коридора показалась толстая, почерневшая от времени дубовая дверь, окованная железом, и я грешным делом подумал, что за ней отсиживается Франкенштейнов монстр.

Мы вошли.

Не монстр, но почти. Нас подждал инспектор Дейли в компании еще одного констебля. Я сразу заметил пистолеты на поясных ремнях. В комнате было пусто, если не считать деревянного стола и четырех стульев, – такие можно увидеть в департаменте общественных работ. Мощеный пол, некрашенные каменные стены – и все.

В дальнем конце комнаты виднелась арка, а за ней – ряд тюремных камер. Источниками света служили стоваттные лампочки, свисавшие на голых черных проводах с балок потолка, а в неровных углах комнаты сгущались мрачные тени.

На столе лежал мой автомат. Я непонимающе уставился

на него.

За спиной у меня Уолли закрыл дубовую дверь.

– Мистер Флетчер, чье это оружие? Ваше?

– Проклятье, вы же прекрасно знаете, что мое! – сердито ответил я. – Что за чертовщину вы тут выдумали, Дейли?

– Гарольд Делвилл Флетчер, я помещаю вас под арест за незаконное владение огнестрельным оружием категории «А» в количестве одна штука – а именно нелицензированным автоматом марки «Фабрик насьональ», серийный номер четыреста шестнадцать – тридцать два – пятнадцать.

– Да вы сдурели! – рассмеялся я.

Мой смех ему не понравился. Безвольные губенки под усами наморщились, как у капризного карапуза, и Дейли кивнул констеблям. Они уже знали, что от них требуется, поэтому вышли за дубовую дверь.

Я услышал, как засовы легли на место, и мы с Дейли остались одни. Он стоял подальше от меня, у противоположной стены, и клапан его кобуры был расстегнут.

– Скажите, Дейли, его превосходительство в курсе? – по-прежнему улыбаясь, спросил я.

– Его превосходительство покинул Сент-Мэри в четыре часа дня. Улетел в Лондон, на конференцию стран Содружества. Его не будет две недели. – (Поняв, что он не врет, я перестал улыбаться.) – У меня же тем временем есть причины полагать, что государственная безопасность оказалась под угрозой. – Теперь улыбался не я, а он – тонко, одними

губами. – Прежде чем продолжим, хочу заверить вас, что я не шучу.

– Я уже понял, – кивнул я.

– Мы с вами проведем здесь две недели, Флетчер. У этих стен изрядная толщина, так что можете шуметь, сколько вам вздумается.

– Знаете, кто вы? Вы мерзкий кусок дерьма! Даже не кусок, а кусочек.

– Выйти отсюда вы можете лишь одним из двух способов. Или мы с вами придем к соглашению, или Фред Кокер вынесет вас из этих стен в сосновом гробу.

– Выкладывайте ваши условия, ничтожество.

– Я хочу в точности – повторяю, в точности – знать место, где ваши клиенты проводили подводные исследования, перед тем как началась стрельба.

– Я же говорил: где-то неподалеку от мыса Растафа. Точное место назвать не могу. При всем желании.

– Флетчер, оно известно вам до дюйма. Хотите поспорить? Готов поставить на это вашу жизнь. Вы не стали бы упускать такой шанс. Сами знаете. И я знаю. И они знали. Вот почему вас собирались пустить в расход.

– Идите в жопу, инспектор! – буркнул я.

– К тому же вы не могли оказаться неподалеку от мыса Растафа, потому что работали к северу отсюда, ближе к континенту. Я полюбопытствовал – и мне доложили о ваших передвижениях.

– Нет, дело было возле мыса Растафа, – упрямо повторил я.

– Ну хорошо, – кивнул он. – Надеюсь, вы лишь притворяетесь несговорчивым, Флетчер. В ином случае дело нам предстоит долгое и грязное. Однако, прежде чем начнем, попрошу не тратить время на ложные показания, ведь, пока я не проверю их, вы будете оставаться здесь. Напомню, что в моем распоряжении целые две недели.

Мы смотрели друг на друга, и я почувствовал, как по спине бежит холодок, когда понял, что Питер Дейли получит от нашего общения огромное удовольствие. Тонкие губы его изогнулись в злорадной улыбке, а глаза затянуло дымчатой поволокой.

– В Малайе я, знаете ли, поднаторел в ведении допросов. Это завораживающее занятие. Такое многогранное. Зачастую сильные и несговорчивые ломаются первыми, а недокормыши держатся и держатся...

Я видел, что он говорит это из любви к искусству, что его возбуждает перспектива причинения боли. Ритм его дыхания изменился, теперь он дышал быстрее и глубже, а к щекам прихлынула кровь.

– И еще, Флетчер, нужно принять во внимание, что вы сейчас не в лучшей физической форме. Допускаю, что после недавних злоключений ваш болевой порог заметно снизился. Вряд ли вы сможете долго...

Мне показалось, что в последних словах прозвучало со-

жаление. Я подобрался и приготовился к броску.

– Нет, – предупредил он. – Не надо, Флетчер. – И положил ладонь на рукоятку пистолета.

Нас разделяло пятнадцать футов. Я слаб и однорук, за спиной у меня запертая дверь, за ней два вооруженных констебля... Я расслабился, плечи мои обмякли.

– Так-то лучше. – Он снова улыбнулся. – Теперь, пожалуй, мы возьмем наручники, пристегнем вас к решетке в одной из камер и приступим к делу. Когда надоест, просто скажите. Вы увидите, что мой электрический приборчик прост, но весьма эффективен. Всего лишь двенадцативольтовый автомобильный аккумулятор – а клеммы я подключаю к самым занимательным частям человеческого тела...

Он пошарил за спиной, и я впервые заметил на стене кнопку. Дейли нажал на нее, и где-то далеко за дубовой дверью ожил электрический звонок.

Звякнули засовы, и в комнату вернулись констебли.

– Отведите его в камеру, – приказал Дейли.

Констебли замешкались, и я понял, что прежде они не участвовали в подобного рода операциях.

– Живо! – повысил голос Дейли, и констебли подступили ко мне с обеих сторон. Уолли легко коснулся моей раненой руки, и я позволил увести себя к камерам. Поближе к Дейли.

Мне хотелось выгадать единственный шанс.

– Как мама, Уолли? – небрежно спросил я.

– В порядке, мистер Гарри, – смущенно пробормотал он.

– Получила подарок, что я послал ей на день рождения?

– Да, получила. – Он отвлекся: в полном соответствии с моим замыслом.

Мы поравнялись с Дейли. Он стоял у арки, за которой были камеры, ждал, пока мы пройдем, и похлопывал по бедру ротанговым стеклом.

Констебли придерживали меня неуверенно, уважительно, едва-едва, и я сдвинулся вбок – так, чтобы Уолли потерял равновесие, – а потом извернулся и вырвался на волю.

Никто из них не был к этому готов. Я в три шага покрыл дистанцию между мною и Дейли, прежде чем они поняли, что происходит, и ударил инспектора правым коленом, вложив в этот выпад всю свою массу. Удар пришелся ему промеж ног, и это был удивительно сильный удар, и не важно, какую цену мне придется заплатить за такое удовольствие. Оно того стоило.

Дейли на добрых восемнадцать дюймов оторвался от пола, отлетел назад и врезался в решетку, где согнулся, прижав обе руки к нижней части туловища, и тонко запищал, словно кипящий чайник. Когда он упал, я приготовился нанести следующий удар, целя в лицо и намереваясь выбить инспектору зубы, но констебли пришли в чувство и метнулись вперед, чтобы оттащить меня. Теперь они действовали грубо и даже заломили мне руку.

– Необязательно было так делать, мистер Гарри! – сердито крикнул Уолли.

Пальцы его зарылись в мой бицепс. Скрипнув зубами, я крикнул в ответ:

– Президент снял с меня обвинения, Уолли, и ты это знаешь!

Дейли выпрямился, кривясь от мучительной боли и не отнимая рук от паха.

– Это подстава! – крикнул я. – Если я окажусь в камере, он убьет меня, Уолли...

Я понимал, что на разговор осталось несколько секунд, потому что Дейли уже нетвердо продвигался в мою сторону, размахивая стеклом и разинув рот в попытке вновь обрести голос.

– Молчать! – взвизгнул Дейли.

– Он не решился бы, но президент...

– Молчать! Молчать! – Он наотмашь хлестнул меня стеклом, нарочно целя в раны. Гибкий ротанг со змеиным шипением рассек воздух и щелкнул, словно стреляющий пистолет.

Боль была невероятная. Я конвульсивно изогнулся, непроизвольно забился в руках констеблей, но меня удержали.

– Молчать! – От боли и ярости у Дейли началась истерика. Он замахнулся снова, и стек ударил в недолеченные раны. На сей раз я закричал.

– Убью тебя, сволочь! – Дейли, пошатываясь, отступил назад на полусогнутых от боли ногах и сунул руку в кобуру.

И тут мои надежды оправдались. Уолли выпустил меня и прыгнул вперед с криком:

– Нет! Только не это!

Навис над худеньким сжавшимся Дейли, выбросил вперед тяжелую коричневую руку и не дал инспектору достать пистолет.

– С дороги! Это приказ! – крикнул Дейли, но Уолли отцепил ланьярд от рукоятки, разоружил шефа и попятился с пистолетом в руке.

– Я тебя в порошок сотру! – рычал Дейли. – Ты обязан...

– Я знаю, чем и кому я обязан, инспектор, – сказал со скромным достоинством Уолли, – и в мои обязанности не входит убийство заключенных. – Потом повернулся ко мне. – Мистер Гарри, вам лучше уйти.

– Ты что, преступника отпускаешь?! – охнул Дейли. – Нет, я тебя и правда в порошок сотру!

– Никакого ордера я не видел, – отрезал Уолли. – Как только президент подпишет ордер, мы тут же приведем мистера Гарри обратно в форт.

– Ах ты, черная скотина! – выдохнул Дейли, а Уолли повернулся ко мне и сказал:

– Ступайте. Живо!

Путь до хижины был неблизкий, и каждая колдобина лупила меня в большую грудь. Благодаря вечерним увеселениям я уверился в том, что мои изначальные мысли верны: что

бы ни скрывалось в свертке, упокоенном близ острова Большой Чайки, мне, как джентльмену миролюбивому, эта вещь-ца сулит один лишь вред и никакой пользы.

Я человек доверчивый, но не настолько, чтобы думать, что инспектор Дейли больше не попробует меня допросить. Оправившись от пинка в репродуктивные органы, он непременно сделает новую попытку подключить меня к системе освещения. Я задумался, действует ли он самолично или же объединился с некими партнерами, и пришел к выводу, что он один и попросту не желает упустить нечаянную возможность.

Оставив пикап во дворе, я прошел к веранде и поднялся в дом. Пока меня не было, миссис Чабби прибралась и подмела пол. На обеденном столе стояла банка из-под варенья, полная свежесрезанных цветов. Что важнее, в холодильнике обнаружались яйца, масло и бекон, а в хлебнице – свежий хлеб.

Я сорвал окровавленную рубашку и размотал бинты. Стек оставил у меня на груди вздутые рубцы, а раны превратились в неприглядное месиво.

Я принял душ, приладил свежую повязку, встал голый у плиты и набил полную сковородку яиц, потом набросал в нее бекона и, пока все это готовилось, налил себе самого выдержанного виски и принял его, словно лечебную микстуру.

После еды хотел залезть под простыню, но слишком устал, поэтому рухнул поперек кровати и задумался, хватит ли у

меня сил, чтобы провести ночной заплыв по расписанию. Это была моя последняя мысль, а потом наступило утро.

Снова приняв душ, проглотив две таблетки болеутоляющего долоксена, запив их стаканом холодного ананасового сока и приготовив на завтрак очередную сковородку яиц, я ответил себе утвердительно. Тело ныло и слушалось хуже обычного, но работать я смогу. В полдень поехал в город, заскочил к Мамке Эдди за припасами и отправился на Адмиралтейскую.

«Танцующая» нежилась у причала. Чабби с Анджело были уже на борту.

– Я залил топлива в запасные баки, Гарри, – сообщил мне Чабби. – Теперь на тысячу миль хватит.

– Грузовые сетки не забыл? – спросил я, так как работать с объемистой слоновой костью без сеток – сомнительное удовольствие.

– Лежат в такелажном ящике, – кивнул он.

– Куртку еще не забудь, в проливе будет зябко. Глянь, какой ветер.

– Не переживай, Гарри. Это тебе беречься надо, а то выглядишь хуже, чем десять дней назад. Больной совсем.

– Зато по ощущениям молод, полон сил и хорош собой, Чабби.

– Угу, прямо как моя теща, – хмыкнул он, после чего сменил тему: – Дружище, а где твой автомат?

– В полиции.

– То есть пойдём без ствола на борту?

– До сих пор справлялись.

– Всегда бывает первый раз, – проворчал он. – Я без ствола как голый буду.

Меня всегда забавляла его одержимость оружием.

Несмотря на все представленные мною свидетельства противного, Чабби никак не мог отделаться от уверенности, что скорость и дальность полета пули зависят от силы нажатия на спусковой крючок, – а стреляя, всегда намеревался, чтобы пули летели очень быстро и улетали очень далеко. Спускал курок с такой неукротимой силой, что не будь мой «ФН» столь надежным, давно бы приказал долго жить.

К тому же в момент стрельбы Чабби страдал от полной неспособности не жмуриться. На моих глазах он с трех метров промазал по пятнадцатифутовой тигровой акуле, хотя выпустил в нее целый магазин, все двадцать патронов. Другими словами, Чабби Эндрюсу не светило попасть в Бисли⁴, но по природе своей он обожал огнестрельное оружие и прочие штуковины, умеющие говорить «бабах».

– Рутина, Чабби, плевое дело, оздоровительный круиз, вот увидишь.

Но он скрестил пальцы против глаза и отправился полировать и без того сиявшую медь «Танцующей», а я сошел на берег.

---

⁴ Имеются в виду полигоны Национального стрелкового центра около деревни Бисли (Суррей, Англия).

Офис турагентства Фреда Кокера оказался безлюден. Я позвонил в колокольчик на столе, и Кокер – без пиджака и галстука, с засученными рукавами рубашки и в красном резиновом переднике на животе – высунулся из подсобки.

– Добро пожаловать, мистер Гарри. Проходи. И входную дверь запри, пожалуйста.

Подсобка разительно контрастировала с парадным офисом, где на оклеенных кричащими обоями стенах теснились яркие туристические фотоснимки. Она напоминала длинное и удручающее лошадиное стойло. У стены громоздились дешевые сосновые гробы, а чуть дальше, у двустворчатых ворот, расположился катафалк. В углу, за чумазой холщовой занавеской, стоял мраморный стол с канавками по краям и трубкой для слива жидкости в ведро на полу.

– Проходи, присаживайся, – повторил Кокер. – Где-то там есть стул. Ты уж извини, но во время разговора я буду работать. Надо успеть к четырем дня.

Я взглянул на обнаженный трупик на столе. Хилая девочка лет шести с длинными черными волосами. Одного взгляда мне хватило, поэтому я передвинул стул за занавеску, чтобы видеть лишь безволосую верхушку головы Фреда Кокера, и закурил чируту. В подсобке стоял тяжелый запах бальзамирующего состава, и я чуть не поперхнулся.

– Со временем привыкаешь, мистер Гарри, – сообщил Фред Кокер в пику моей брезгливости.

– Ну что, договорился? – Мне не хотелось обсуждать его

мерзкое ремесло.

– Все готово, – заверил он.

– С нашим другом из форта рассчитался?

– Все улажено.

– Когда ты его видел? – настаивал я, сгорая от любопытства: мне не терпелось узнать про Дейли и его самочувствие.

– Сегодня утром, мистер Гарри.

– Ну и как он?

– По-моему, как всегда. – Оторвавшись от своего зловещного занятия, Кокер вопросительно уставился на меня.

– Стоял, ходил, плясал джигу, песню пел, собаками тебя травил?

– Нет, – покачал головой Кокер. – Сидел, но не в самом лучшем настроении.

– Неудивительно! – хохотнул я, и боль в ранах поутихла. – Но от взятки не отказался?

– Нет, не отказался.

– Отлично. Значит, все по-прежнему на мази?

– Я же сказал: все улажено.

– Так просвети меня, мистер Кокер.

– Забирать в устье пролива Сальса, где он впадает в южный канал главного эстуария Дузы. – (Я кивнул. Приемлемо. Хорошее место, есть где бросить якорь.) – Условный сигнал – два фонаря, один над другим, на ближней к устью отмели. Мигнешь дважды с тридцатисекундным интервалом, а когда нижний фонарь погаснет, встанешь на якорь. Понял?

– Понял. – Меня все устраивало.

– Тебе предоставят рабочие руки для погрузки с шаланд.

Я кивнул и спросил:

– Клиент в курсе, что в три часа будет стоячая вода и поэтому до трех мне надо выйти из пролива?

– Да, мистер Гарри. Я сказал ему, что погрузку надо закончить к двум ноль-ноль.

– Тогда ладно. Что насчет выгрузки?

– Выгрузка в двадцати пяти милях к востоку от мыса Растафа.

– Отлично. – Проверю местоположение по маяку на мысе. Все замечательно. Проще простого.

– Там будет ждать большое каботажное судно. Условный сигнал тот же. На мачте два фонаря. Мигнешь дважды с интервалом в тридцать секунд, и нижний фонарь погаснет, после чего можешь приступать. Тебе обеспечат безопасный подход и предоставят рабочие руки. Вот, пожалуй, и все.

– Разве что деньги...

– Ах да, деньги. – Из кармана передника он извлек конверт.

Я осмотрительно взял его двумя пальцами и бегло просмотрел калькуляции, шариковой ручкой нацарапанные на лицевой стороне.

– Половина вперед, как обычно. Остальное по факту доставки, – напомнил Кокер.

В конверте было тридцать пять сотен, минус двадцать од-

на – комиссионные Кокера и взятка Дейли, – то есть четырнадцать, из которых надо выскрести тысячу долларов премии для Анджело и Чабби... Итого, четыре сотенных для меня. И ни центом больше.

Я поморщился.

– Завтра ровно в девять утра буду ждать у дверей турагентства, мистер Кокер.

– Приготовлю тебе чашку кофе, мистер Гарри.

– И про остальное не забудь, – сказал я, а он, рассмеявшись, вновь склонился над мраморным столом.

Ближе к вечеру мы выдвинулись из Гранд-Харбора, и я сперва дошел до Бараньей косы – на тот случай, если на мысе Кули притаился наблюдатель с биноклем. А когда стемнело, встал на истинный курс, и мы, лавируя между островками прибрежного канала, направились к широкому приливному устью Дузы.

Луны не было, но ярко сияли звезды, и линия приборя вспыхивала призрачно-зеленой фосфоресценцией в таявшем свете недавнего заката.

«Танцующая» летела по волнам, а я подмечал все необходимые ориентиры – излом рифа или очертания атолла в лунном свете, – и сам плеск воды служил мне лоцманом, предупреждая об отмелях и мелководьях.

Анджело и Чабби тоже поднялись на мостик и плечом к плечу стояли у релинга. Время от времени один из них бе-

гал вниз, чтобы сварить очередную порцию могучего черного кофе, и мы, потягивая из кружек дымящийся напиток, всматривались в ночь: не промелькнет ли в мерцающих волнах прибоа бледный силуэт патрульного катера.

– Слыхал от Уолли, что вчера ночью у тебя были какие-то неприятности в форте, – нарушил молчание Чабби.

– Какие-то были, – согласился я.

– А потом Уолли пришлось везти инспектора в больницу.

– Уолли еще не выгнали со службы? – удивился я.

– Пока держится, но едва-едва. Инспектор хотел в камере его закрыть, но Уолли слишком здоровенный.

– В обед Джудит была в аэропорту, – присоединился к разговору Анджело. – Забирала посылку с учебниками. И видела, как он улетел на континент.

– Кто улетел? – спросил я.

– Инспектор Дейли, полуденным рейсом.

– Что ж ты до сих пор молчал?

– Подумал, что это не важно, Гарри.

– Ну да, – согласился я. – Наверное, так и есть.

Дейли мог отправиться на континент по десятку причин, не имеющих никакого отношения к моему сегодняшнему делу, но мне все равно стало тревожно. Не люблю, когда во время рискованного предприятия в подлеске рыщут подобные звери.

– Жаль, Гарри, что мы сегодня без ствола, – скорбно повторил Чабби. Я ничего ему не ответил, но про себя пожалел

о том же.

Воды прилива сгладили привычную суматоху волн у входа в южный канал эстуария, и я пробирался в темноте, словно слепец. Рыбаки местных племен утыкали оба заиленных берега стоячими вершами, и благодаря им я наконец-то понял, куда двигаться.

Убедившись, что мы оказались у правильного входа, я вырубил оба двигателя, и теперь «Танцующая» бесшумно дрейфовала, несомая водами прилива. Мы с предельной сосредоточенностью выслушивали в темноте звук двигателя патрульного катера, но слышали только кваканье лягушек и всплески игравшей на мелководье кефали.

Беззвучно, словно привидение, «Танцующая» вошла в канал, с обеих сторон нас прикрывали черные мангровые заросли, а в насыщенном влагой воздухе повисло тухлое зловоние илистых болот.

Крапинки звездного света плясали на взволнованной поверхности канала, а однажды в темноте блеснули весла, и мимо нас скользнул похожий на крокодила длинный и узкий челн: из устья возвращались двое рыбаков. Они на мгновение остановились, окинули нас изучающим взглядом и, не крикнув приветственных слов, опять налегли на весла и стремительно скрылись во мраке.

– Плохо, – сказал Анджело.

– Прежде чем они расскажут про нас кому-то, кого стоит опасаться, мы уже будем потягивать лагерь в «Лорде Нельсо-

не».

Я знал, что у здешних хватает собственных секретов, да и в целом рыбаки – люди не из болтливых, поэтому встреча с ними меня не беспокоила.

Глянув вперед, я увидел, что мы приближаемся к первой излучине, и течение начало сносить «Танцующую» к противоположному берегу. Я нажал на пусковые кнопки, двигатели с урчанием ожили, и я вернул катер на глубину.

Мы пробирались по извилистому каналу, пока наконец не очутились на широком тихом плесе, где мангровые заросли на илистых берегах сменились приятной глазу твердой землей.

В миле от нас я разглядел устье притока Сальса – черневший в берегу проем за линией высоких пушистоглавых камышей, а дальше, один над другим, желтели сдвоенные сигнальные фонари.

– Говорил же тебе, Чабби, – плевое дело.

– Дома скажешь, – проворчал наш неисправимый оптимист.

– Ладно, Анджело, ступай на бак. Дам знак, когда бросить якорь.

Мы ползли по каналу, и, когда я фиксировал штурвал, а потом доставал из ящика ручной прожектор, в голове у меня вертелась считалка:

«На диване ехал слон, кто не верит – выйди вон!»

Мне думалось о сотнях толстокожих серых исполинов,

умерщвленных ради бивней, – и по спине скользнул ледяной сквознячок вины, ведь я тоже был соучастником этой бойни. Но я выбросил эти мысли из головы, поднял прожектор, направил его на желтые фонари и дал условленный сигнал.

Повторил его трижды, но лишь когда поравнялся с фонарями, нижний внезапно погас.

– Бросай, Анджело, – негромко скомандовал я и вырубил моторы.

Якорь булькнул в воду, и цепь оглушительно загремела в окружавшем нас безмолвии. Оказавшись на привязи, «Танцующая» резко остановилась и развернулась к выходу из канала.

Чабби ушел доставать грузовые сети, но я задержался у релинга, вглядываясь в сигнальные фонари. Тишина была абсолютной, разве что на камышовых берегах Сальсы звучно поквакивали болотные лягушки.

В этой тиши я скорее ощутил подошвами, нежели услышал, биение, подобное биению великаньего сердца.

Пульсацию судового дизеля «эллисон» ни с чем не спутаешь. Я знал, что раньше на патрульном катере Зинбаллы стояли «роллс-ройсы» времен Второй мировой, но позже их заменили на «эллисоны», и ощущаемый мною звук вне всякого сомнения принадлежал эллисоновскому двигателю, стоявшему на нейтрале.

– Анджело! – Я старался говорить потише, но таким тоном, чтобы Анджело проникся напряженностью ситуации. –

Бога ради, отцепляй якорь, и как можно быстрее!

Именно для таких экстренных случаев в цепи у нас имелся штифт, и я, бросившись к рычагам и кнопкам, возблагодарил за этот штифт всех богов.

Заводя двигатели, я услышал глухой стук четырехфунтовой кувалды: Анджело расклепывал цепь. Трижды ударил он, и цепь с плеском ушла за борт.

– Готово, Гарри, – сообщил Анджело, и в тот же миг я запустил двигатели и открыл заслонки на полную. «Танцующая» с гневным рыком рванула вперед, взбивая гребными винтами белую пену под кормовым подзором.

Рвануть-то рванула, но ей не достало проворства: хоть мы и шли по течению, в лицо нам со скоростью пять узлов двигались воды прилива.

Поверх рева наших моторов я услышал, как загудели «эл-лисоны», и из-за тростникового частокола в устье Сальсы вырвалась длинная смертоносная тень.

Даже в свете звезд я немедленно узнал широкий развал бортов у носа, изящное сужение линий в поджарую, как у борзого пса, талию и обрубленную квадратную корму: силуэт спасательного катера Королевского ВМФ, который провел свои лучшие дни в Мозамбикском проливе, а после отправился дряхлеть к этим малярийным берегам.

Тьма была добра к нему, скрывая ржавые пятна и неравномерную окраску, но этот катер был уже старик, лишенный великолепных «роллсов» и взамен получивший экономные,

но маломощные «эллисоны». В честной гонке «Танцующая» обошла бы его как стоячего, но сегодня о честности не могло быть и речи. Патрульному катеру хватило и мощности, и скорости, чтобы влететь в канал и отрезать нам путь к отступлению, а когда он включил боевые прожекторы, свет ударил по нам, словно нечто осязаемое: два белых луча, столь слепящих, что мне пришлось прикрыть глаза ладонью.

Теперь он был прямо перед нами, перекрывая канал, и на передней палубе я разглядел призраки согбенных силуэтов артиллерийского расчета, окружавших трехфунтовку на широком шарнирном станке. Мне показалось, что дуло пушки заглядывает мне в левую ноздрю, и меня обуяла самая безысходнейшая безысходность.

Это была педантично спланированная и реализованная засада. Я подумал, не протаранить ли патрульный катер, ведь деревянная флотская обшивка, наверное, вся изгнила, а фиброгласовый нос «Танцующей», быть может, переживет такой удар... Но против прилива мы попросту не разгонимся до необходимой скорости.

Вдруг из-за слепящих боевых прожекторов металлически грянул мегафон:

– Ложитесь в дрейф, мистер Флетчер, или я буду вынужден открыть по вам огонь.

Чтобы потопить «Танцующую», хватит одного снаряда, а у трехфунтовки завидная скорострельность. С такого расстояния она за десять секунд превратит мой катер в груду объ-

этого пламенем мусора.

Я закрыл дроссельные заслонки.

– Мудрое решение, мистер Флетчер. Теперь же будьте добры встать на якорь, – прогремел мегафон.

– Давай, Анджело, – устало велел я, а потом стал ждать, пока он снарядит и бросит за борт запасной якорь. Вдруг сильно разболелась рука. За последние несколько часов я совсем о ней забыл.

– Говорил же, надо было ствол взять, – пробормотал Чабби откуда-то сбоку.

– Угу. Я бы посмотрел, как ты лупишь из автомата по этой чертовой пушке. Хоть посмеялся бы.

Патрульный катер кое-как маневрировал к «Танцующей», не отводя от нее ни прожектора, ни ствола трехфунтовки. Нам, беспомощным и ослепленным боевой иллюминацией, оставалось только ждать. Мне не хотелось ни о чем думать, я старался ничего не чувствовать, но злорадный внутренний голос насмеялся надо мной: «Попрошайся с „Танцующей“, Старина Гарри, расходятся ваши с ней дорожки».

У меня имелся неплохой и даже отличный шанс предстать перед расстрельной командой, причем в самом ближайшем будущем, но это волновало меня гораздо меньше, чем мысль о расставании с катером. Обладая «Танцующей», я был мистер Гарри, первый парень на острове Сент-Мэри и один из лучших ловцов марлина в нашем бестолковом мире. Утратив ее, я превращусь в очередного подзаборника из тех, что

пытаются наскрести на миску еды. Лучше уж сдохнуть.

Прежде чем остановиться, патрульный катер шваркнул по борту «Танцующей», погнув релинг и сцарапав не меньше ярда моей краски.

– Сволочи бездушные, – зло проворчал Чабби, когда полдюжины фигур шумной недисциплинированной гурьбой перебрались к нам на палубу. Все в форме: темно-синие клеши, матроски с белыми гюйсами, тельняшки и белые береты, увенчанные красными помпонами, но крой одежды был китайский, и еще наши гости размахивали длинными автоматами Калашникова с выгнутыми вперед магазинами и деревянными прикладами.

Сражаясь между собою за шанс угодить под приклад товарища, они отвели нас в каюту и силком усадили на скамью напротив передней переборки. Мы сидели бок о бок, а двое охранников нависали над нами с автоматами в нескольких дюймах от наших носов и с надеждой кривили пальцы на спусковых крючках.

– Теперь ясно, за что вы дали мне пять сотен, босс, – попытался пошутить Анджело, но охранник прикрикнул на него, а потом ударил прикладом в лицо. Анджело вытер губы, размазав кровь по подбородку, и больше никто из нас не шутил.

Другие вооруженные матросы принялись потрошить «Танцующую». Если это был обыск, они явно перестарались: перевернули все вверх дном, разбили и без того незапертые шкафы и содрали отделку со стен.

Один обнаружил бар; и хотя в нем оставалась лишь пара бутылок, остальные издали одобрительный рев, после чего стали препираться, будто чайки над шматками ливера, и наконец разграбили кухонные припасы с подобающей случаю несдержанностью и буйным весельем. Даже когда их командир не без помощи четверых членов команды совершил рискованный переход через шестидюймовый просвет между «Танцующей» и патрульным катером, громкость смеха, возгласов, треска ломающегося дерева и звона разбитого стекла нисколько не поуменилась.

Тяжело посапывая, командир прошагал по кокпиту и пригнулся, чтобы войти в каюту, где остановился, чтобы перевести дух.

Такую громадину встретишь нечасто. Он был за два метра ростом и невероятно тучный: гигантское раздутое туловище и живот размером с заградительный аэростат, выпирающий из-под белого форменного пиджака, такого тесного, что я опасался, как бы медные пуговицы не разлетелись по каюте шрапнелью, и с насквозь промокшими от пота подмышками. На груди командир носил блестящую рассыпуху орденов и медалей, среди которых я узнал американский Военно-морской крест и «Звезду 1914-15», которую давали британцам за участие в Первой мировой.

Голова его формой и цветом напоминала натертый до блеска чугунный котелок, в каких традиционно варят миссионерские супы, и увенчивалась морской фуражкой с толстым

золотым рантом, заломленной под самым залихватским углом. По лицу его блестящими водопадами струился пот. Выпучив на меня глаза, командир шумно сражался с одышкой, вытирал физиономию, и тело его вдруг стало надуваться, распухать, увеличиваться в размерах, как у гигантской роющей лягушки, и я встревожился, ожидая, что сейчас он лопнет.

Губы – фиолетово-черные и толстые, как тракторные протекторы, – вдруг разомкнулись, и розовая пещера глотки исторгла невероятный рев:

– Молчать!!!

В тот же миг команда мародеров умолкла и застыла на месте, один из них – с прикладом, занесенным для атаки на филенку за баром.

Громадный офицер неровно ступил вперед и, казалось, заполнил своей тушей всю каюту. Медленно опустился на мягкое кожаное сиденье. Потом утер свежепроступивший пот, снова уставился на меня, и лицо его медленно озарилось самой дружелюбной улыбкой из всех, что я видел, улыбкой любвеобильного пупса-великана – зубы у него были огромные и безупречно белые, а глаза почти скрылись в буграх черной кожи.

– Мистер Флетчер, словами не выразить, как я рад. – Голос оказался глубокий, тон мягкий и дружелюбный, акцент британского высшего класса – почти наверняка приобретенный в дорогом университете. Этот человек говорил по-ан-

глийски лучше, чем я. – Много лет я с нетерпением ожидал нашей встречи.

– Ваши слова приличествуют случаю, адмирал. – Никак не младше, с такой-то формой.

– Адмирал... – с наслаждением повторил он. – Мне нравится! – И расхохотался. Взрыв смеха, зародившись в трясущемся животе, разрешился тяжелой одышкой. – Увы, мистер Флетчер, вы судите по одежке, а она бывает обманчива. – Он слегка прихорошился, коснувшись медалей и поправив козырек фуражки. – Я всего лишь скромный капитан-лейтенант.

– Сочувствую, капитан.

– Нет-нет, мистер Флетчер, не растрачивайте на меня свое сочувствие. В моих руках сосредоточена вся власть, какой я только могу желать. – Он взял паузу для комплекса дыхательных упражнений, после чего стер с лица новые капли пота. – Поверьте, в моей власти обречь человека на смерть или даровать ему жизнь.

– Я вам верю, сэр, – убедительно сказал я. – Прошу, не подумайте, что эти слова требуется доказывать на практике.

Он вновь зашелся хохотом, едва не подавился, выкашляя и сплюнул на пол что-то большое и желтое, а потом сказал:

– Вы мне нравитесь, мистер Флетчер, очень нравитесь. По-моему, чувство юмора – важнейшая черта человеческого характера. Думаю, мы с вами могли бы тесно сдружиться. – В этом я сомневался, но счел за лучшее ответить обнадежи-

вающей улыбкой. – И чтобы продемонстрировать, насколько я вас ценю, позволяю вам обращаться ко мне фамильярно. Отныне зовите меня Сулейман Дада.

– Признателен, Сулейман Дада, весьма признателен. А вы можете называть меня Гарри.

– Гарри, – сказал он, – давайте выпьем по глотку виски.

В этот момент в каюте появился еще один человек – тощая мальчишеская фигура, но облаченная не в привычную форму колониальной полиции, а в легкий шелковый костюм, такую же рубашку лимонного цвета, галстук в тон и туфли из кожи аллигатора.

Блондинистый чуб старательно зачесан на лоб, а пушистые усы подстрижены не хуже, чем всегда, но передвигался человек осторожно – по всей видимости, оберегая некую травму. Я усмехнулся и по-доброму спросил:

– Как дела у мошонки, Дейли?

Но он не ответил и уселся напротив капитан-лейтенанта Сулеймана Дады.

Тот, протянув черную лапищу, избавил одного из своих людей от бутылки скотча из моих былых запасов, а другому жестом велел принести стаканы из разгромленного бара.

Когда в руках у нас оказалось по полтамблера шотландского виски, Дада предложил тост:

– За долгую дружбу и всеобщее процветание!

Все выпили: мы с Дейли осторожно, а Дада залпом и с заметным удовольствием. Пока голова его была запрокинута, а

глаза закрыты, матрос попробовал забрать бутылку со стола.

Не опуская тамблера, Дада наградил подручного оплеухой столь могучей, что тот, пролетев через всю каюту, врезался в разграбленный бар. Соскользнул по переборке и уселся на полу, где только и делал, что ошалело мотал головой. Несмотря на неспортивную фигуру, Сулейман Дада был ужасающе силен, и у него отменная реакция, понял я.

Он опустошил свой тамблер, поставил, наполнил снова. Теперь он смотрел на меня, и лицо его стало другим: на нем по-прежнему вздымались и перекатывались пухлые складки, но клоуна здесь больше не было. Передо мной сидел хитрый, опасный и совершенно безжалостный противник.

– Гарри, насколько я знаю, не так давно у вас с инспектором Дейли был разговор, но вы не довели его до конца. – (Я пожал плечами). – Все мы благоразумные и здравомыслящие люди, Гарри, в этом я уверен. – (Я молча разглядывал виски в стакане.) – И это большое счастье. Просто представьте, что случилось бы, окажись в вашем положении неразумный человек. – Дада молча побулькал глотком спиртного, на носу и подбородке россыпью белых язвочек проступили очередные капли пота, и он смахнул их с лица. – Во-первых, неразумный человек увидел бы, как членов его команды по одному выводят на палубу, где предают казни. В наших краях принято казнить людей мотыжными черенками. Ужасная смерть, и инспектор Дейли заверил меня, что у вас особые отношения с этими двумя людьми. – (Сидевшие рядом Чабби и Ан-

джело встревоженно заерзали.) – Затем катер неразумного человека отбуксировали бы в залив Зинбалла, и после этого неразумный человек никогда не получил бы его обратно. Катер официально конфисковали бы, прямо из моих скромных рук. – Умолкнув, он придвинулся и продемонстрировал мне «скромные руки». Таким рукам позавидовал бы самец гориллы. Какое-то время мы смотрели друг на друга. – Затем неразумный человек оказался бы в зинбальской тюрьме – которая, как вам, наверное, известно, является тюрьмой строгого режима для политических заключенных.

Я слышал про зинбальскую тюрьму, да и все на побережье про нее слышали. Из нее или выносят труп, или выпускают калеку – человека изувеченного и физически, и духовно. В народе ее называют «Львиная клетка».

– Сулейман Дада, спешу заверить вас, что я от природы человек исключительно разумный, – поведал ему я.

– Я так и знал, – отсмеявшись, кивнул он. – Разумных людей видно за милю. – Он опять посерьезнел. – Если выдвинемся прямо сейчас, до отлива, то окажемся в прибрежной лагуне еще до полуночи.

– Да, – согласился я, – окажемся.

– Вы пройдете к интересующему нас месту, где подождете, пока мы не останемся довольны, подождете честно и без фокусов, – что касается меня, я нисколько не сомневаюсь в вашей честности, – после чего вы и ваша команда будете вольны уйти на этом великолепном катере и завтрашнюю

ночь проведете в своих постелях.

– Вы, Сулейман Дада, благородный и культурный человек, и я тоже не имею причин сомневаться в вашей честности. – Как и в честности Мейтерсона и Гаттри, добавил я про себя. – И я прямо-таки сгораю от желания провести завтрашнюю ночь в своей постели.

– Думаю, вам надо знать, – впервые проворчал Дейли из-под аккуратно подстриженных усов, – что ловец черепах видел, как в ночь перед той стрельбой вы бросили якорь в бухте между Дедами и Артиллерийским рифом. Мы ожидаем, что вы проводите нас именно туда.

– Я ничего не имею против взяточников, Дейли, – я и сам брал взятки, это как Бог свят, – но что же стало с воспетой поэтом честью воровской? Я очень разочарован в вас, Дейли.

Он, однако, игнорировал мои контробвинения и предупредил:

– Отныне давайте без шуточек.

– Вы и правда дерьмо, Дейли. Со знаком качества. Выстави я вас на конкурсе по дерьмовости, мог бы сорвать главный приз.

– Джентльмены, умоляю! – Дада вскинул руки, чтобы прервать поток моего краснобайства. – Давайте будем друзьями. Еще по стаканчику виски, а потом Гарри организует интересное нас турне. – Он до краев наполнил тамблеры, но выпил не сразу. – Пожалуй, надо предупредить вас, Гарри, что мне не нравятся бурные воды. Мне от них нехорошо. Если

заведете меня в бурные воды, я очень-очень рассержусь. Мы поняли друг друга?

– Ради вас я велю бурным водам утихомириться, – заверил его я, и он торжественно кивнул, словно не ожидал от меня подвигов скромнее.

Заря красавицей вставала с океанской тахты в мягких бежевых тонах перламутрового света, пронизанного стренгами облаков – точь-в-точь растрепанных поутру локонов, выбеленных ранним солнцем.

Мы споро двигались на север, держась спокойных прибрежных вод. По порядку следования «Танцующая» оказалась в авангарде и резво шла вперед закусившей удила породистой кобылкой, а в полумиле за кормой, надрывая «эл-лисоны» в попытке не отстать, тащился неуклюжий патрульный катер. Мы направлялись к Дедам и Артиллерийскому рифу.

Я единолично правил «Танцующей», стоя на штурманском мостике у штурвала, а за спиной у меня расположились Питер Дейли и вооруженный матрос Сулеймана Дады.

В каюте под нами Чабби и Анджело по-прежнему сидели на скамье, а трое охранников с автоматами следили за тем, чтобы мои товарищи не двигались с места.

В разграбленном камбузе не осталось припасов, а посему никто не завтракал и даже не пил кофе.

Когда нас захватили в плен, меня обуяло парализующее

отчаяние, но теперь оно отступило, и я лихорадочно искал выход из лабиринта нынешней ловушки.

Я понимал, что, если показать Дейли и Сулейману Даде пролом в Артиллерийском рифе, они или обследуют его и ничего не найдут – что скорее всего, ведь что бы ни поднял там Джимми, теперь этот предмет покоился в брезентовом свертке у острова Большой Чайки, – или, наоборот, обнаружат что-то новенькое. В обоих случаях меня ждут неприятности: в первом Дейли с превеликим удовольствием подключит меня к электросистеме, чтобы я разговорился, а во втором мое присутствие сделается избыточным, и человек десять бравых матросов готовы будут драться между собой за почетную роль палача. Мне не очень понравилось упоминание о мотыжных черенках: казнь обещала быть весьма неприглядной.

Но шансы на побег казались призрачными. Хотя патрульный катер находился в полумиле от нас, его трехфунтовка держала «Танцующую» на прочном поводке. К тому же на борту у нас оставался Дейли с четырьмя делегатами от банды головорезов Дады.

Я закурил первую за день чируту, и сигара оказала на меня самое чудотворное действие. Почти сразу я увидел игольное ушко света в конце длинного и сумрачного тоннеля. Подумал на эту тему чуть дольше, легонько попыхивая дымом черного табака, и пришел к выводу, что попробовать стоит. Но для начала надо переговорить с Чабби.

– Дейли, – бросил я через плечо. – Ведите сюда Чабби, пусть встанет у штурвала. Мне надо вниз.

– Зачем? – с подозрением осведомился он. – Что вы собираетесь там делать?

– Скажем так: то, что обычно делаю каждое утро, и никто другой не способен сделать это вместо меня. Если заставите объяснять, я покраснею.

– Вам бы, Флетчер, на сцене паясничать. Ваши хохмы меня доконают.

– Хм, а это мысль.

Он велел матросу привести из каюты Чабби и занял мое место у штурвала.

– Никуда не уходите. Позже мне надо будет с вами поговорить, – тихо сказал я уголком рта и спустился в кокпит. Когда вошел в каюту, Анджело слегка просветлел и даже одарил меня вполне приличной версией старой доброй прожекторной улыбки, но трое охранников – им, по всей видимости, было скучно – нацелили на меня автоматы с таким энтузиазмом, что я в спешке вскинул руки: «Спокойно, парни, спокойно» – и бочком прошел мимо них по трапу. Двое, однако, следовали за мной до галюна с таким видом, словно собираются войти в него и составить мне компанию.

– Джентльмены, – возразил я, – если продолжите направлять на меня эти ваши штуковины в следующие несколько критических мгновений, то, наверное, станете изобретателями революционного средства от запора. – Они непонимающе

косились на меня, а я, крепко закрывая дверь, добавил: – Вы же не хотите, чтобы вам дали за это Нобелевскую премию?

Когда я снова открыл дверь, они стояли в тех же позах, словно ни разу не шевельнулись. Заговорщицким жестом я поманил их за собой. На лицах матросов вспыхнул интерес, и я проводил обоих в капитанскую каюту, где под широкой двуспальной койкой имелся тайник, на создание которого я потратил не один десяток часов. Размером с гроб, но с вентиляцией. Достаточно большой, чтобы в нем мог вытянуться человек. Когда во время ночных заплывов я перевозил людей, тайник служил укрытием на случай обыска, а в другое время я складывал в него ценные, запрещенные или опасные грузы. В настоящий же момент здесь хранились пять сотен автоматных патронов, деревянный ящик ручных гранат и две коробки шотландского виски «Чивас Ригал».

С восхищенными возгласами оба матроса закинули автоматы на плечи и выволокли из тайника коробки с «Чивасом». Обо мне позабыли, поэтому я ускользнул из каюты и вернулся на мостик, где встал рядом с Чабби, но не спешил перенимать у него штурвал.

– Долго вы, – проворчал Дейли.

– Люблю растянуть удовольствие, – объяснил я, а он, потеряв ко мне интерес, отошел к заднему релингу и стал смотреть на идущий в кильватере патрульный катер.

– Чабби, – шепнул я, – Артиллерийский пролом. Ты как-то говорил, что между островом и рифом есть проход.

– Во время прилива, на вельботе, для умелого человека с крепкими нервами, – согласился он. – Я ходил там, когда был безмозглым ребенком.

– Через три часа прилив. Сумею провести там «Танцующую»? – спросил я.

– Господи! – молвил Чабби, изменившись в лице, повернулся и с недоверием уставился на меня.

– Сумею? – шепотом настаивал я.

Он громко цыкнул зубом, посмотрел на небо и потер щетиный подбородок. Пришел к какому-то выводу и сплюнул за борт.

– Ты, Гарри, сумеешь. Но только ты. Из всех, кого я знаю.

– Говори маршрут, Чабби, и побыстрее.

– Давно это было, но... – И он в общих чертах описал полосу воды между рифом и островом. – Там три излучины: налево, направо и опять налево, а потом узкая горловина, мозговик по обе стороны... «Танцующая» протиснется, но оставит на нем немного краски. Потом будет громадная заводь – промоина за главным рифом. Хватит места, чтобы развернуться и подождать правильной воды, а потом выйти через пролом в открытое море.

– Спасибо, Чабби, – шепнул я. – Теперь ступай вниз. Я показал охранникам, где у нас запасы виски. К тому времени как рвану к пролому, они перепьются до беспамятства. Как топну трижды по палубе, это сигнал, чтобы вы с Анджело забрали у них стволы и всех скрутили.

Солнце поднялось уже довольно высоко, и впереди, в каких-то нескольких милях, виднелся строенный силуэт Дедов, когда из каюты донесся первый взрыв пьяного смеха и треск ломающейся мебели. Дейли не обратил на эти звуки никакого внимания, и мы продолжили идти по тихим прибрежным водам к обратной стороне Артиллерийского рифа. Я уже видел его черный излом, похожий на зубы древней акулы, за ним – белые всплески высокого океанского прибоя, а дальше – открытое море.

На подходе к рифу я чуть-чуть приоткрыл заслонки, и пульсация моторов «Танцующей» изменилась, но не настолько, чтобы встревожить Дейли. Он стоял, прислонившись к релингу, усталый и небритый, и, наверное, тосковал по пропущенному завтраку. Я уже отчетливо слышал грохот прибоя о коралловую полосу. Судя по звуковому сопровождению, попойка в каюте набирала обороты. Наконец Дейли тоже обратил внимание на шум, беспрестанно доносившийся из-под палубы, нахмурился и послал охранника посмотреть, в чем дело. Тот, тоже заскучавший, расторопно исчез внизу, но так и не вернулся.

Я глянул за корму. Скорость наша слегка возросла, и разрыв между «Танцующей» и патрульным катером потихоньку увеличивался. Мы неуклонно приближались к рифу.

Теперь я с волнением смотрел вперед, пытаясь засечь ориентиры, о которых рассказал мне Чабби. Нежно коснулся заслонок, приоткрыл их еще на одно деление, и патрульный

катор остался чуть дальше за кормой.

Вдруг в тысяче ярдов от нас я узрел вход в лагуну за Артиллерийским рифом, отмеченный двумя выцветшими от непогоды коралловыми шпильями, и прочел цветовую разницу между ее мутноватыми водами и кристальной океанской волной.

Снизу донесся очередной буйный взрыв пронзительного хохота. Один из людей Дады, пьяно пошатываясь, выбрался в кокпит и доковылял до релинга, где его тут же обильно вытошнило в кильватер, ноги отказались держать его, и матрос повалился на палубу, где и остался.

Испустив гневный возглас, Дейли бросился вниз, и я, пользуясь случаем, приоткрыл заслонки еще на пару делений и взглянул вперед, собираясь с духом перед финальным рывком. Надо бы увеличить разрыв между «Танцующей» и ее конвоиром: в схватке с расчетом трехфунтовки пригодится каждый дюйм.

Я планировал поравняться с лагуной, а потом дать полный ход, предпочитая риск напороться на подводные коралловые клыки проверке меткости артиллеристов патрульного катера. Прежде чем выйти в открытое море, нам предстояло одолеть полмили узкого извилистого пути в обрамлении смертоносных берегов. Почти все время «Танцующая» будет отчасти скрыта коралловыми разрастаниями, а излучины лагуны добавят трудностей расчету трехфунтовки. Еще я надеялся, что входящие в пролом волны обеспечат нам ощути-

мую вертикальную качку и «Танцующая» запрыгает вверх-вниз самым хаотичным образом, наподобие уточки в стрелковом тире.

В одном я был уверен: капитан-лейтенант Сулейман Дада – мореход, известный своим бесстрашием, – не рискнет преследовать нас в этой лагуне, и орудийный наводчик вынужден будет состязаться с быстро растущим расстоянием до цели.

Игнорируя алкогольное буйство в каюте, я не сводил глаз со входа в лагуну, который стремительно приближался, и отчаянно надеялся, что присущее капитану и команде патрульного катера искусство судовождения окажется достоверным мериллом их меткости.

Вдруг розовый от гнева Питер Дейли взмыл на мостик, подскочил ко мне, шелковистые усы его сделали попытку ощетиниться, а губы задрожали, и он наконец выговорил:

– Ты их опоил, Флетчер, сволочь ты коварная!

– Я?! – негодуяще вскричал я. – Ни в жизнь бы так не поступил!

– Они пьяны как сапожники, все до единого! – крикнул он, развернулся и глянул за корму. Патрульный катер был уже в миле от нас, и разрыв увеличивался.

– Ты что-то задумал! – визгливо заявил Дейли и полез в карман шелкового пиджака в тот самый момент, когда мы поравнялись со входом в лагуну.

Я распахнул обе заслонки, и «Танцующая» с ревом бро-

силась вперед.

Все еще шаря в кармане, Дейли потерял равновесие и попятился, не переставая что-то кричать.

Я до упора крутанул штурвал вправо, и «Танцующая» закружилась, словно балерина. Дейли зашвыряло по палубе. Он крепко врезался в боковой релинг, когда «Танцующая» круто накренилась на повороте, и в тот же момент извлек из кармана серебристо-никелированный самозарядный пистолетик – «двадцать пятый», из тех, что принято носить в дамских сумочках.

Я на мгновение выпустил штурвал из рук, пригнулся, схватил Дейли за лодыжки, дернул вверх со словами: «Оставь нас, товарищ». Он перевалился через ограждение, пролетел двенадцать футов и, стукнувшись о релинг нижней палубы, с неопытным всплеском упал за борт.

Я метнулся к штурвалу, чтобы обуздать «Танцующую», пока она вконец не распустилась, и одновременно с тем трижды топнул по палубе.

Направляя катер в лагуну, я услышал в каюте протестующие возгласы и поморщился от автоматной очереди, напомнимшей мне треск рвущейся ткани, – «тр-р-р-р». Пули изуродовали палубу у меня за спиной, пробив в ней неровные дырки, окаймленные белыми деревянными заусеницами. Что ж, очередь хотя бы пришлась в потолок каюты, а посему вряд ли зацепила Анджело или Чабби.

Перед самым входом в коралловые ворота я бросил еще

один взгляд за корму. Патрульный катер по-прежнему тащился в миле от нас, а голова Дейли болталась во вспененном белом кильватере. Интересно, подумал я, кто доберется до него раньше: пограничники или акулы.

Но у меня не оставалось времени на праздные размышления: «Танцующая» безрассудно бросилась в лагуну, и сложность поставленной перед нею задачи повергла меня в ужас.

Перегнувшись через релинг, я мог бы коснуться разросшихся коралловых выходов – что справа, что слева, – а впереди видел зловещие очертания рифовых клыков, таившихся в неглубокой беспокойной воде. За долгий пробег по извилистой лагуне волны растратили почти всю свою свирепость, но чем дальше мы зайдем, тем воинственнее они станут набрасываться на «Танцующую», и ее отклик на штурвал будет все менее и менее предсказуемым.

Впереди показалась первая излучина. Я повернул штурвал, и «Танцующая» ловко вильнула задом, едва избежав столкновения с грозной коралловой стеной.

Когда я выровнял катер и направил его вперед, на мостик влетел Чабби. Он улыбался до ушей. В таком настроении Чабби бывал лишь по двум причинам, и одна из них – добрая потасовка. Я заметил ссадину на костяшках его правой руки.

– Внизу все тихо, Гарри. Анджело за ними присмотрит. – Он огляделся. – А где полисмен?

– Купается. – Я сосредоточил внимание на лагуне. – Что с патрульным катером? Чем они заняты?

Чабби искал его глазами:

– Все тем же. Пока вроде не потонули... хотя... – голос его изменился, – ага, началось. Пушку заряжают.

Пока «Танцующая» шла по прямому участку лагуны, я рискнул бросить взгляд за спину и увидел, как дуло трехфунтовки изрыгнуло похожий на перышко длинный штрих белого кордитового дыма. Мгновением позже я услышал свист пролетевшего высоко над головой снаряда, а сразу за ним – выдохшийся отзвук выстрела.

– Готовься, Гарри, сейчас лево руля.

Когда мы вписались в следующую излучину, второй снаряд лег в полусотне ярдов от нас, подняв над мозговиком клуб сизого дыма и осыпав «Танцующую» градом осколков.

На выходе из поворота в кильватере разорвался третий снаряд. За кормой вырос изящный водяной столб – белый и высокий, гораздо выше мостика, – и порыв ветра осыпал нас брызгами.

Мы уже проделали половину пути, и навстречу нам неслись, гневаясь на оковы коралловых стен, злые шестифутовые волны.

Орудийный расчет патрульного катера действовал с опасным непостоянством. Следующий снаряд разорвался в пяти сотнях ярдов за кормой, а пятый пролетел между мною и Чабби, и нас хлестнуло воздушной волной, а меня еще и развернуло возмущенным потоком воздуха.

– Сейчас будет горловина! – встревоженно крикнул Чаб-

би, и я содрогнулся, увидев, насколько сузилась лагуна и как высоки ограждающие ее коралловые подпоры. Они доходили до самого мостика.

Невозможно было представить, что «Танцующая» протиснется в столь узкое отверстие.

– Ну, погнали, Чабби, скрести пальцы! – Я на полном ходу направил катер в бутылочное горлышко.

Чабби обеими руками вцепился в релинг, и я подумал, что ржавеющая сталь вот-вот прогнется под его хваткой.

Мы прошли уже полгорловины, когда со скрежетом врезались в риф. «Танцующая» накренилась и запнулась.

В этот момент у борта лег еще один снаряд, осыпав мостик кусочками коралла и гулкими стальными осколками, но я, не обратив внимания на взрыв, пытался вывести катер из бутылочного горлышка.

Отвернул от стены и услышал резкий скрежет по правому борту. На секунду мы накрепко застряли, а потом накатали очередная зеленая волна, приподняла нас, вырвала из коралловой пасты, и мы вышли из горловины: «Танцующая» снова помчалась вперед.

– Сбегай вниз, Чабби! – крикнул я. – Проверь, жив ли корпус!

Чабби посекло осколком, и с подбородка капала кровь, но он мигом соскользнул в кокпит.

«Танцующая» вышла на прямой и относительно безопасный отрезок пути, и у меня появилась возможность огля-

нуться на патрульный катер. Он почти скрылся за коралловой глыбой, но пушка по-прежнему стреляла – торопливо и куда придется. Похоже, катер лег в дрейф у входа в лагуну – наверное, чтобы подобрать Дейли, – и я понимал, что Дада уже не пустится в погоню: чтобы обойти Дедов с другой стороны, ему потребуется часа четыре.

Впереди показался последний поворот, и «Танцующая» вновь коснулась рифа, и мне показалось, что коралл царапнул не корпус катера, а мое сердце. Затем мы наконец вырвались в глубокую заводь с береговой стороны главного рифа: круглую, словно стадион, диаметром ярдов триста, огражденную коралловыми стенами и открытую исступленным волнам Индийского океана лишь со стороны Артиллерийского пролома.

У плеча возник Чабби:

– Цела-целехонька, Гарри. Ни единой пробоины.

Я мысленно заплодировал моей красавице.

Теперь мы впервые оказались как на ладони у артиллерийского расчета, находившегося в полумиле от нас по ту сторону рифа, – и я, развернувшись в заводи, ненароком подставил «Танцующую» бортом к линии огня. Словно почуяв последний шанс, трехфунтовка принялась осыпать нас снарядами.

Они падали в воду, вздымая высоченные фонтаны – слишком близко, не оставляя мне времени на размышления. Я снова развернул «Танцующую», направил ее на узкий про-

лом и позволил ей мчаться напрямик к пробоине в Артиллерийском рифе.

Доверился ей; но когда мы прошли точку невозврата, живот у меня скрутило от ужаса: стоило лишь взглянуть за проломом, в открытое море, и мне показалось, что впереди дыбится целый океан, готовый обрушиться на хрупкое суденышко, словно неукротимый монстр.

– Чабби, – глухо позвал я, – ты только глянь.

– Гарри... – прошептал он, – сейчас самое время помолиться.

Но «Танцующая» отважно шла навстречу обезумевшему голиафу океанских вод.

Он надвигался, шел в атаку, набычив чудовищные плечи, зеркальной зеленой стеной вздымался все выше и выше, издавая звук, похожий на шелест и треск пожара в сухой траве.

Поверху прошел еще один снаряд, но я едва заметил его, потому что «Танцующая», гордо задрав нос, принялась взбираться на громадную водяную гору.

Высокий бледно-зеленый гребень волны уже начал загибаться вперед, но «Танцующая» шла вверх плавно, будто на лифте.

Палуба круто накренилась, и мы, беспомощные, вцепились в релинг.

– Сейчас опрокинемся! – крикнул Чабби, когда катер встал на корму. – Брюхом кверху, брат!

– Иди сквозь волну! – воззвал я к «Танцующей». – Лети

на ту сторону!

И она, словно услышав меня, нырнула заостренным носом в изгиб волны за мгновение до того, как та всей массой обрушилась бы на нас и расплющила катер в лепешку.

Палубу обуял ревуший зеленый кошмар, накрыл толстым шестифутовым одеялом от носа до кормы, и «Танцующая» содрогнулась, как содрогаются от смертельного удара, но мы вдруг вырвались на обратную сторону волны, и под нами разверзлась зияющая бездна. Устремившись в эту лощину, «Танцующая» вошла в свободное падение, от которого мои внутренности подтянулись к макушке.

С тошнотворным грохотом она ударилась о воду и ошеломленно замерла, а нас с Чабби швырнуло на палубу. Но когда я снова выпрямился, катер, стряхнув с себя многотонные воды, метнулся навстречу следующей волне.

Та была меньше, и «Танцующая» легко взмыла на гребень.

– Так ее, радость моя! – вскричал я, и она, набрав скорость, одолела третью волну, как чистокровный верховой скакун одолевает преграду на стипль-чезе.

Где-то неподалеку разорвал небеса еще один снаряд, но мы уже вышли из пролома и мчались к бескрайнему океанскому горизонту, и других выстрелов я уже не слышал.

Охранника, который отключился в кокпите из-за чрезмерного увлечения шотландским виски, должно быть, смыло за борт, так как мы его больше не видели. Остальных тро-

их мы высадили на островке в тридцати милях к северу от Сент-Мэри, где, по моим сведениям, имелся колодец с солоноватой водой и куда время от времени заглядывали рыбаки с континента.

К тому времени они протрезвели и все как один мучились тяжелейшим похмельем. Помахав на прощанье трем жалким фигуркам на пляже, мы в сумерках отправились на юг и вползли в Гранд-Харбор уже затемно. Я пришвартовался подальше от Адмиралтейской пристани – мне не хотелось оставлять «Танцующую» на самом виду, где ее разверстые раны вмиг сделаются главной темой островных пересудов.

Чабби и Анджело отправились на берег в ялике, но я слишком устал для такого путешествия, а посему пренебрег ужином и завалился на двуспальную койку в капитанской каюте и спал как убитый, пока в девять утра меня не разбудила Джудит: Анджело прислал ее на катер с судком рыбных котлет и беконом.

– Чабби и Анджело пошли к миссис Эдди покупать материалы для ремонта вашей лодки, – сообщила она. – Скоро будут.

Я по-волчьи жадно проглотил завтрак, после чего отправился мыться и бриться. Когда вернулся, Джудит по-прежнему сидела на краешке койки. Очевидно, у нее имелся ко мне разговор.

Она пресекла мои неуклюжие попытки сделать перевязку, велела мне сесть и сама занялась моими ранами, а между

делом взволнованно осведомилась:

– Мистер Гарри, вы ведь не допустите, чтобы моего Анджело убили или бросили в тюрьму? Если такое будет продолжаться, я запрещаю ему выходить с вами в море.

– Отличная мысль, Джудит, – усмехнулся я. – Пусть лучше едет работать на Равано, а ты три года посидишь в одиночестве.

– Какой вы недобрый, мистер Гарри!

– Жизнь – недобрая штука, – смягчился я. – Мы с Анджело барахтаемся, как можем. Я вынужден рисковать – просто для того, чтобы «Танцующая» оставалась на плаву. И Анджело тоже. Он как-то сказал, что скопил денег, чтобы купить тебе милый домик рядом с церковью. Не работай он у меня, был бы сейчас гол как сокол.

Джудит молча закончила с перевязкой, а когда повернулась к выходу, я взял ее за руку и притянул к себе. Она смотрела в сторону, поэтому пришлось взять ее за подбородок и поднять ее лицо к своему. Она была милое дитя: гладкая шелковистая кожа и огромные, с поволокой глаза.

– Не забивай себе голову, Джудит. Анджело мне как младший брат. Я его в обиду не дам.

Какое-то время она изучала мое лицо, а потом спросила:

– Вы это серьезно?

– Серьезнее некуда.

– Я вам верю, – наконец заявила она, улыбнулась, и белоснежные зубы ее сверкнули, контрастируя с золотисто-ян-

тарной кожей. – И доверяю.

Женщины с завидным постоянством говорят мне такие слова. Ну и где, спрашивается, хваленая женская интуиция?

– Назовешь в мою честь одного из ваших ребяташек, поняла?

– Первенца, мистер Гарри. – Она сверкнула улыбкой, и черные глаза ее заискрились. – Обещаю.

– Говорят, если упал с коня, надо тут же вернуться в седло. Иначе раскиснешь и потеряешь хватку, мистер Гарри.

Фред Кокер восседал за столом туристического агентства. За спиной у него висел постер с бифитером на фоне Биг-Бена и надписью «Англия – это здорово!». Между нами только что завершилась продолжительная дискуссия насчет инспектора Питера Дейли и его предательского поведения, хотя я подозревал, что Фред Кокер озабочен гораздо меньше моего, поскольку комиссионные он получил авансом, и никто не брал его в плен, и уж тем более не издевался над его катером. Теперь же мы обсуждали дальнейшую судьбу нашего делового предприятия.

– Еще говорят, мистер Кокер, что голозадый не до жиру – быть бы живу, – сказал я.

Сверкнув очками, Кокер удовлетворенно кивнул:

– Эти слова, мистер Гарри, еще мудрее процитированных мною.

– Берусь за что угодно, мистер Кокер, – хоть тело, хоть

ящик, хоть чемодан. Но есть один нюанс: цена моей жизни выросла до десяти тысяч долларов, и деньги вперед.

– Даже с такими расценками мы найдем для тебя работу, – пообещал он, и до меня дошло, что все это время меня обдирали как липку.

– И поскорее, – настоятельно попросил я.

– Как можно скорее, – согласился он. – Тебе сопутствует удача. Вряд ли инспектор Дейли в скором времени вернется на Сент-Мэри, так что сэкономишь на взятках.

– Уж эту мелочь он мне точно задолжал, – кивнул я.

В последующие шесть недель я сделал три ночных заплыва, два тела и ящик, все к югу от реки, в португальских водах. Тела путешествовали поодиночке, молчаливые чернокожие люди в джунглевом камуфляже, и я отвез их далеко на юг. В уединенных бухтах эти агенты глубокого внедрения вброд выходили на берег, и я, провожая их взглядом, раздумывал, в чем заключается их нечестивая миссия и сколько смертей и страданий повлекут за собой эти секретные вылазки.

Ящиков по факту оказалось восемнадцать – все длинные, деревянные, с китайскими иероглифами. Мы забрали их в проливе с подводной лодки, а неподалеку от устья реки выгрузили в несколько выдолбленных из дерева челнов, сцепленных попарно для большей устойчивости. Мы ни с кем не заговаривали, и никто ни о чем нас не спрашивал.

Эти плевые дела принесли мне восемнадцать тысяч долларов – достаточно, чтобы мы с командой провели мертвый

сезон в том стиле, к которому привыкли. Что важнее, в паузах между ходками меня никто не дергал, раны мои затягивались, а силы возвращались. Поначалу я часами дремал или читал в гамаке под пальмами, а потом, когда почувствовал себя лучше, стал плавать, загорать, ловить рыбу, нырять за моллюсками и лангустами, и мышцы мои наконец пришли в форму, а кожа покрылась прежним загаром.

На теле осталось напоминание о хирургическом искусстве Макнаба – толстый неровный шрам с груди на спину, похожий на разъяренного багрового дракона. Я не мог поднять локоть выше плеча, а однажды в баре «Лорд Нельсон» Чабби избавил меня от пальмы первенства по армрестлингу. Я, однако, надеялся, что плавание и регулярная физическая нагрузка вернут руке былую мощь.

Вместе с силами ко мне вернулись любопытство и страсть к неизведанному. Мне начал сниться брезентовый сверток у берегов острова Большой Чайки. В одном из сновидений я нырнул, развернул его и увидел женскую фигурку – крошечную, размером с фарфоровую дрезденскую куколку, золотую русалку с очаровательной мордашкой сестры Мэй и поистине изумительным бюстом, а хвост ее в точности подходил на грациозный полумесяц марлиньего хвоста. Русалочка, застенчиво улыбнувшись, протянула мне руку с блестящим серебряным шиллингом на ладони.

«Марлин, деньги и секс, – подумал я, проснувшись, – старый добрый Гарри без лишних тараканов в голове, лакомый

кусок для дедушки Фрейда». И понял, что в самом скором времени отправлюсь к острову Большой Чайки.

На закате сезона я наконец уломал Фреда Кокера устроить мне чисто рыбацкую фрахтовку, и она скисла, как скисает дешевое вино: меня наняли двое обрюзгших немцев, промышленников с лишним весом и толстухами-женами, изнемогавшими под гнетом бриллиантов. Я пахал как проклятый и вывел обоих клиентов на рыбу.

В первый раз это был хороший черный марлин, но рыбак поторопился поджать фрикционный тормоз и застопорил катушку, когда рыба, не истратив сил, еще тянула как сумасшедшая – так, что оторвала толстый немецкий зад от рыбацкого кресла. Прежде чем я успел разблокировать катушку, фибергласовое удилище сломалось о планшир, будто спичка, – а оно, между прочим, обошлось мне в триста долларов.

Второй, упустив двух достойных рыбин, три часа пыхтел и потел над детенышем синего марлина. Когда наконец вывел его под багор, я с трудом заставил себя вонзить сталь в рыбу грудь, и мне было так стыдно, что я даже не стал подвешивать трофей на Адмиралтейской. Фотографии мы сделали на борту «Танцующей», и я тайком доставил добычу на берег, завернув ее в парусину: мне, как и Фреду Кокеру, тоже необходимо следить за репутацией. Немецкий промышленник, однако, остался в таком восторге от своего мастерства, что сунул мне в алчную лапу пятьсот премиальных долларов.

Я же соврал на всю тысячу, сообщив ему, что этот марлин – само великолепие, потому что всегда стараюсь отрабатывать свой гонорар. Ну а затем южный ветер сменился северным, температура воды в проливе упала на четыре градуса, и рыба ушла. Десять дней мы ходили охотиться на север, но все закончилось: очередной сезон остался позади.

Мы сняли и почистили рыбацкое хозяйство, покрыли его толстым слоем смазки и убрали на хранение. Я отогнал «Танцующую» на сухую стоянку у станции «Шелл», где мы отмыли корпус и сменили временные заплатки на повреждениях, полученных у Артиллерийского рифа, покрасили его до блеска, а когда моя красавица вновь засверкала и заискрилась, спустили ее на воду и поставили на прикол, после чего сонными мухами взялись за надводную часть: сняли лак, зашкурили, вновь покрыли лаком и проверили электросистему – где-то перепаяли контакт, а где-то заменили проводку.

Я никуда не спешил. Следующие клиенты – экспедиция морских биологов из канадского университета – прибывали только через три недели.

Тем временем днем стало прохладнее, и ко мне вернулось старое доброе здоровье – что душевное, что физическое. Я ужинал в резиденции губернатора – иной раз каждую неделю, и меня всегда заставляли повторить рассказ о перестрелке с Мейтерсоном и Гаттри. Президент Бидль, заучивший эту историю наизусть, поправлял меня, когда я забывал ту или иную подробность, а в конце неизменно восклицал: «По-

кажите нам шрам, мистер Гарри!» – и мне приходилось растегивать накрахмаленную сорочку прямо за накрытым столом.

Дни проходили в приятной праздности. Островная жизнь мирно шествовала мимо. Питер Дейли так и не вернулся на Сент-Мэри. Через полтора месяца Уолли Эндрюса повысили до исполняющего обязанности инспектора и начальника полицейских сил, и он, вступив в должность, первым делом вернул мне автомат.

Пряности этим спокойным временам добавлял мой потаенный приключенческий зуд. Я знал, что однажды, причем совсем скоро, вернусь к острову Большой Чайки и незаконченному делу, ожидавшему меня на прозрачном мелководье, и поддразнивал себя этим знанием.

Однажды в пятницу вечером мы с командой собрались в баре «Лорд Нельсон», чтобы подбить итоги трудовой недели. С нами была Джудит, сменившая ту ораву, что обычно окружала Анджело по пятничным вечерам. Общение с Джудит шло Анджело на пользу, и он уже не допивался до свинского состояния.

Мы же с Чабби только что затагнули первый за вечер дуэт и держались в пределах нескольких тактов друг от друга, когда на соседний стул скользнула Мэрион.

Одной рукой я обнял ее за плечи, а другой держал кружку у ее губ, пока она жадно пила, но из-за этой помехи еще сильнее обогнал Чабби в нашей с ним песне.

Мэрион работала в «Хилтоне» на коммутаторе. Милая кроха с привлекательным курносым личиком, волосы прямые, черные и очень длинные. Это на ней Майк Гаттри оттачивал недавно свое боксерское мастерство.

Когда мы с Чабби кое-как добрались до конца припева, Мэрион сообщила:

– Мистер Гарри, вас спрашивает какая-то дама.

– Что за дама?

– В отеле, одна из гостей, прилетела утренним самолетом.

И имя ваше знает, и все остальное. Хочет с вами встретиться.

Я пообещала, что вечером найду вас и все расскажу.

– Как она выглядит? – не без интереса спросил я.

– Красивая, мистер Гарри. Настоящая леди.

– Мой типаж, – согласился я и заказал пинту для Мэрион.

– Вы разве не пойдете к ней прямо сейчас?

– Когда ты рядом, Мэрион, все красавицы на свете подождают до утра.

– Ох, мистер Гарри, вы сущий дьявол! – хихикнула она и придвинулась ближе.

– Гарри, – подал голос Чабби с другой стороны стола, – я тебе сейчас такое скажу, чего никогда еще не говорил. – Надолго приложился к кружке и продолжил, а глаза его утопали в сентиментальных слезах. – Уважаю я тебя, Гарри. Люблю сильнее, чем брата родного люблю.

Я пришел в «Хилтон» за пару минут до полудня. Мэри-

он, не сняв с шеи наушников, выбежала мне навстречу из каморки за администраторской стойкой и указала в другую сторону огромного фойе, выдержанного в псевдогавайском стиле.

– Она ждет вас на террасе. Леди в желтом бикини, блондинка.

Леди читала журнал в раскладном пляжном шезлонге, лежа на животе – соответственно, ко мне спиной, – и сперва я увидел лишь густую копну блестящих волос, взбитых львиной гривой и ниспадающих глянцевым золотым каскадом.

Услышав мои шаги, она посмотрела по сторонам, сдвинула на лоб солнечные очки, встала передо мной, и я понял, что дамочка совсем крохотная, мне по грудь. Столь же миниатюрное бикини являло взору гладкий плоский живот с глубоким пупком, крепкие и слегка загорелые плечи, аккуратную грудь и приятную талию. Очаровательные ножки оканчивались маленькими стопами в открытых сандалиях, а ногти были окрашены в ярко-красный цвет, под стать длинным ногтям на руках. Она пригладила волосы, и я заметил, что кисти у нее тоже маленькие и очень красивые.

На лице серьезный макияж, но нанесенный с редким мастерством: кожа светится перламутром, губы едва подкрашены, на щеках вполне уместный румянец. Длинные черные искусственные ресницы, веки подведены так, чтобы глаза приобрели экзотический восточный колорит...

«Гарри, дёрну!» – истошно завопил внутренний голос, и я

чуть было не послушался. Мне неплохо знакомы подобные леди, я не раз встречал на жизненном пути таких представительниц кошачьего племени и в подтверждение своих слов могу предъявить шрамы – что на душе, что на теле. Однако всем известно, что если уж Старина Гарри спустил портки, то начатого не бросит.

Поэтому я отважно шагнул вперед, прищурился и изогнул губы в улыбке парнишки-хулигана, которая обычно действует на этих дамочек, словно динамит, и представился:

– Здравствуйте, я Гарри Флетчер.

Она рассмотрела меня, начав с ботинок и закончив шестью футами четырьмя дюймами выше. Потом задержала задумчивый взгляд на моем лице, надула нижнюю губку и ответила хриплым, еле слышным и тщательно отрепетированным голосом:

– Здравствуйте. Я Шерри Норт, сестра Джимми Норта.

Вечером мы расположились у меня на веранде. Жара спала, а над пальмами вспыхивала и тускнела завораживающая пиротехника заката.

Шерри Норт пила «Пиммс № 1» со льдом и фруктами – мой особый коктейль, предназначенный для соблазнения дам. На ней была туника из какой-то воздушной материи, сквозь которую, когда она стояла у перил спиной к закатам, просвечивали призрачные очертания ее тела. Я никак не мог понять, есть ли под туникой что-нибудь еще. Эти раз-

мышления – да позвякивание льда в ее бокале – мешали мне сосредоточиться на письме, представленном среди прочих рекомендаций: письме от Джимми Норта, написанном за несколько дней до его смерти. Я узнал и почерк, и построение фраз, характерное для этого неглупого и энергичного парня. Совладав с собой, я углубился в чтение, позабыл о госте и растворился в воспоминаниях. Письмо оказалось длинное, переполненное эмоциями, словно адресованное близкому другу, с завуалированными отсылками к предприятию Джимми и его успешной развязке, с монологами о будущем, где не будет ничего, кроме богатства, веселья и других приятных вещей.

Меня кольнуло чувство личной утраты и горестного сожаления о мальчишке в его одинокой могиле на дне морском и об утраченных мечтах, что гниющими водорослями обвили его труп.

Вдруг в глаза бросилось мое собственное имя: «Шерри, он просто не может не понравиться. Дюжий, нестигаемый, весь в шрамах, как старый котяра, обожающий по ночам подражаться в переулке. Но клянусь, под этой шкурой скрывается мягкое сердце. По-моему, я ему симпатичен. Он даже дал мне пару отцовских советов!..»

Дальше в том же ключе, и я так сконфузился и разволновался, что в горле пересохло, и пришлось сделать глоток виски, от которого у меня заслезились глаза, и слова стали расплываться в разные стороны. Но я все же дочитал пись-

мо, сложил его и передал Шерри, а потом ушел в другой конец веранды, где какое-то время стоял и рассматривал залив. Солнце скользнуло за горизонт, и в мире воцарилась зябкая тьма.

Я вернулся, зажег фонарь и подвесил его повыше, чтобы яркий свет не бил в глаза. Она молча смотрела, как я наливаю себе следующий скотч и устраиваюсь в кресле с тростниковой спинкой.

– Ну хорошо, – начал я, – вы сестра Джимми. Приехали на Сент-Мэри, чтобы повидаться со мной. Зачем?

– Он вам понравился, верно? – Она отошла от перил и села рядом.

– Мне многие нравятся. Это моя слабость.

– Он умер... то есть погиб именно так, как пишут в газетах?

– Да, – ответил я. – Именно так.

– И ни разу не сказал, зачем они сюда явились?

– Все трое вели себя очень скрытно, – покачал головой я, – а вопросов я не задавал.

Она замолчала, запустила в бокал длинные пальцы, подцепила клиновидными ногтями ломтик ананаса и стала мелкими белыми зубами откусывать от него крошечные кусочки, а после каждого кусочка облизывала губы остроконечным розовым языком, похожим на кошачий.

– Джимми доверял вам, вы ему нравились, и еще мне кажется, что вы знаете больше, чем говорите, и мне нужна ваша

помощь... Поэтому я вам кое-что расскажу. Вы не против?

– Обожаю, когда мне кое-что рассказывают, – признался я.

– Знаете, что такое «Кузнечик»? – спросила она.

– Ну да. Насекомое.

– А еще кодовое название экспериментального самолета ВМС США – всепогодного штурмовика с вертикальным взлетом.

– Ах да, точно. Читал статью в журнале «Тайм». В сенате были какие-то разногласия. Подробности не помню.

– Неприятие вызвала стоимость разработки. Пятьдесят миллионов.

– Да, припоминаю.

– Два года назад – если точнее, шестнадцатого августа – опытный образец «Кузнечика» взлетел с базы ВВС на острове Равано в Индийском океане с четырьмя «косатками» на борту. «Косатки» – это ракеты класса «воздух – земля». Все четыре были оснащены тактическими ядерными боеголовками.

– Хм... Посылочка с сюрпризом.

Она кивнула:

– «Косатки» – ракеты совершенно новой концепции, предназначенные для уничтожения подводных лодок, что на поверхности, что под водой. Способны потопить авианосец, а после соответствующей настройки – грубо говоря, «воздух – вода» – могут погрузиться в толщу океана хоть на тысячу

фатомов, выследить и поразить вражескую субмарину.

– Ого! – Разговор принял впечатляющий оборот, поэтому я глотнул еще немного виски.

– Помните этот день? Два года назад? Шестнадцатое августа? Где вы были, здесь?

– Здесь, но с тех пор много времени прошло. Освежите мне память.

– Циклон «Синтия», – сказала она.

– Господи, ну конечно.

Он пронесся над островом со скоростью сто пятьдесят миль в час, сорвал крышу с моей хибары и едва не потопил «Танцующую», пришвартованную в Гранд-Харборе. В здешних краях такие циклоны – не редкость.

– «Кузнечик» взлетел с Равано за несколько минут до того, как ударил тайфун. Двенадцатью минутами позже пилот катапультировался, а самолет упал в океан с четырьмя ядерными ракетами и «черным ящиком» на борту. Тайфун вывел из строя радар на Равано, и полет не отслеживали.

Наконец-то во всей этой истории начал проступать хоть какой-то смысл.

– А Джимми? Он-то здесь каким боком?

– Погодите, – раздраженно всплеснула руками она и продолжила: – Вы хоть представляете, какова стоимость этих ракет на вольном рынке?

– Думаю, ее назначает сам продавец. Сколько скажет, столько и заплатят. Плюс-минус пара миллионов долларов. –

Тут же сделал стойку серый волк по имени Гарри – благодаря недавним ночным заплывам он набрался сил.

Шерри кивнула:

– «Кузнечиком» управлял летчик-испытатель, командер ВМС США по имени Уильям Брайс. На высоте пятьдесят тысяч футов, когда самолет вошел в тайфун, случился частичный отказ управления. Добросовестный офицер всеми силами старался спасти машину, но на высоте пятьсот футов понял, что это невозможно. Катапультировался и видел, как самолет ушел под воду.

Она тщательно выговаривала сугубо технические, а потому непривычные для женщины слова. Я был уверен, что она все это заучила. Но кто ей помог? Джимми или кто-то еще?

Слушай и запоминай, Гарри, велел себе я.

– Следующие три дня Билли Брайс провел на резиновом плотике посреди бушующего океана, а потом его подобрал спасательный вертолет с Равано. У командера имелось предостаточно времени на размышления, и в том числе он думал о стоимости ракет. Думал и сравнивал ее со своим жалованьем. Выступая перед следственной комиссией, Брайс не стал упоминать того факта, что «Кузнечик» утонул неподалеку от суши и что он хорошенько запомнил береговую линию, прежде чем тайфун унес его в открытое море.

Я не видел в ее рассказе слабых мест. Он был вполне правдоподобный – и очень увлекательный.

– Следствие вынесло вердикт «ошибка пилота», тем са-

мым поставив крест на карьере Брайса, и он ушел в отставку. Решил самостоятельно заработать пенсионный аннуитет, а заодно обелить свою репутацию: сделать так, чтобы ВМС США выкупили «косаток» и приняли показания бортового самописца.

Я собрался было задать вопрос, но Шерри снова подняла руки – мол, погодите. Ей не хотелось прерывать декламацию.

– Джимми выполнял кое-какие работы для ВМС. Инспектировал корпус одного из авианосцев. Тогда-то он и познакомился с Брайсом. Они подружились, поэтому Билли Брайс, естественно, пришел со своим планом к Джимми. Их общего капитала оказалось недостаточно для снаряжения экспедиции, и они решили найти спонсоров. О подобных затеях не дают объявлений в газете «Таймс», и поиски затянулись, но тут Билли Брайс разбился в своем «тандерберде» на трассе М-четыре неподалеку от поворота на Хитроу.

– Похоже, на этих «косатках» лежит проклятие, – заметил я.

– Вы суеверны, Гарри? – Она взглянула на меня раскосыми тигриными очами.

– Предпочитаю не нарываться, – признался я.

А она кивнула, подшивая эту информацию к делу, и продолжила:

– Итак, Билли погиб, а Джимми продолжил заниматься этим проектом в одиночку. Нашел спонсоров. Кого именно – не сказал, но я догадалась, что это весьма неприятные люди.

Прилетел сюда с ними, а остальное вам известно.

– Остальное мне известно, – согласился я и машинально помассировал толстый шрам сквозь шелк рубашки. – Кроме, разумеется, места, где упал «Кузнечик».

Мы уставились друг на друга.

– Он не сказал вам, где утонул самолет? – спросил я.

Она помотала головой.

– Ну что ж, история любопытная. – усмехнулся я. – Жаль, мы не можем проверить, правда это или нет.

Она вскочила и метнулась к перилам веранды. Обхватила себя руками, а будь у нее хвост, захлестала бы им по бедрам, как разгневанная львица.

Я дал ей время прийти в себя. Наконец настал тот момент, когда она пожала плечами, обернулась ко мне и напряженно улыбнулась:

– Вот именно! Я решила, что мне причитается часть этих денег. Джимми был мне братом, вы ему нравились, он вам доверял, и поэтому я проделала долгий путь, чтобы найти вас. Но если хотите забрать все себе... что ж, не вижу способа вам помешать.

Она тряхнула головой, и в свете фонаря волосы ее пошли блестящей рябью.

– Пожалуй, отвезу вас домой. – Я встал и коснулся ее запястья. Она же сцепила пальцы обеих рук на густых курчавых волосах, что растут у меня на загривке, прошептала: «До дома далеко» – и, притянув мое лицо к своему, привстала на

цыпочки.

Губы у нее оказались мягкие и влажные, а язык – сильный и неугомонный. Через какое-то время она отпрянула и улыбнулась, взгляд ее расфокусировался, а дыхание стало поверхностным и быстрым.

– Быть может, я все-таки приехала не зря?

Я взял ее на руки. Она оказалась легкой, как дитя, обняла меня за шею и прижалась щекой к моей щеке, и я унес ее в дом. Давным-давно я понял, что, если зовут за стол, грех отказываться: мало ли, вдруг завтра начнется голод?

Свет – даже самый первый и тусклый луч зари – не пощадил ее. Она раскинулась под москитной сеткой на двуспальной кровати, макияж размазался и засох, и еще она спала с открытым ртом. Блондинистая грива превратилась в клубок спутанной пряжи, а треугольник густой поросли на лобке оказался не светлым, а темным. Тем утром она была мне противна, потому что этой ночью я узнал, что мисс Норт – конченная садистка.

Я выскользнул из постели и несколько секунд постоял рядом, тщетно пытаюсь отыскать на лице спящей Шерри сходство с Джимми Нортом. Потом бросил эту затею, вышел голый из хижины и отправился на пляж.

Был прилив. Я плюхнулся в прохладную чистую воду и поплыл к устью залива – быстро, энергичным австралийским кролем, – а соленая вода покусывала глубокие царапины на спине.

Тем утром мне повезло, и за рифом ждали старые друзья: стая крупных афалин. Они бросились мне навстречу, то выпрыгивая из воды, то рассекая высокими плавниками темные волны. Окружили меня, посвистывая и пофыркивая, и дышала у них на макушках заглатывали воздух, словно крошечные рты, а на громадных мордах застыли идиотские довольные улыбки.

Минут десять они дразнились, а потом здоровенный самец позволил ухватиться за его спинной плавник и потащил меня за собой. Потрясающее ощущение, как будто несешься на санях, а вокруг неудержимо пенится океан. Он увез меня на полмили от берега, а потом силы вод сорвали меня с его спины.

Назад плыл долго, потому что дельфин кружил рядом и время от времени дружелюбно подталкивал меня в ягодицу, приглашая на борт для новой морской прогулки. Возле рифа афалины попрощались со мной, просвистев что-то на своем языке, и на берег я выбрел совершенно счастливым. Рука побаливала, но по-хорошему: давала понять, что я выздоравливаю и набираюсь сил.

Постель оказалась пуста, а дверь ванной заперта на крючок. Наверное, мисс Норт взяла мой станок и бреет подмышки, подумал я и тут же ощутил вспышку раздражения: старый пес вроде меня терпеть не может, когда нарушают его привычный распорядок. Ушел в гостевой душ, смыл с тела соль, и под струями горячей воды недовольство мое по-

уменьшилось. Посвежевший, но небритый и голодный, как питон, я отправился на кухню, где жарил окорок с ананасами и намазывал маслом толстые ломти подсушенного хлеба, когда ко мне присоединилась Шерри.

Вновь безупречная. Должно быть, в сумочке фирмы «Гуччи» она держала целый косметический магазин. Волосы, как и вчера, уложены в ниспадающую львиную гриву и залиты лаком.

– Доброе утро, любовь моя, – сверкнула улыбкой она, подошла и долго целовала меня в губы.

Ко мне уже вернулась благорасположенность к миру и его созданиям, и я больше не чувствовал отвращения к этой ослепительной женщине. Благодаря дельфинам я снова был счастлив, и веселье мое, по всей видимости, оказалось заразным, потому что за едой мы много смеялись, а потом я вынес на веранду кофейник.

– Когда мы найдем «Кузнечик»? – вдруг спросила она.

Я, не отвечая, налил еще одну кружку крепкого черного кофе. Похоже, Шерри Норт решила, что после проведенной с нею ночи я стал ее рабом на всю оставшуюся жизнь. Насчет женщин я не специалист, но кое-какой опыт у меня имеется – скажем так, девственником я бы себя не назвал, – и мне не казалось, что чары Шерри Норт стоят четырех «косаток» и бортового самописца засекреченного штурмовика. Поэтому я осторожно ответил:

– Как только покажешь, где искать.

Женщины издревле считают, что, если импозантный мужчина искусно доставил им удовольствие, он должен за это заплатить. Это распространенное заблуждение. Лично я уверен, что все должно быть наоборот.

Она подошла, взяла меня за руку, и тигриные глаза вдруг сделались огромными, а взгляд – вкрадчивым и задушевым.

– После вчерашней ночи, – хрипло прошептала она, – я поняла, что у нас большое будущее, Гарри. У тебя и у меня, вместе.

Я же несколько часов пролежал без сна и пришел к некоторым выводам. Что бы ни находилось в свертке, это не самолет. Наверное, какая-то малая его часть, дающая понять, к какому целому она относится. Почти наверняка это не самописец. Джимми Норту просто не хватило бы времени извлечь из фюзеляжа «черный ящик», даже если бы он знал, где находится эта штукавина, и имел бы под рукой необходимые инструменты. И не одна из ракет. У свертка не тот размер и не та форма. В нем невысокий круглый предмет, созданный без оглядки на аэродинамику.

Следовательно, в брезенте скрывается что-то относительно безобидное. Если возьму с собой Шерри Норт и подниму свертки на поверхность, разыграю с руки одну из младших карт, хотя выглядеть она будет как сильный козырь.

Не стану ни о чем рассказывать: ни о месте крушения у Артиллерийского рифа, ни о связанных с ним ценных пред-

метах.

К тому же всегда полезно пошарить в бурьяне и посмотреть, что из него выползет. Будет весьма поучительно взглянуть на реакцию мадемуазель Норт, когда она сочтет, что ей известно, где затонул «Кузнечик».

– Гарри, – вновь прошептала она. – Прошу... – Придвинулась. – Неужели ты мне не веришь? Со мной такое впервые! Как только увидела тебя... сразу поняла...

Я, отвлекшись от своих выкладок, тоже подсел к ней и сделал вид, что меня, рубаху-парня, обуревают похоть.

– Дорогая, – начал я, подавился собственным голосом, заключил ее в крепкие медвежьи объятия и почувствовал, как она напряглась от недовольства, когда я размазал помаду и взъерошил педантично уложенную прическу. Заметно было, каких усилий ей стоило ответить мне с аналогичной страстью.

– Ты тоже это чувствуешь? – донесся из глубины объятий приглушенный моими грудными мышцами вопрос.

Только для того, чтобы развлечь себя и полюбоваться ее лицедейством, я снова взял ее на руки и утащил на затхлую неприбранную кровать, где хрипло забормотал:

– Сейчас увидишь, что я чувствую...

– Дорогой, погоди! – отчаянно возразила она.

– Почему это?

– У нас много дел. Позже будет время... Сколько угодно времени.

Я с деланой неохотой отпустил ее, но на самом деле был очень рад, потому что после огромного куска ветчины и трех чашек кофе в постели у меня непременно разыгралась бы изжога.

«Танцующая» вышла из Гранд-Харбора в самом начале первого и сразу направилась на юго-восток. Команде было велено провести день на берегу: я сказал, что рыбачить не планирую.

Чабби бросил взгляд на Шерри Норт – та раскинулась в бикини на палубе кокпита – и уклончиво нахмурился, но Анджело выразительно закатил глаза и с неподражаемой интонацией спросил:

– Круиз любви и страсти?

– Скотина ты, и мысли у тебя скотские, – пожурил его я, а он радостно засмеялся, словно я отпустил ему изысканнейший комплимент, после чего оба ушли в город.

«Танцующая» без приключений пробиралась по ожерелью островов и атоллов, а в начале четвертого я вышел в глубоководный пролив между островами чаек – Большой и Малой – и свернул на открытое мелководье между восточным берегом Большой Чайки и синевой Мозамбикского пролива.

Ветра было ровно столько, чтобы сделать день приятно-прохладным и покрыть воду хлопьями белой ряби.

Осторожно маневрируя и посматривая на остров, я привел «Танцующую» на место, сверился с ориентирами и по-

двинул катер чуть дальше – с поправкой на ветер, – после чего выключил двигатели и метнулся на переднюю палубу бросить якорь.

«Танцующая» развернулась и встала на нужном месте – как и полагается благовоспитанной даме.

Шерри следила за моими телодвижениями непроницаемым кошачьим взглядом.

– Здесь?

– Здесь. – Рискуя переиграть с ролью влюбленного пентюха, я показал ей ориентиры. – Видишь вон те две пальмы, наклонились которые? И вон ту, справа, на горизонте? Проведи между ними воображаемую черту.

Она молча кивнула, и у меня вновь сложилось впечатление, что эта информация аккуратно подшита к делу.

– И что теперь?

– Здесь нырял Джимми, – объяснил я. – А вернулся на борт в сильнейшем волнении. Стал секретничать с остальными двумя – Мейтерсоном и Гаттри, – и они тоже разволновались. Джимми нырнул снова, с веревкой и куском брезента. Долго был под водой, а когда вынырнул, началась стрельба.

– Да-да, – с готовностью кивнула она. Похоже, упоминание о гибели брата ее не тронуло. – Теперь пора уплывать, пока нас не увидели.

– Уплывать? – Я взглянул на нее. – Я думал, мы собираемся посмотреть, что там.

Она поняла свою ошибку:

– Надо организовать все как следует и вернуться во всеоружии, когда договоримся насчет подъема и транспортировки...

– Любимая, – с ухмылкой перебил я, – я тащился сюда не для того, чтобы уйти, не глянув хотя бы одним глазком.

– Думаю, не стоит, Гарри! – крикнула она мне вслед, но я уже открывал машинный люк. – Давай вернемся в следующий раз! – не унималась она, но я уже спустился к стойке с воздушными баллонами и взял с нее дрэгеровскую⁵ сдвойку.

Я приладил запорный клапан и присосался к резиновому мундштуку, чтобы проверить уплотнитель.

Бросив взгляд на люк, я убедился, что Шерри за мной не подсматривает, и дернул потайной рубильник электросистемы. Теперь никто не сможет завести «Танцующую», пока меня не будет на борту.

Я поднялся, вышел в кокпит и свесил за корму трапик для спуска в воду. Потом, облачившись в неопреновый гидрокостюм без рукавов, но с капюшоном, нацепил утяжеляющий пояс, повесил нож, надел ласты и панорамную маску «Немрод».

Закинув за спину баллоны, я взял бухту тонкого нейлонового троса и прицепил ее к поясу.

– Что будет, если ты не вернешься? – впервые насторожилась Шерри. – В смысле, что будет со мной?

---

⁵ «Дрэгер» – немецкая компания по производству медицинского оборудования, техники для охраны труда и промышленной безопасности.

– Иссохнешь от тоски и умрешь, – объяснил я и отправился в воду: не эффектно кувырнувшись за борт спиной вперед, но чинно спустившись по лестнице, что больше подходит моему возрасту.

Вода была прозрачной, как горный воздух, и я, погружаясь, видел дно в мельчайших подробностях, хотя до него оставалось пятьдесят футов.

В пятнах солнечного света коралловый ландшафт переливался небывалыми цветами и оттенками. Я опускался ниже, оставляя позади все возрастающую толщу воды. Рельефные очертания смягчились, смазались и наконец зарябили мерцающими самоцветами мириад тропических рыб: вымоины и высокие коралловые башни, а между ними целые поля взморника и полосы ослепительно-белого кораллового песка.

Ориентиры я тогда заметил на удивление верно, хотя уже терял сознание от кровопотери: якорь «Танцующей» едва не задел брезентовый сверток. Тот покоился на одной из покрытых коралловым песком проплешин, похожий на неведомое морское чудище: зеленый, приземистый, свободные концы веревок шевелятся в воде, будто щупальца.

Я присел рядом, и орды крошечных рыбок в зебристую черно-золотую полосу собрались вокруг в таком количестве, что какое-то время я разгонял их, выдувая пузыри и страшно размахивая руками, и только после этого сумел приступить к делу.

Отцепил от пояса нейлоновый трос, несколькими полустыками крепко привязал один конец к свертку и стал медленно подниматься, не забывая стравливать линь. Вынырнув в тридцати футах за кормой «Танцующей», я подплыл к лестнице, взобрался на кокпит и привязал второй конец троса к подлокотнику рыбацкого кресла.

– Что нашел? – взволнованно спросила Шерри.

– Пока не знаю, – ответил я.

Я устоял перед искушением вскрыть сверток на дне. Хотел полюбоваться на выражение ее лица, когда буду разворачивать брезент. Решил, что оно того стоит.

Снял акваланг, гидрокостюм и, прополоскав все в чистой воде, аккуратно убрал на место. Мне хотелось подольше пощекотать ей нервишки.

– Черт возьми, Гарри, ну давай уже поднимать! – наконец, взорвалась она.

В тот, первый раз мне, бессильному, показалось, что сверток тяжелее всего мироздания. Теперь же я встал у планшира, собрался с силами и начал выбирать линь. Да, вещица оказалась увесистой, но не до невозможности. Я сматывал мокрый трос, работая запястьями на манер ловцов тунца.

Промокший зеленый брезент, исходя каскадами воды, вырвался на поверхность. Я перегнулся через борт, ухватился за узловатую веревку и рывком вытащил сверток из океана – он по-металлически грузно звякнул о деревянную палубу кокпита.

– Открывай! – нетерпеливо скомандовала Шерри.

– Слушаюсь, мэ, – отозвался я, вытащил из поясных ножен бритвенно-острый разделочный нож и рассек веревки, потратив на каждую не больше одного движения.

Отбросил в сторону задубелый складчатый брезент, и Шерри энергично подалась вперед. Я следил за ее лицом. Она узнала этот предмет, узнала раньше меня, и алчный уголек вспыхнул пламенем торжества, но ликование тут же скрылось за пеленой нерешительности: дескать, ничего не понимаю...

Отлично сыграно. Она была талантливой актрисой. Не будь я внимателен, непременно пропустил бы столь быстро-течную смену эмоций.

Я опустил глаза на непритязательный предмет, уже ставший причиной трех смертей и одного тяжелого ранения, – удивился и озадачился, и на меня нахлынуло горькое разочарование, – я ожидал увидеть что угодно, но только не это.

Нижняя половина предмета оказалась изъедена, словно ее обработали пескоструйным аппаратом, выставив напоказ глубоко травленную яркую бронзу, а верхняя осталась нетронута, но сильно потускнела от толстослойного налета зеленоватой патины – вся, кроме проушины для цепи, под которой из-под ржавчины отчетливо проступал образ геральдического нашлемника или его части, а также буквы девиза, исполненные в пышном старомодном стиле. Фрагментарная надпись почти целиком ушла под ломаную линию,

ниже которой сохранился лишь яркий изъеденный металл.

Это была массивная бронзовая рында, цельнолитой судовой колокол, весивший, наверное, под сотню фунтов, с рифленным куполом головы и широким конусом устья.

Я с любопытством перевернул его. Язык сильно проржавел, а вся внутренняя поверхность была инкрустирована морскими уточками и прочими моллюсками. Меня заинтриговал коррозионный узор, и я вдруг понял, почему он именно такой, ведь я видел, что бывает с металлическими предметами, долго пролежавшими на дне океана. Колокол наполовину ушел в песчаное дно, наружную поверхность истерзали приливы и отливы Артиллерийского пролома, а мельчайшие коралловые песчинки стерли четверть дюйма меди – но нижняя его часть неплохо сохранилась, и я взялся изучать остатки надписи:

В Я... З...

Хотя насчет первой литеры полной уверенности не было: то ли «В», то ли что-то другое. Сразу за ней – идеально уцелевшая «Я», потом пустота и «З» в полной сохранности, а остальные буквы смыло временем.

Я снова заглянул внутрь колокола и разглядел неплохо сохранившийся замысловатый герб: два зверя – наверное, львы – стоят на задних лапах, а в передних держат щит, над которым изображен рыцарский шлем. Образ показался мне смутно знакомым. Где же я его видел?

Опустившись с цыпочек на пятки, я взглянул на Шерри

Норт. Она тут же отвела глаза.

– Странное дело... – задумчиво молвил я. – Реактивный самолет, а на носу у него болтается здоровенный медный колокол...

– Ничего не понимаю, – покачала головой она.

– Я тоже. – Я встал, сходил в кают-компанию за чирутой, закурил и уселся в рыбацкое кресло. – Итак, давай выслушаем твою версию.

– Нет у меня никаких версий, Гарри. Честное слово.

– Значит, придется гадать, – предложил я. – Что ж, начну с самого смелого предположения. – (Она сразу отвернулась к релингу.) – Реактивный самолет превратился в тыкву. Что скажешь?

– Гарри, мне нездоровится. – Она обернулась ко мне. – По-моему, меня сейчас стошнит.

– И чем я могу помочь?

– Отвези меня на остров.

– Я подумывал нырнуть еще разок. Осмотреться...

– Нет, – тут же сказала она. – Прошу, не сейчас. Мне совсем нехорошо. Отвези меня домой. При необходимости всегда можно вернуться.

Я поискал у нее на лице хоть какие-то признаки недуга, но Шерри могла бы сниматься в рекламе здорового питания.

– Ладно, – согласился я. В новом погружении не было смысла, но она об этом не знала. – Дома попробуем что-нибудь придумать.

Я стал заворачивать медный колокол в брезент.

– Что ты хочешь с ним сделать? – встревожилась она.

– Положу на место, – объяснил я. – У меня нет ни малейшего желания везти его на Сент-Мэри и продавать на рынке. Ты же сама сказала, что всегда можно вернуться.

– Да, – тут же согласилась она. – Ты совершенно прав.

Я бросил сверток за борт и ушел поднимать якорь.

По пути домой оказалось, что меня раздражает присутствие Шерри Норт на мостике. Мне надо было как следует подумать, поэтому я отправил ее вниз сварить кофе.

– Покрепче, – наказал я, – и четыре ложки сахара. Поможет тебе справиться с морской болезнью.

Она ушла, но пару минут спустя опять возникла на мостике и пожаловалась:

– Плитка не зажигается.

– Сперва надо открыть газовые баллоны. – Я объяснил, где вентиль. – А как закончишь, обязательно закрой, иначе катер превратится в бомбу.

Кофе у нее получился паршивый.

Лишь вечером я пришвартовался в Гранд-Харборе, а когда высадил Шерри у дверей гостиницы, было уже темно. Она даже не пригласила меня заглянуть на стаканчик, просто поцеловала в щеку и сказала:

– Дорогой, сегодня я хочу побыть одна. Так устала, что сразу лягу. Все обдумая, а когда мне полегчает, составим

подробный план.

– Завтра за тобой заеду. Во сколько?

– Нет, – ответила она, – встретимся у катера. Пораньше. В восемь утра. Жди меня, и мы обсудим все с глазу на глаз. И чтобы больше никого, договорились?

– В восемь «Танцующая» будет у причала, – пообещал я.

За весь день я не пил ничего, кроме воды, поэтому сделал остановку возле «Лорда Нельсона».

За одним из столиков сидели Анджело с Джудит в шумной компании ребят своего возраста. Позвали меня к себе и усадили между двумя девушками.

Я заказал всем по пинте, после чего Анджело придвинулся ко мне и вкрадчиво спросил:

– Скажите, кэп, а машина вам сегодня еще нужна?

– Нужна, – ответил я. – Чтобы домой добраться.

Разумеется, я знал, что будет дальше. По некой загадочной причине Анджело свято верил, что мы с ним владеем «фордиком» на двоих.

– На Южном мысе намечается большая вечеринка, шеф, – продолжил он. Сегодня он с необычайной щедростью сыпал словами «шеф» и «кэп». – Я тут подумал... Может, подберем вас до Черепашьего залива, а оттуда махнем на Южный? Завтра утром я вас заберу, честное слово.

Глотнув из кружки, я обвел глазами исполненные надежды юные лица.

– Вечеринка и правда большая, мистер Гарри, – подхва-

тила Джудит. – Ну пожа-алуйста!

– Заберешь меня ровно в семь, Анджело, понял?

Слова утонули в спонтанном взрыве радостного смеха, после чего все скинулись и взяли мне еще одну пинту.

Ночь я спал плохо – то вертелся, то лежал без сна. Опять это сновидение, где я ныряю за брезентовым свертком, и в нем снова крошечная дрезденская русалка, но на этот раз у нее было лицо Шерри Норт. Она протянула мне модель реактивного штурмовика, я хотел ее забрать, но самолетик превратился в золотую тыкву с вырезанными на кожуре буквами «В Я З».

После полуночи задождило – да так, что вода сплошным потоком лилась с крыши, – и молния выхватывала из тьмы силуэты пальмовых листьев на фоне ночного неба.

Когда я шел на пляж, дождь еще не перестал, и тяжелые капли взрывались на моем обнаженном теле миниатюрными бомбами. Свет был скверный, океан темный, грозовые тучи затянули небо до самого горизонта. Плавал я в одиночестве и заплыл далеко за риф, но, когда вернулся на пляж, обнаружил, что приподнятое настроение, обычное после подобных водных процедур, сегодня решило взять выходной.

Весь посиневший, я дрожал от холода, и на душу навалилось смутное, но неуклонное предчувствие беды.

Я доедал завтрак, когда из-за пальмовой плантации на залитый дождем проселок вырулил мой пикап – забрызганный

грязью и со все еще включенными фарами.

Во дворе Анджело погудел и крикнул, что он на месте, и я выбежал из хижины, прикрывая голову зюйдвесткой.

От Анджело разило пивом. Он был словоохотлив и слегка мутноглаз.

– Я поведу, – сказал я.

Пока мы пересекали остров, Анджело методично описывал вчерашнюю вечеринку во всем ее великолепии. Если верить его словам, через девять месяцев Сент-Мэри должна была захлестнуть эпидемия деторождений.

Я слушал его вполуха, потому что чем ближе мы подъезжали к городу, тем сильнее нарастало внутреннее беспокойство.

– Гарри, ребята просили сказать вам спасибо за пикап.

– Пожалуйста, Анджело.

– Я отправил Джудит на катер, чтобы прибралась и сварила вам кофе.

– Не стоило ее беспокоить, – ответил я.

– Она сама захотела. Ну, вы понимаете – в знак благодарности.

– Хорошая она девушка...

– Еще бы, Гарри. Я ее люблю. – И Анджело, подражая Микку Джаггеру, затащил «Devil Woman».

Когда мы перевалили через хребет и начали спускаться в долину, я хотел было ехать дальше по улице Фробишера до самой пристани, но по некоему наитию свернул влево, обо-

гнул по кольцевой форт и больницу и очутился на окаймленной баньянами авеню, ведущей к гостинице «Хилтон». Оставил пикап под навесом и вошел в фойе.

Столь ранним утром администраторов не было на месте, но я, перегнувшись через стойку, заглянул к Мэрион. Она сидела за коммутатором. Увидела меня, ослепительно улыбнулась и сняла наушники.

– Здравствуйте, мистер Гарри.

– Здравствуй, Мэрион, любовь моя, – ответил я с такой же широкой улыбкой. – Скажи, мисс Норт у себя в номере?

– О нет. – Мэрион перестала улыбаться. – Выехала больше часа назад.

– Выехала? – Я в изумлении уставился на нее.

– Да. Села на гостиничный автобус и отправилась в аэропорт. В семь тридцать рейс, она хотела на него успеть. – Мэрион глянула на дешевые японские часы на запястье. – Наверное, десять минут как улетела.

Я совершенно растерялся. Чего-чего, а такого я не ожидал. Какое-то время я не мог ничего понять, а потом вдруг все понял, и мне стало дурно.

– О господи! Джудит! – И я рванул к пикапу. Увидев мое лицо, Анджело тут же сел ровнее и перестал горланить «Devil Woman».

Я прыгнул на водительское сиденье, завел мотор, вдавил педаль газа в пол и сделал такой крутой разворот, что два колеса из четырех оторвались от земли.

– Что такое, Гарри? – осведомился Анджело.

– Джудит, – мрачно ответил я, – ты велел ей идти на катер – когда?

– Когда за вами поехал.

– Она сразу ушла?

– Нет, сперва ей надо было принять душ и одеться. – Он рассказывал все как есть, не скрывая, что они спали вместе. Должно быть, почувствовал, что ситуация напряженная. – А потом идти через всю долину от фермы. – Анджело снимал комнату у приятной семьи, жившей неподалеку от родника, в трех милях от Адмиралтейской.

– Господи, хоть бы успеть, – прошептал я.

Пикап с подвываниями промчался по авеню. Я, как заправский гонщик, переключил передачу, и мы, визжа протекторами, боком вылетели за ворота, после чего я снова вдарил по педали газа так, что едва не угробил возвратную пружину.

– Гарри, черт возьми, да что такое? – снова осведомился Анджело.

– Нельзя, чтобы она попала на «Танцующую», – зловеще объяснил я, когда мы неслись по кольцевой над городом.

За фортом открывался панорамный вид на Гранд-Харбор. Анджело не стал тратить время на пустые расспросы. Мы давно уже работали вместе, и, если я что-то говорил, он принимал мои слова как должное.

«Танцующая» стояла там же, где и вчера: среди других

островных суденышек. На полпути от пристани к катеру виднелся ялик, в нем Джудит – даже с такого расстояния я разглядел на банке крошечную женскую фигурку и узнал короткие и деловитые взмахи веслами. Джудит была островитянка, поэтому гребла как мужчина.

– Не успеем, – сказал Анджело. – Еще до Адмиралтейской не доедем, а она уже будет на катере.

На улице Фробишера я зажал левой ладонью кнопку клаксона, пытаясь расчистить дорогу непрерывным гудком, но было субботнее утро, а суббота – рыночный день, и на улицах уже толпился народ. Деревенские заполонили проезжую часть своими волами, телегами и древними драндулетами. Страшно ругаясь из-за нахлынувшей безысходности, я, не переставая гудеть, прорывался сквозь толпу.

Чтобы одолеть полмили от начала улицы до Адмиралтейской пристани, нам потребовалось целых три минуты.

– О господи! – Я подался к баранке, пулей пролетел сквозь сетчатые ворота и пересек железнодорожные пути.

Привязав ялик к борту «Танцующей», Джудит уже взбиралась на катер – джинсовые шорты и изумрудно-зеленая рубашка, волосы заплетены в косу до пояса.

Я крутанул баранку, затормозил, едва не задев ананасовый склад, мы с Анджело выпрыгнули из кабины и рванули по пристани.

– Джудит! – заорал я, но голос мой затерялся на просторах гавани.

Не оборачиваясь, Джудит скрылась в каюте. Мы с Анджело неслись к концу мола, оба голосили что есть мочи, но ветер бил нам в лицо, а «Танцующая» стояла на воде в пяти сотнях ярдов от пристани.

– Вон ялик! – схватил меня за руку Анджело.

Старинная, обшитая внакрой лодка ловца макрели, но на цепи, цепь в кольце, а кольцо – в каменном причале.

Мы спрыгнули в нее с восьмифутовой высоты, я упал на банку, Анджело – на меня, я выбрался из-под него и протиснулся к швартовочной цепи с четвертьдюймовыми звеньями из оцинкованной стали, пристегнутой к кольцу медным висячим замком.

Дважды обернул цепь вокруг запястья, уперся ногой в причал и дернул что было сил. Замка не стало, а я шлепнулся на дно ялика.

Анджело уже вставил весла в уключины.

– Гребите! – крикнул я. – Гребите как проклятый!

А сам встал на носу, сложил ладони рупором и стал выкликать Джудит, стараясь перекричать ветер.

Анджело сосредоточился на бешеной гребле, едва вынимая весла, возвращая их параллельно поверхности, налегая всем телом, едва они погружались в воду, и хрипло выдыхая с каждым всплеском.

На полпути к «Танцующей» нас снова захлестнуло шквалом дождя, окутавшего весь Гранд-Харбор серым водяным облаком. Дождь хлестал по лицу, и мне пришлось прищу-

риться.

Очертания «Танцующей» скрылись за влажной пеленой, но мы были уже близко, и я начал надеяться, что Джудит сперва наведет порядок в каютах и только потом уйдет на камбуз и чиркнет спичкой у газовой плиты. И еще я начал надеяться, что ошибся и Шерри улетела, не оставив мне прощального подарка.

Но в голове у меня звенели вчерашние слова, адресованные Шерри Норт: «Сперва надо открыть газовые баллоны. А как закончишь, обязательно закрой, иначе катер превратится в бомбу».

Еще ближе подошли мы к «Танцующей», и она, казалось, парила в воздухе на ниточках дождя, призрачно-белая и невесомая в клубящемся тумане.

– Джудит! – крикнул я, ведь мы были уже близко, и она не могла не услышать меня.

На борту «Танцующей» два пятидесятифунтовых баллона с бутаном – хватит, чтобы уничтожить кирпичный дом. Бутан тяжелый: если выпустить его, он осядет, заполнит весь корпус катера убийственной смесью газа и воздуха. Чтобы поджечь ее, хватит одной искры – или зажженной спички.

Я взмолился: боги, сделайте так, чтобы я ошибался! Снова выкрикнул: «Джудит!» – и... «Танцующая» взлетела на воздух.

Чудовищная синяя вспышка разорвала ее пополам, словно катер раскололи надвое могучим кузнечным молотом, а

надстройка приподнялась над корпусом, как крышка над кастрюлей.

Умирая, «Танцующая» встала на дыбы, ударная волна окатила нас порывом ураганного ветра, и я почувал едкое злобное взрыва: словно молния, сжигая воздух, ударила в железняк.

У меня на глазах «Танцующая» погибла мучительной смертью. Ее расколотый, безжизненный корпус сгинул в пучине, и над ним сомкнулся холодный серый мрак. Тяжелые двигатели быстро утянули ее на дно, и моя красавица растворилась в водах Гранд-Харбора.

Мы с Анджело застыли от ужаса, вцепившись в болтающийся ялик, уставившись во взволнованные воды, усеянные обломками прекрасного катера, на котором погибла прелестная девушка. На меня сошло крайнее опустошение. Не будь я парализован от ужаса, взвыл бы от боли.

Первым очнулся Анджело. Вскочил и зарычал, словно раненый зверь. Хотел броситься за борт, но я его остановил.

– Пустите! – крикнул он. – Мне надо к ней!

– Нет. – Лодка страшно закачалась, но каким-то чудом я смог его удержать. – Не надо, Анджело.

Даже если бы он одолел сорок футов воды и оказался там, где покоился теперь разорванный корпус «Танцующей», увидел бы такое, что сошел бы с ума. Джудит стояла в эпицентре детонации, а я видел, что бывает с людьми, угодившими под взрыв подобной мощности. Дикое зрелище.

– Проклятье, пустите! – Он высвободил руку и ударил меня в лицо, но я ожидал этого и увернулся, хотя кулак содрал кожу с моей щеки, и я понял, что Анджело пора утихомирить.

Ялик ходил ходуном – еще чуть-чуть, и опрокинется. Анджело, хоть и был на сорок фунтов легче меня, вырывался с маниакальной силой. Теперь он выкрикивал ее имя: «Джудит, Джудит!» – истерически, с восходящей интонацией. Я ослабил хватку на его плече, чуть отвернул его в сторону, как следует примерился и ударил ребром правой ладони – дюймов с четырех, почти без замаха – в точку под левым ухом. Он тут же отключился и обмяк. Я осторожно опустил его на дно ялика, уложил поудобнее и, не оглядываясь, погреб к пристани – онемевший, словно из меня выпили всю жизнь.

Когда я тащил Анджело по причалу, почти не чувствовал его веса. Уложил его в «фордик» и отвез в больницу. Сегодня дежурил Макнаб.

– Вколите ему что-нибудь одурманивающее, чтобы сутки с постели не вставал.

Макнаб заартачился.

– Слушай, пьянь ты старая, – тихо объяснил я, – сейчас без башки останешься. Только повод дай.

Он побледнел так, что на испитом лице ярко проступили кровеносные сосуды, и завел шарманку:

– Гарри, старина, ну послушайте...

Я шагнул вперед, и он мигом отправил дежурную медсест-

ру к шкафчику с наркотическими препаратами.

Чабби я оторвал от завтрака. На объяснения ушло не больше минуты. Мы забрались в пикап, отправились в форт, и Уолли Эндрюс тут же откликнулся на наш призыв: вместо сбора показаний и соблюдения других полицейских процедур выдал нам служебное снаряжение для подводных работ. Мы загрузили его в кузов, а к тому времени, как приехали в гавань, на пристани взволнованной молчаливой толпой собралась добрая половина островитян. Все слышали взрыв, а кто-то видел, как «Танцующая» пошла ко дну.

Когда мы тащили снаряжение в лодку макрельщика, мне время от времени приносили соболезнования, на что я отвечал:

– Найдите Фреда Кокера. Пусть принесет мешок и корзину.

– Что, мистер Гарри, на борту кто-то был? – взволнованно загудели вокруг.

– Просто найдите Фреда Кокера, – повторил я, и мы уплыли к месту последней стоянки «Танцующей».

Уолли остался на ялике, чтобы его не оттащило в сторону, а мы с Чабби погрузились в мутные воды гавани.

«Танцующая» лежала дном вверх на глубине сорок пять футов – по всей видимости, перевернулась, когда тонула, – но волноваться насчет доступа во внутреннюю часть не было нужды, потому что корпус разорвало по всему килю. Катер восстановлению не подлежал.

Чабби остался ждать у разлома, а я заплыл внутрь.

По остаткам камбуза возбужденными косяками сновали рыбешки, вошедшие в пищевой раж, и я едва не подавился мундштуком, когда разглядел, чем они кормятся.

Джудит можно было узнать лишь по зеленым лоскутам, оставшимся на ошметках тела. Мы подняли три самых больших фрагмента и сложили их в предоставленный Кокером брезентовый мешок.

Я немедленно нырнул снова и по разгромленному корпусу пробрался в отделение под камбузом, к стойке с длинными железными баллонами. Оба целехоньки, вентили открыты на полную, шланги отключены, чтобы ничто не препятствовало выходу газа.

Никогда в жизни я не чувствовал столь буйного гнева – его подпитывало чувство утраты. «Танцующей» больше не было – а вокруг нее строилась вся моя жизнь. Я закрыл вентили и присоединил шланги. Это частное дело, и разбираться с ним я буду в личном порядке.

Шагая по причалу к машине, я находил утешение лишь в том, что «Танцующая» застрахована. Будет новый катер – не такой красивый, не такой дорогой моему сердцу, – но все же будет.

В толпе я углядел блестящее черное лицо Хэмбона Уильямса. Уже сорок лет он трудился в гавани лодочником, курсировал на древнем ялике туда-сюда и брал три пенса за рейс.

– Хэмбон, – подозвал его я, – вчера вечером отвозил кого-нибудь на «Танцующую»?

– Нет, мистер Гарри, нет, сэр.

– Вообще никого?

– Только вашу нанимательницу. Она забыла в каюте часы, вот я и свозил ее, чтобы забрала.

– Ты про женщину?

– Да, про женщину с соломенными волосами.

– В котором часу, Хэмбон?

– Около девяти. А что, не надо было, мистер Гарри?

– Не переживай. Забудь.

Назавтра в первой половине дня похоронили Джудит. Я сумел выбить для нее место рядом с могилами отца и матери. Анджело остался доволен. Не хотел, чтобы она лежала на холме в одиночестве. Еще пришибленный после вчерашнего, он тихо стоял на краю могилы и мечтательно смотрел куда-то вдаль.

Следующим утром мы начали спасательные работы на «Танцующей». Десять дней трудились в поте лица и сняли все, что представляло хоть какую-то ценность, начиная с катушек для вываживания крупной рыбы и автомата «ФН» и заканчивая двумя бронзовыми винтами. Корпус и палубные надстройки пришли в такую негодность, что заниматься ими не было смысла.

Когда закончили, «Танцующая по волнам» растворилась в прошлом. У меня было много женщин, и все они теперь

– лишь милые сердцу образы, выплывающие из глубин сознания, стоит только услышать знакомый напев или аромат духов, и «Танцующая», подобно остальным, тоже уходила к горизонту, танцуя теперь по волнам моей памяти.

На десятый день я отправился к Фреду Кокеру. Едва вошел в офис, сразу понял: что-то здесь не так. Очень сильно не так. Кокер сверкал нервной испариной, глаза его бегали за сверкающими стеклами очков, а руки метались, словно перепуганные мыши: то к промокашке, то к узлу галстука, то к жиденьким прядям на блестящем черепе. Он знал, что я пришел насчет страховки, и с ходу посоветовал:

– Ты только не волнуйся, пожалуйста, мистер Гарри.

Услышав подобные советы, я обычно начинаю волноваться вдвое сильнее.

– Что такое, Кокер? Ну же, выкладывай! – Я грохнул кулаком по столу.

Кокер подскочил на стуле, и золотая оправа съехала ему на кончик носа.

– Мистер Гарри, умоляю...

– Выкладывай, ты, жалкий могильный червяк!

– Мистер Гарри... насчет взносов за «Танцующую»... – (Я не отрываясь смотрел на него.) – Видишь ли, раньше ты никогда не требовал возмещения убытков, и я решил – чего добру пропадать...

Я обрел дар речи, но голос подвел меня, и я прошептал:

– Ты прикарманил взносы... вместо того чтобы передать их в компанию...

– Вот-вот, ты понимаешь, – закивал Фред Кокер. – Я знал, что ты поймешь.

Чтобы сэкономить время, я попробовал перепрыгнуть через стол, но оступился и упал, а Фред Кокер вскочил со стула, ускользнул от моих хищно скрюченных пальцев, выбежал в соседнюю комнату и захлопнул дверь.

Я не стал ее открывать. Прошел насквозь, выбив замок, и дверь закачалась на покореженных петлях.

Фред Кокер бежал так, словно за ним гнались все демоны ада, – думаю, он предпочел бы, чтобы так оно и было. Я изловил его у ведущих в переулок ворот, одной рукой схватил за горло и оторвал от земли, а другой прижал к штабелю дешевых сосновых гробов.

Он потерял очки и теперь плакал от страха: крупные слезы, вызревая в беспомощных близоруких глазах, медленно выкатывались на смуглые щеки.

– Ты же знаешь, что сейчас я тебя убью? – прошептал я, и он застонал, и ноги его задергались в шести дюймах от пола.

Я покрепче уперся в доски подушечками стоп и занес правый кулак. Этот удар размозжил бы ему голову. Я не мог так с ним поступить – но мне необходимо было что-нибудь ударить, поэтому я вмазал по гробу рядом с его правым ухом. Облицовка треснула и раскололась по всей длине, а Фред Кокер завизжал, словно истеричная школьница на фестивале

поп-музыки, и я его отпустил. Ноги отказались держать его, и он повалился на бетонный пол.

Я оставил его стонать и причитать от ужаса, а сам вышел на улицу почти полным банкротом – впервые за десятилетие.

Мистер Гарри одним махом превратился в сухопутную портовую крысу по имени Флетчер. Мой случай был классическим возвращением на круги своя: на подходе к «Лорду Нельсону» я мыслил в том же ключе, что и десять лет назад, снова выискивал тот единственный шанс и подсчитывал потенциальную выгоду.

В такую рань в баре не было никого, кроме Чабби и Анджело. Я все им рассказал, и они притихли, потому что говорить тут было не о чем.

По первой мы выпили в молчании, а потом я спросил у Чабби, чем он планирует заниматься, и он пожал плечами:

– Ну, у меня остался старенький вельбот. – (Двадцатифутовый, военного образца, с открытой палубой, но пригодный для выхода в море.) – Наверное, снова займусь обрубками.

То есть большими рифовыми лангустами. За их замороженные шейки дают неплохую цену. Именно этим Чабби зарабатывал на хлеб, пока на Сент-Мэри не появились мы с «Танцующей».

– Понадобятся новые моторы. Твои старые «чайки» на ладан дышат.

Пока мы пили следующую пинту, я прикинул финансы. Да ну, какого черта, две тысячи долларов никакой погоды

мне не сделают.

– Куплю тебе пару новых «эвинрудов» по двадцать лошадей, – вызвался я.

– Так не пойдет, Гарри. – Он негодуяюще нахмурился и помотал головой. – Я кое-что скопил, пока на тебя работал.

Я попробовал заикнуться еще раз, но он остался непреклонен.

– Ну а ты, Анджело?

– Наверное, поеду на Равано душу продавать.

– Нет. – Чабби еще сильнее нахмурился. – Мне на вельботе помощник нужен.

Итак, парням будет чем заняться. Мне полегчало – не зря же говорят, что мы в ответе за тех, кого приручили, – а особенно я порадовался, что Чабби присмотрит за Анджело. Парень тяжело переносил гибель невесты, стал молчаливым, замкнутым, совсем не похожим на прежнего Ромео. Я крепко нагрузил его с разбором «Танцующей», чтобы за эти дни он хоть немного оправился от душевных ран.

Тем не менее сегодня он крепко пил: одну за другой опрокидывал рюмки дешевого бренди и лакировал их пинтами биттера. Если не считать денатурата, это самый пагубный способ питания из мне известных.

Мы с Чабби не торопились, подолгу сидели над каждой кружкой, но за шутками скрывалось понимание, что мы стоим на перекрестке и уже завтра каждый пойдет своей дорогой, и это придавало вечеру легкую терпкость грядущего рас-

ставания.

Тем вечером в гавани встал на заправку и починку южноафриканский траулер. Когда Анджело наконец отключился, мы с Чабби затянули привычные песнопения, и шестеро дюжих ребят с траулера принялись клеветнически охаивать наше мастерство. Подобных оскорблений мы сносить не привыкли, поэтому вышли ввосемьмером на задний двор обсудить разногласия.

Обсуждение получилось великое и славное, и Уолли Эндриус, явившись в «Лорд Нельсон» с полицейской буц-командой, арестовал всех до единого, не пощадив даже павших на поле брани.

– А еще кровинушка называется, – ворчал Чабби, когда мы плелись в камеру, поддерживая друг друга. – Против родного дядьки попёр, а ведь родной сестры моей сын...

Гуманист Уолли снарядил одного из констеблей притащить нам что-нибудь из «Лорда Нельсона», чтобы скрасить пребывание в темнице, поэтому мы очень сдружились с траулерной шестеркой, и бутылка то и дело переходила из одной клетки в другую.

Утром нас отпустили. Уолли Эндриус не стал выдвигать никаких обвинений, и я отправился в Черепаший залив, где занялся консервацией хижины. Сначала проверил, чиста ли посуда, и бросил в шкафы по пригоршне камфорных шариков от моли, но дверей запирать не стал, ведь на Сент-Мэри нет такого понятия, как «кража со взломом».

В последний раз сплавал за риф, где полчаса пробарахтался в надежде встретить дельфинов, но они так и не появились, и я поплыл обратно. Дома принял душ, переоделся, вытащил из-под кровати старенькую холщово-кожаную дорожную сумку и вышел во двор к пикапу. Проезжая по пальмовой плантации, я ни разу не оглянулся, но пообещал себе, что скоро вернусь этим же путем.

Припарковался у входа в гостиницу и закурил чируту. В полдень, закончив смену, из дверей вышла Мэрион и зашагала по дороге, нахально покачивая затынутыми в мини-юбку ягодицами.

Я свистнул, она оглянулась и забралась на пассажирское сиденье.

– Мистер Гарри, как же вы теперь без катера...

Несколько минут мы болтали на всякие темы, а потом я спросил:

– Скажи, мисс Норт звонила кому-нибудь из номера? Может, телеграмму давала?

– Не помню, мистер Гарри, но для вас могу проверить.

– Прямо сейчас?

– Ну да, – кивнула она.

– И еще... Спроси заодно у Дикки, не делал ли он ее фото.

Дикки – кочевой гостиничный фотограф. Вполне вероятно, шелкнул Шерри Норт для своего портфолио.

Мэрион не было почти сорок пять минут, но вернулась она с победной улыбкой.

– Наутро уехала, а вечером дала телеграмму. – Она протянула мне тоненький листок, а пока я читал, добавила: – Это копия, можете оставить себе.

В графе адреса значилось: «Мэнсону кв. 5 Керзон-стрит 97 Лондон W1», а в тексте говорилось: «Заклучила контракт возвращаюсь Хитроу рейсом БКЗА 316 субботу». Подписи не было.

– Дикки перерыл все карточки, но одну все же нашел. – Она передала мне глянцевый снимок семь с половиной на десять: Шерри Норт разлеглась в шезлонге на гостиничной террасе в бикини и солнечных очках, но лицо вполне узнаваемое.

– Спасибо, Мэрион. – Я сунул ей пять фунтов.

– Ничего себе, мистер Гарри! – усмехнулась она и спрятала купюру в бюстгальтер. – За такие деньжищи вам еще кой-чего причитается.

– Спешу на самолет, любовь моя. – Я чмокнул ее в курносую сопелку и шлепнул по заднице, когда она выбиралась из кабины.

В аэропорту меня ждали Анджело и Чабби – тот обещал присмотреть за пикапом. Настроение у всех было подавленное, и у зоны вылета мы неловко пожали друг другу руки. Говорить было не о чем, вчера мы и так все обсудили.

Когда самолет, гудя поршневыми двигателями, стартовал на континент, я заметил, что парни бок о бок стоят у ограждения.

После трехчасового ожидания в Найроби я пересел на рейс Британской корпорации зарубежных авиалиний до Лондона. За весь долгий ночной перелет не сомкнул глаз. Давненько не бывал я на родине – и теперь возвращался не по самой приятной причине.

Мне очень хотелось побеседовать с Шерри Норт.

Я летел мстить.

Когда ты на мели, самое время обзавестись новым автомобилем и костюмом за сотню гиней. Нарядись богачом, и все поверят, что ты такой и есть.

Я побрился и переоделся в аэропорту Хитроу. Заглянул в офис «Херц», где вместо «хиллмана» взял «крайслер», закинул сумку в багажник и отправился в ближайший паб пивоварни «Каридж», где съел двойную порцию пирога с яйцами и ветчиной и запил ее пинтой «Кариджа», параллельно изучая карту автомобильных дорог. Все было так давно, что я не вполне понимал, куда ехать.

По сравнению с Малайей и Африкой английская глубинка – роскошный образчик ухоженной зелени, а осеннее бледно-золотое солнце сильно отличается от привычного для меня свирепого и яркого светила, но прокатиться по холмам до Брайтона было весьма приятно.

Я оставил «крайслер» на променаде напротив «Гранд-отеля» и нырнул в кроличью нору района Лейнз. Сезон подходил к концу, но здесь по-прежнему разгуливали толпы тури-

стов.

Павильон-Аркейд: такое название я давным-давно прочел на подводном тобогане Джимми Норта и битый час искал нужную улочку, притулившись за мощенной булыжником площадкой. Почти все окна здесь оказались закрыты ставнями, а двери – заперты на ключ.

А вот и он: десятифутовый фасад магазина «Подводный мир Норта». Тоже заперто, а единственное окно – с опущенными жалюзи. Я попробовал заглянуть за них, но безуспешно – в зале было темно, – поэтому заколотил в дверь. Изнутри не донеслось ни звука, и я хотел уже уйти, но тут заметил прямоугольную картонку: раньше она стояла за стеклом, но потом свалилась на пол. Изогнув шею самым акробатическим образом, я сумел прочесть написанное от руки послание миру, так как картонка, по счастливому стечению обстоятельств, упала лицевой стороной вверх: «За справками обращаться по адресу: Сивью, Даунерс-лейн, Фалмер, Суссекс».

Я вернулся к машине и вызволил из бардачка карту автомобильных дорог.

Когда я пробирался узкими улочками, пошел дождь. Дворники монотонно растирали капли по лобовому стеклу «крайслера», а я всматривался в преждевременные сумерки.

Дважды заблудился, но наконец притормозил у ворот в пышной живой изгороди. К ним была приколочена табличка

«NORTH SEAVIEW» – «Вид на море». Наверное, если взглянуть на юг, в погожие дни отсюда видно Ла-Манш.

Одолев глинистую подъездную дорожку, я оказался в мощеном дворе двухэтажного фермерского дома из красного кирпича со встроенными в стены дубовыми балками. Дранка на крыше поросла мхом. Внизу горел свет.

Я вышел из машины и направился к кухонной двери, подняв воротник, чтобы хоть как-то спастись от дождя и ветра. Постучал и услышал, как внутри кто-то ходит. Щелкнул замков, и верхняя половинка голландской двери приоткрылась на всю длину защитной цепочки. На меня смотрела девушка.

Она не произвела на меня сиюминутного впечатления, поскольку на ней был мешковатый рыбацкий свитер синего цвета, но я сразу заметил высокий рост, плечи пловчихи и решил, что передо мной воплощение простоты: лоб бледный и высокий, нос крупный, но не костлявый и не крючком, а под носом – симпатичный широкий рот. И никакого макияжа: губы бледно-розовые, а на переносице и щеках – перечная россыпь мелких веснушек.

Волосы туго стянуты в толстую косу, мерцают оттенками черного в электрическом свете, а брови тоже черные, круто изогнутые над глазами, так что и глаза показались мне черными, пока в них не заиграли отблески ламп, и я понял, что глаза у девушки такие же призрачно-синие, как воды Мозамбикского течения в сиянии полуденного солнца.

Несмотря на бледность, девушку окутывала аура, свой-

ственная людям без каких-либо проблем со здоровьем. Кожа ее отличалась эластичностью и тем особым блеском, благодаря которому может показаться, что человек светится изнутри, если рассмотреть его поближе – чем я, собственно говоря, и занимался, – казалось, под этой кожей можно было видеть приливы чистой крови к шее и щекам. Девушка коснулась шелковистого завитка, сбежавшего из косы и ныне дрейфующего у височного побережья. Обаятельный жест, но по нему я сразу понял, что девушка нервничает, и не купился на безмятежный взгляд темно-синих глаз.

И еще до меня вдруг дошло, что она необычайно приятная женщина. Хотя по виду ей исполнилось лет двадцать пять, она была уже не девушка, а состоявшаяся женщина, сильная, зрелая, исполненная внутреннего спокойствия. Меня это заинтриговало.

Обычно я выбираю дамочек попроще – не люблю растрчивать энергию на ухаживания. Но то, что я сейчас видел, выходило за рамки моего опыта, и впервые за многие годы я растерял присущую мне самоуверенность.

Мы довольно долго смотрели друг на друга, не двигаясь и не говоря ни слова.

– Вы Гарри Флетчер, – наконец спокойно произнесла она, негромко, тоном человека культурного и образованного.

– Какого черта?! – оторопел я. – Откуда вы знаете?

– Входите. – Она сняла цепочку, открыла нижнюю половинку голландской двери, и я повиновался. На кухне было

тепло, уютно, и пахло вкусной едой.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – снова спросил я.

– Ваше фото напечатали в газете, рядом со снимком Джимми, – объяснила она.

Мы опять умолкли и стали рассматривать друг друга.

Она была даже выше, чем казалось поначалу. Мне по плечо, длинноногая, в темно-синих брюках, заправленных в черные кожаные ботинки. Я разглядел тонкую талию, а под теплым свитером – намек на вполне достойную грудь.

Поначалу я решил, что она простушка, а десятью секундами позже пришел к выводу, что передо мной необычайно приятная женщина. Теперь же, по прошествии некоторого времени, до меня дошло, что такой красавицы я, пожалуй, еще не встречал.

– Вы поставили меня в невыгодное положение, – наконец сказал я. – Ведь ваше имя мне неизвестно.

– Я Шерри Норт, – представилась она, и пару секунд я глазел на нее, пытаясь оправиться от шока, так как она кардинально отличалась от той Шерри Норт, с которой уже свела меня злая судьба, и в конце концов спросил:

– Вы в курсе, что вы не одна такая?

– Не поняла? – Она нахмурилась и взглянула на меня обворожительно-синими глазами из-под опущенных ресниц.

– Долго рассказывать.

– Извините. – Только сейчас она поняла, что мы стоим друг против друга посреди кухни. – Прошу, садитесь. Не же-

лаете ли пива? – Принесла из шкафчика пару банок «Карлсберга» и устроилась напротив за кухонным столом. – Вы собирались рассказать что-то долгое. – Щелкнув колечками обеих банок, она подтолкнула одну в мою сторону и стала выжидающе смотреть на меня.

Я принялся излагать тщательно купированную версию моей биографии, начав с тех пор, как на Сент-Мэри прилетел Джимми Норт. Она с интересом слушала меня, и говорить с ней было легко, как со старым товарищем. Вдруг мне захотелось поведать ей всю правду, не вымарывая ни единого слова: я решил, что с самого начала все должно быть честно и правильно, без оговорок.

Передо мной сидела незнакомка, совершенно чужой мне человек, но почему-то оказалось, что я доверяю ей как самому себе, и я рассказал ей все без утайки.

Когда стемнело, она накормила меня безупречной кассеролью, запеченной в глиняном горшке, с домашним хлебом и фермерским сливочным маслом. Я по-прежнему говорил, но уже не о недавних событиях на Сент-Мэри, а она молчала и слушала. Наконец-то мне встретился человек, которому я мог излить душу.

Упомянул свое прошлое, а потом со мною случился катарсис, и я рассказал ей, как все начиналось, и даже о том сомнительном способе, которым я раздобыл деньги на «Танцующую по волнам», и еще – как мои добрые поначалу намерения дали неминуемую течь.

Было уже за полночь, когда она сказала:

– Честно говоря, верится с трудом. Все это совсем на вас не похоже, ведь вы такой... – она искала нужное слово, – такой положительный...

Но я видел: на самом деле она хотела сказать что-то другое.

– Много работаю над собой. Но иной раз нибс скособоивается. Сами понимаете, наружность бывает обманчива, – объяснил я.

– Да, бывает, – кивнула она. Это было сказано со значением – так, словно ей хотелось предостеречь меня. – Зачем вы обо всем рассказали? Это, знаете ли, не самый мудрый ваш поступок.

– Наверное, пришло время с кем-то поделиться, и выбор пал на вас. Простите.

– Переночуете в комнате Джимми, – улыбнулась она. – Не выпускать же вас на улицу. Не ровен час, разоткровенничаетесь перед кем-то еще.

Прошлой ночью я не спал, а теперь вдруг понял, что у меня совершенно нет сил. Сомневался даже, что смогу подняться в спальню, но все же задал последние вопросы:

– Зачем Джимми прилетел на Сент-Мэри? Что он искал? Вам известно, с кем он работал? Что это за люди?

– Не знаю, – покачала головой она. И я понял, что это правда: теперь, когда я безгранично доверился ей, она не стала бы мне лгать.

– Поможете выяснить? Поможете их найти?

– Да, я помогу вам. – Она встала из-за стола. – Но давайте вернемся к этому разговору завтра утром.

Джимми жил под самой крышей, чей скат придавал комнате неправильную форму. На стенах – фотографии, полки, тесно заставленные книжками, серебряные спортивные кубки и прочие безделицы, милые сердцу любого мальчишки.

Кровать высокая, матрас мягкий.

Пока я ходил к «крайслеру» за сумкой, Шерри стелила чистые простыни. Потом показала мне, где ванная, и ушла.

Я лег, пару минут вслушивался в дробь дождя по крыше, а потом уснул. Проснулся среди ночи и услышал где-то в доме негромкий разговор.

Босой и в одних трусах приоткрыл дверь спальни, тихонько подкрался к лестнице и выглянул в прихожую. Там горела лампа. Шерри Норт стояла в тоненькой ночной рубашке у настенного телефона и говорила в трубку какие-то слова – тихонько и прикрыв рот рукой, поэтому я не разобрал, о чем речь, зато разглядел за просвечивающей тканью контуры ее тела так хорошо, будто Шерри была обнажена.

И обнаружил, что глазею на нее, словно вуайерист. В электрическом свете кожа ее сияла слоновой костью, а потайные впадинки и тени под прозрачной материей окончательно меня заинтриговали.

Не без труда я оторвался от этих созерцаний и вернулся в кровать, где со смутным беспокойством задумался о теле-

фонном разговоре Шерри, но вскоре опять провалился в сон.

Утром дождь перестал, но, когда я выскочил во двор подышать прохладным свежим воздухом, земля оказалась слякотной, а трава – тяжелой и мокрой.

Я ожидал, что после вчерашних душеизлияний говорить с Шерри будет неловко, но ошибался. За завтраком мы затеяли непринужденную беседу, а потом она сказала:

– Я обещала помочь – так что я могу для вас сделать?

– Ответить на пару вопросов.

– Ладно, спрашивайте.

Джимми Норт был скрытный парень, и Шерри не знала, что брат отправился на Сент-Мэри: он сказал, что получил заказ на установку подводной электроники на плотине Кахора-Басса в Португальском Мозамбике. Собрал необходимое оборудование и попросил сестру подбросить его до аэропорта. Насколько ей известно, вылетел из Англии один. Позже в брайтонский магазин пришли полицейские, сообщили, что Джимми убит, позже об этом писали в газетах. Вот, собственно, и все.

– Писем от него не получали?

– Нет, ничего не было.

Я кивнул. Должно быть, волчья стая перехватывала его корреспонденцию, потому что фальшивая Шерри, вне всякого сомнения, представила мне подлинное письмо.

– Совершенно ничего не понимаю. Я, наверное, глупая?

– Нет. – Я достал сигару и почти уже зажег ее, но вовремя опомнился. – Ничего, если я закурю?

– Я не против, – сказала она, и я был рад, потому что без сигар жизнь моя превратилась бы в сущее мучение, и стал курить, вдыхая ароматный дым.

– Похоже, Джимми наткнулся на что-то крупное. Ему понадобились спонсоры, и он обратился к людям, которых лучше сторониться. Решив, что Джимми навел их на нужное место, они тут же убили его и попытались убить меня, а когда не вышло, прислали ко мне ту самозванку. Она же подумала, что ей теперь известно, где находится искомый предмет, и устроила мне ловушку, а сама отправилась домой. Теперь эти люди вернутся к острову Большой Чайки, где их будет ждать новое разочарование.

Шерри налила нам по второй чашке кофе, и я заметил, что сегодня утром она накружилась, но совсем слегка, и на лице ее по-прежнему проступали веснушки. Я пересмотрел свои вчерашние выводы – и утвердился в мысли, что передо мной одна из прекраснейших женщин, что я когда-либо встречал. Даже несмотря на раннее утро.

Задумчиво хмурясь, она глядела в кофейную чашку, и мне страшно захотелось коснуться ее изящной, но сильной на вид руки, которая покоилась на скатерти совсем рядом с моей.

– Что они ищут, Гарри? И кто они такие – те, кто его убили?

– Две загадки, и обе непростые. У меня имеются кое-какие соображения – но давайте отвечать на вопросы в том порядке, в каком вы их задали. Во-первых, что хотел найти Джимми? Если узнаем, сможем выйти на его убийц.

– Вообще без понятия, в какую сторону думать. – Она взглянула на меня. Сегодня глаза ее выглядели светлее, чем вечером: голубели, как редкий сапфир. – Вы сказали, у вас есть соображения. Какие?

– Судовой колокол. Вернее, сохранившийся на нем герб.

– Что он означает?

– Не знаю, но выяснить будет несложно. – Не в силах совладать с искушением, я накрыл ее руку своей. Как и предполагал, на ощупь она оказалась крепкая, сильная, теплая. – Но сперва надо осмотреться в брайтонском магазине. И в комнате Джимми. Вдруг найдется что-то полезное.

– Хорошо, – кивнула она, не убирая руки. – Значит, сперва в магазин? Полицейские его обыскали, но могли что-то проглядеть.

– Отлично. Заодно угощу вас обедом. – Я сжал ее руку, и в ответ Шерри, перевернув ее ладонью вверх, сжала мою.

– Ловлю на слове, – сказала она.

И я, оторопевший от собственной реакции на ее рукопожатие, не сумел отшутиться, потому что в горле пересохло, а сердце билось так, словно я только что пробежал целую милю.

Шерри осторожно высвободила руку и встала.

– Надо бы посуду помыть, – вздохнула она.

Если бы девчата с Сент-Мэри увидели, как мистер Гарри вытирает тарелки, моя репутация разбилась бы вдребезги и разлетелась на тысячу осколков.

В магазин проникли через черный ход в конце крошечного закрытого дворика, почти целиком заполненного необычными предметами, – все они без исключения так или иначе относились к дайвингу и подводному миру: отслужившие свое воздушные баллоны, портативный компрессор, медные оправы иллюминаторов и прочие трофеи с затонувших кораблей, и даже челюсть косатки с полным комплектом зубов.

– Давненько я тут не была, – оправдывалась Шерри, отмыкая дверь. – Без Джимми... – Она пожала плечами и продолжила: – Надо бы заняться ликвидацией этого барахла и прикрыть лавочку. И наверное, перепродать лизинг.

– Я тут осмотрюсь, хорошо?

– Осматривайтесь. А я поставлю чайник.

Начав со двора, я изучил груды хлама – по-быстрому, но дотошно – и не обнаружил ничего примечательного. Ушел в магазин и пошарил на полках с ракушками и акульими зубами, а также в витринном прилавке. Наконец приметил в углу письменный стол и занялся его выдвигаемыми ящиками.

Шерри принесла мне чашку чая, после чего примостилась на уголке стола, а я тем временем выкладывал на столешницу старые счет-фактуры и канцелярскую мелочовку вроде резинок и скрепок. Прочитывал каждый клочок бумаги и

даже покопался в счетных таблицах.

– Ничего? – спросила Шерри.

– Ничего, – согласился я, глянул на часы и сообщил: – Перерыв на обед.

Она закрыла магазин, и мы по счастливой случайности набрали на ресторан английской кухни, где нас усадили за уединенный столик в дальнем зале. Я заказал бутылку «Пуйи-Фюиссе», чтобы было чем запить омара, а когда отдышался от ценника, мы приступили к еде и много смеялись, и не только из-за вина – вместе нам было хорошо и становилось все лучше и лучше.

После обеда мы вернулись в «SEAVIEW» и поднялись в комнату Джимми.

– Наверное, это наш последний шанс, – предположил я. – Если у него имелись секреты, он хранил их здесь.

Но ясно было, что впереди долгие труды. В комнате сотни книг и целые кипы журналов – в основном «Американский авантюрист», «Трезубец», «Дайвер» и другие издания, посвященные подводному миру и его исследователям, а в изножье кровати – целая полка скоросшивателей.

– Предоставлю это вам, – сказала Шерри и удалилась.

Я переложил содержимое одной из полок на стол, начал просматривать публикации по диагонали и тут же понял, что задача даже сложнее, чем казалось поначалу. Джимми имел привычку читать с карандашом в руке, испещряя поля заметками, комментариями, вопросительными и восклицательными

ми знаками и подчеркивая все, что казалось ему любопытным.

Я упорно читал, выискивая что-то хоть отдаленно связанное с островом Сент-Мэри.

Около восьми взялся за полку, где хранились скоросшиватели. Первые два оказались заполнены газетными вырезками о кораблекрушениях и прочих морских происшествиях. На третьем, в обложке из черного дерматина, не имелось никаких опознавательных знаков. В нем я обнаружил тонкую стопку бумаг и сразу понял, что эта папка отличается от остальных.

Здесь хранились комплекты писем с конвертами и марками – всего шестнадцать штук, и каждое адресовано господам Паркеру и Уилтону с Фенчерч-стрит.

Все написаны разными людьми, но элегантным почерком прошлого столетия.

На конвертах почтовые штемпели всевозможных окрестностей старой империи – Канады, Индии, Южной Африки – и почтовые марки девятнадцатого века. Одни эти марки уже тянули на весьма приличную сумму.

По прочтении первых двух писем стало ясно, что господа Паркер и Уилтон были доверенными лицами и торговыми агентами, действовавшими по поручению высокопоставленных клиентов на службе королевы Виктории. В письмах содержались распоряжения насчет недвижимости, денежных сумм и ценных бумаг.

Даты отправки варьировались в пределах довольно скромного периода: с августа 1857-го по июль 1858 года. По всей видимости, торговец антиквариатом или аукционист выставил их на продажу единым лотом.

Я бегло просмотрел письма, но счел их содержание невыносимо скучным. Однако в одностороничном письме номер десять обнаружилось кое-что интересное, и у меня засвербело под ложечкой.

Два слова подчеркнуты карандашом, а на полях – пометка, сделанная рукой Джимми Норта: «Б. Муз. Е.6914(8)». Но внимание мое привлекли сами слова: «Утренняя заря». Их я уже слышал – хотя не помнил, когда и где, – и они показались мне важными.

Я тут же взялся читать письмо с самого начала. В графе «Адрес отправителя» значилось лаконичное: «Бомбей», а рядом стояла дата: «16 сент. 1857».

*Уважаемый Уилтон,
строго предписываю принять с надлежащей заботливостью и определить на надежное хранение пять багажных мест, отправленных от моего имени на Ваш лондонский адрес на борту принадлежащего досточтимой компании судна «Утренняя заря», что выходит из нашего порта до 25 числа сего месяца и направляется в пристань компании в порту Лондона.*

Прошу со всей поспешностью подтвердить получение гру-

за.

*Остаюсь искренне Ваш,
Сэр Роджер Гудчайлд, полковник,
командующий офицер 101-го личного королевского стрелкового полка.*

Доставлено по любезности капитана ее величества фрегата «Пантера».

Бумага зашуршала, и я понял, что рука моя взволнованно дрожит. Я чувствовал, что напал на след. Вот он, ключ к разгадке. Я тщательно расправил письмо на журнальном столе и придавил серебряным ножичком для бумаг.

Стал внимательно перечитывать, но меня отвлекли. Зашумел автомобильный мотор: кто-то миновал ворота и ехал по дорожке к дому. В окне сверкнули фары, а потом машина свернула за угол.

Я настороженно выпрямился. Шум мотора стих. Хлопнули дверцы.

Наступила долгая тишина, а потом я услышал неразборчивую мужскую речь и раздраженные возгласы и начал вставать из-за стола.

Затем Шерри вскрикнула, и этот звук, пронесшись по старинному дому, ланцетом вонзился мне в мозг и пробудил защитный инстинкт столь чудовищной силы, что я слетел по лестнице в прихожую, даже не осознав, что сорвался с места.

Кухонная дверь оказалась открыта. Остановившись на по-

роге, я увидел рядом с Шерри двоих мужчин. На том, что постарше и погрузнее, было бежевое пальто из верблюжьей шерсти, на голове – твидовая кепка, на сероватом тяжелом лице – глубоко посаженные глаза и тонкие бесцветные губы.

Он прижал Шерри к стене у газовой плиты, завернув руку ей за спину так, что ладонь оказалась между лопаток.

Второй был помоложе, тощий и бледный, без головного убора, в кожаной куртке, с соломенными волосами до плеч. Радостно улыбаясь, он не спеша опускал вторую руку Шерри к голубым огонькам газовой горелки.

Шерри отчаянно вырывалась, но держали ее крепко, и в пылу сражения прическа ее пришла в совершенный беспорядок.

– Не торопись, дружбан, – сдавленно просипел человек в кепке. – Пускай все обмозгует.

Шерри вскрикнула снова: пальцы ее неумолимо приближались к шипящим голубым огонькам.

– Валяй, родная, хоть всю башку себе откричи! – рассмеялся блондин. – Никто тебя не услышит.

– Кроме меня, – поправил я.

Они обернулись, и я прочел у них на лицах комичное изумление.

– Кто... – Блондин тут же отпустил Шерри и полез в задний карман.

Я стукнул его дважды, с левой в корпус, а с правой в голову, и, хотя остался не особенно доволен обоими ударами

– они получились какими-то несолидными, – парень обмяк, тяжело перевалился через стул и врезался в буфет. Уделять ему дальнейшее внимание было некогда, и я направился к обладателю твидовой кепки.

Тот держал Шерри перед собой и, как только я сделал первый шаг, толкнул ее в мою сторону. Такая подлянка застала меня врасплох, и я вынужден был заключить Шерри в объятия, чтобы мы с нею устояли на ногах.

Человек развернулся и выскользнул в дверь, которая оказалась прямо перед ним. Я же распутался с Шерри и пересек кухню, потратив на это несколько секунд. Когда выломился во двор, человек был уже на полпути к престарелому спортивному «триумфу».

Он оглянулся, и я буквально увидел, как он просчитывает ситуацию. Сесть в машину и развернуться, прежде чем я его настигну, он не успевал, поэтому свернул налево и помчался к темному устью подъездной дорожки столь сноровисто, что полы его верблюжьего пальто вздыбились морскими волнами. Я же рванул вдогонку.

Дорожка была глинистая, мокрая, скользкая, и бегство давалось ему нелегко. Он поскользнулся, чуть не упал, и я нагнал его и был уже у него за спиной, но тут он развернулся, и я услышал щелчок выкидного ножа и увидел, как сверкнуло проворное лезвие. Он пригнулся, выставил нож, но я без остановки налетел на него.

Такого бандит не ожидал – почти любой, завидев блеск

стали, встанет как вкопанный. Хотел пырнуть меня в живот и ударил снизу вверх, но уже устал, выдохся, и выпад получился скучный. Я блокировал его запястьем, одновременно с тем зацепил болевую точку на предплечье, нож вывалился у него из руки, и он швырнул его через бедро. Потом тяжело упал на спину, и, хотя грязь смягчила падение, я добавил ему неудобств: наступил на живот коленом, вложив в этот выпад все двести десять фунтов живого веса, и услышал громкий свист, с которым из неприятельских легких вышли остатки воздуха, после чего он, разевая рот в попытке продышаться, свернулся в позу эмбриона, а я перевернул его лицом вниз. Красивую кепку он уже потерял, благодаря чему я выяснил, что у него густая шевелюра – черная, но подернутая седыми прядями, – и я немедленно набрал полную пригоршню этой растительности. А потом уселся врагу на плечи, вдавил его лицо в желтую грязь, да поглубже, и завел непринужденный разговор:

– Терпеть такого не могу, когда мальчики девочек обижают...

Но продолжить не успел, потому что за спиной у меня ожил двигатель «триумфа». Сверкнули фары и, описав широкую дугу, осветили узенький подъезд.

Я и без того знал, что не вырубил блондина как следует – торопился и сделал дело кое-как, сикось-накось, – а потому бросил противника в грязи и метнулся к началу дорожки. Покрышки «триумфа» скрипнули по мощенке двора, ав-

томобиль скакнул вперед, заодно ослепив меня фарами, и забуксовал, съехав на размытую дорожку, но водитель справился с заносом, нашел колею и устремился прямо на меня.

Я упал ничком и откатился в холодный ил тесной дренажной канавы, отводившей воду на ту сторону долговязой жилой изгороди.

«Триумф», зацепив кусты, слегка сбился с курса, левые колеса опасно скользнули по каменной отмостке в нескольких дюймах от моего лица, осыпав меня дождем хворостинок и комочков грязи. Потом машина промчалась мимо, но остановилась, поравнявшись со стоявшим на коленях человеком в перепачканном пальто из верблюжьей шерсти – тот расторопно втиснулся на пассажирское сиденье; и когда я выполз из канавы и бросился к спорткару, «триумф» взревел, брызнул глиной из-под задних колес и сорвался с места. Тщетно я преследовал его, он набрал скорость и умчался вверх по склону.

Я отказался от затеи с погоней, развернулся и снова побежал к дому, нащупывая в промокнушем кармане брюк ключи от «крайслера», пока не понял, что оставил их на столе в комнате Джимми.

Растрепанная Шерри в испорченном свитере – один рукав на месте, другой нет – стояла у кухонного косяка, прижимая опаленную руку к груди.

– Гарри, я хотела его остановить, – выдохнула она, – но не удержала...

– Сильно обожглись? – При виде ее страданий я тут же передумал гнаться за «триумфом».

– Слегка поджарилась.

– Отвезу вас к врачу.

– Нет, незачем, – улыбнулась она, но из-за боли улыбка вышла кривенькой.

Я сходил в комнату Джимми, порылся в походной аптечке и принес долоксен – от боли, и могадон – для сна.

– Обойдусь, – заупрямилась Шерри.

– Что, зажать вам нос, чтобы проглотили?

Она усмехнулась, помотала головой, выпила таблетки и посоветовала:

– Примите ванну, вы насквозь промокли.

Тут-то я и понял, что и правда промок, а еще замерз. Когда после ванны вернулся, распаренный, на кухню, Шерри уже повело от лекарств, но она сварила нам кофе и добавила ему крепости двумя-тремя каплями виски. Усевшись друг напротив друга, мы стали прихлебывать из чашек.

– Что им было надо? – спросил я. – Что говорили?

– Думали, мне известно, зачем Джимми отправился на Сент-Мэри. Хотели, чтобы я рассказала.

Я покрутил эту информацию в голове. Что-то тут не сходилось, и меня это встревожило.

– Наверное... – Голос ее дрогнул. Она хотела встать, но покачнулась. – Ого! Что вы мне дали?

Невзирая на слабые возражения, я взял Шерри на руки,

отнес в ее комнату – по-девчачьи безвкусную, с обоями в розочку, – уложил на кровать, разул и накрыл лоскутным одеялом.

Она вздохнула, закрыла глаза и прошептала:

– Пожалуй, не буду вас прогонять. От вас столько пользы...

Воодушевленный этим признанием, я присел на краешек матраса и стал убаюкивать ее, расправил ей волосы, убрал пряди за уши, погладил по высокому лбу, и на ощупь ее кожа была как теплый бархат. Через минуту Шерри уже спала. Я выключил свет и хотел было уйти, но потом одумался.

Стащил ботинки и заполз под одеяло. Во сне она самым естественным образом перекатилась в мои объятия, и я прижал ее к себе – крепко и с удовольствием, – а потом тоже уснул.

Проснулся на рассвете. Она уткнулась носом мне в шею, обняла меня рукой, закинула на меня ногу, и ее мягкие волосы щекотали мне лицо.

Стараясь не разбудить ее, я осторожно высвободился, поцеловал ее в лоб, забрал ботинки и ушел к себе в комнату. Меня распирало от целомудренной гордости: впервые в жизни я провел целую ночь в объятиях красивой женщины, не отвлекаясь ничем, кроме сна.

Письмо лежало на журнальном столике Джимми – там, где я его оставил, – и я перечитал его, а потом отправился в ван-

ную. Пока брился, мне не давала покоя загадочная надпись на полях: «Б. Муз. Е. 6914(8)».

Дождь снова перестал, и тучи уже растягивало, когда я спустился во двор, чтобы обследовать место вечернего побоища. Нож валялся в грязи. Я поднял его и выбросил за живую изгородь, а потом вернулся на кухню, громко топая и потирая руки от холода.

Шерри уже готовила завтрак.

– Как пальцы?

– Болят, – призналась она.

– По пути в Лондон заедем к врачу.

– Почему вы решили, что я поеду в Лондон? – осторожно спросила она, намазывая тост маслом.

– По двум причинам. Во-первых, здесь вам оставаться нельзя, ведь волки непременно вернуться. – (Она бросила на меня острый взгляд, но промолчала.) – Во-вторых, вы обещали помочь, а следы ведут в Лондон.

Мои слова ее не убедили, поэтому за завтраком я предъявил ей письмо, найденное в скоросшивателе Джимми.

– Не вижу связи, – наконец сказала она.

– Даже мне ничего не понятно, – искренне признался я, закуривая первую за день сигарету, и она подействовала на меня самым магическим образом. – Но едва я увидел слова «Утренняя заря», как в голове что-то щелкнуло... – Я умолк, а потом выдохнул: – Боже мой! Вот оно! «Утренняя заря»!

Мне вспомнились обрывки разговора, подслушанные че-

рез вентиляционный канал «Танцующей», что когда-то соединял каюту с мостиком.

«На утренней заре, тогда придется... – звенел у меня в ушах взволнованный голос Джимми. – Если утренняя заря там, где...» Снова эти смутившие меня слова: впились в память шипастыми колючками. Я начал объяснять все Шерри, но так распереживался, что забубнил что-то невнятное. Она рассмеялась, увидев, как я взбудоражен, но, не понимая моих объяснений, остановила меня:

– Стоп! Вы какую-то бессмыслицу несете.

Я начал снова, но не договорил: умолк и воззрился на нее.

– Ну а теперь-то что? – Мое поведение и веселило ее, и выводило из себя. – Гарри, я с вами с ума сойду.

– Колокол! – Я схватил вилку. – Помните, я рассказывал про колокол? Тот, что Джимми поднял у Артиллерийского рифа?

– Да, конечно.

– А на нем – изъеденная песком надпись?

– Так, давайте дальше.

Вместо грифеля у меня была вилка, а вместо грифельной доски – кусок масла, и я нацарапал на нем «В Я З» – те самые впечатанные в бронзу литеры. Изменил «В» на «Я» и показал:

– Вот оно. Поначалу было непонятно, но теперь... – И я стремительно дописал недостающие буквы: «УТРЕННЯЯ ЗАРЯ».

Она смотрела на надпись и медленно кивала, ведь теперь деталь головоломки встала на свое место.

– Надо побольше узнать про эту «Утреннюю зарю».

– Каким образом?

– Самым простым. Нам известно, что корабль принадлежал Ост-Индской компании. Должны сохраниться записи – например, в Регистре Ллойда. Или в Министерстве торговли.

Она взяла у меня письмо, перечитала, передала обратно и скроила гримасу:

– В багаже доблестного полковника, наверное, были только старые рубахи да нестиранные носки.

– Носки мне лишними не будут, – заметил я.

Шерри собрала вещи, и я с облегчением увидел, что она наделена редким даром путешествовать налегке. Пока она ходила договариваться с фермером-арендатором, чтобы тот в ее отсутствие присмотрел за домом, я отнес сумки в «крайслер». Уходя, она лишь замкнула кухонную дверь, после чего села на переднее сиденье и сказала:

– Странное чувство. Словно отправляюсь в долгое путешествие.

– Есть у меня кое-какие планы... – Я сопроводил это уведомление косым плотоядным взглядом.

– Сперва мне показалось, что вы положительный, – посетовала она, – но когда начинаете так себя вести...

– Сексуально, скажите? – согласился я, и «крайслер» покати́л в горку.

На пальцах Шерри вздулись безобразные виноградины белых волдырей. Врач – его я нашел в Хейвордс-Хит – удалил жидкость и перебинтовал руку.

– Теперь еще хуже, – пробурчала она, бледная от боли, а потом умолкла. По пути на север я соблюдал режим тишины, пока мы не оказались в пригороде Лондона, а там предложил:

– Надо бы найти место для ночевки. Поудобнее и где-нибудь в центре.

Она с недоумением взглянула на меня:

– Удобнее всего – и дешевле – будет, наверное, снять где-нибудь номер на двоих, вы не находите?

В животе у меня зашевелилось что-то теплое и очень приятное.

– Странно, что вы об этом заговорили. Я намеревался предложить то же самое.

– Знаю! – рассмеялась она впервые за два часа. – Решила вам подсобить. – И, все еще смеясь, покачала головой. – Я остановлюсь у дяди. Он живет в Пимлико, у него в квартире есть свободная комната, а за углом – небольшой паб-отель. Чистенький, и публика вполне приличная – вы, наверное, видали и похуже.

– Я без ума от ваших шуток, – проворчал я.

Остался ждать в машине, а она позвонила дяде из теле-

фонной будки, вернулась на пассажирское сиденье и сообщила:

– Все в порядке. Он дома.

Квартира была на первом этаже, на тихой улочке неподалеку от набережной. Я достал из багажника сумку, а Шерри подошла к двери и позвонила в звонок.

Дверь открыл невысокий сухопарый мужчина лет шестидесяти, в серой кофте с заплатками на локтях и теплых тапочках-бабушках, но домашнее одеяние плохо сочеталось с аккуратно подстриженными волосами серо-стального цвета и не менее аккуратно жесткими усиками. Кожа чистая, щеки румяные, но выправка военная, а в глазах хищный блеск. Дядюшка не лыком шит, настороженно подумал я, а Шерри посторонилась и представила нас друг другу:

– Это мой дядя, Дэн Уилер. А это Гарри Флетчер.

– Тот юноша, о котором ты рассказывала, – коротко кивнул он. Рука у него была сухая и костлявая, а взгляд обжигал, словно крапива. – Проходите. Давайте, оба.

– Я вас не потревожу, сэр. – Ясное дело, я назвал его «сэр»: отзвук давешней военной подготовки. – Хочу сам подобрать себе жилье.

Дядя с племянницей переглянулись, и мне показалось, что Шерри едва заметно покачала головой, но я все же заглянул в квартиру – вернее сказать, в монастырскую келью, обставленную и выдержанную в аскетичных, экономных, исключительно мужских тонах. Вид комнаты подтвердил пер-

вое впечатление, и мне захотелось как можно чаще видаться с Шерри, но иметь как можно меньше дел с ее дядюшкой.

– Через час заберу вас пообедать, – сказал я.

Дождавшись ее согласия, я вернулся в «крайслер». Паб-отель, который рекомендовала мне Шерри, оказался сетевым «Виндзор армс»; и когда я, по ее совету, упомянул имя Дэна Уилера, меня препроводили в тихую заднюю комнату с прекрасным видом на небо и крыши, утыканные телевизионными антеннами. Не раздеваясь, я улегся на кровать и стал ждать, пока пройдет следующий час, размышляя о семействе и родне Нортгов. В одном я был уверен: Шерри Норт не ускользнет от меня под покровом ночной темноты. Я собирался держать ее под неусыпным присмотром, но все же многое в ней по-прежнему сбивало меня с толку. Я подозревал, что она далеко не так проста, как можно подумать, глянув на ее прелестное безмятежное лицо. Любопытно будет узнать, какая она на самом деле. Отодвинув эту мысль на задворки сознания, я сел и потянулся к телефону. За следующие двадцать минут сделал три звонка: в Регистр Ллойда на Фенчерч-стрит, в Национальный морской музей в Гринвиче, а последний – в Индийский архив на Блэкфрайерс-роуд. «Крайслер» я оставил на частной парковке за паб-отелем – от машины в Лондоне больше вреда, чем пользы, – а до квартиры дяди Дэна прогулялся пешком. Дверь открыла сама Шерри, уже готовая выдвигаться. Мне определенно была по душе ее пунктуальность.

– По-моему, дядя Дэн вам не понравился, – бросилась она в бой за обеденным столом, но я увернулся:

– Позвонил в пару мест. Нам надо на Блэкфрайерс-роуд, это в Вестминстере. Там Индийский архив. Поедем туда сразу после обеда.

– Он очень славный. Вы непременно подружились бы.

– Знаете что, дорогая моя? Чей это дядя? Ваш? Вот и оставьте его себе.

– Но почему, Гарри? Мне интересно.

– Чем он на жизнь зарабатывает? Армия? ВМФ?

– Как вы догадались? – изумилась она.

– Я таких за милю вижу.

– Служил в армии, но ушел в отставку... Погодите, какая разница?

– Что хотите попробовать? – Я помахал перед нею листком с меню. – Если ростбиф, то я возьму утку.

Клюнув на приманку, она сосредоточила свое внимание на еде.

Индийский архив помещался в одной из современных прямоугольных конструкций из зеленоватого стекла и небесно-голубых стальных панелей.

Мы с Шерри вооружились гостевыми пропусками, расписались в журнале и первым делом отправились в каталог, а оттуда – в морской отдел архива, где председательствовала опрятно одетая, но угрюмая дама: седеющие волосы и очки в стальной оправе.

Я протянул ей листок с запросом на папку с материалами по судну «Утренняя заря», принадлежавшему досточтимой компании, и дама затерялась среди высоких, до потолка, металлических стеллажей, переполненных всевозможными документами.

Двадцатью минутами позже она вернулась, выложила на стойку пухлое досье и велела расписаться, указав на колонку в журнале с желтой обложкой из твердого картона.

– Занятно, – хмыкнула она. – Эту папку уже брали меньше года назад.

Я взглянул на имя в последней строке журнала: Д. А. Норт. Идем по пятам за Джимми, подумал я, когда ставил под его именем свое: Ричард Смит.

– Можете расположиться вон там, молодые люди. – Она показала в другой конец зала. – И постарайтесь, пожалуйста, не испортить документы.

Мы с Шерри плечом к плечу уселись за стол, и я развязал тесемки досье.

«Утренняя заря» оказалась фрегатом типа «Блэкуолл»: в начале девятнадцатого века такие строили на судоверфи «Блэкуолл-ярд», и все они имели колоссальное сходство с военными фрегатами того периода.

«Зарю» же изготовили в Сандерленде по заказу досточтимой Ост-Индской компании. Тоннаж – 1330 регистровых тонн, длина по ватерлинии – 226 футов, ширина бимса – 26 футов, что весьма неплохо для скорости, но при сильных по-

рывах ветра на судне, наверное, бывало неудобно.

Спустили на воду в 1832 году, всего лишь за год до того, как компания потеряла китайскую монополию, и это невезение наложило отпечаток на последующую судьбу «Утренней зари».

Помимо прочего, в досье содержались серии процедурных отчетов о работе нескольких следственных комиссий. Первый капитан корабля, носивший гордую фамилию Свинн, в первом же плавании посадил «Утреннюю зарю» на банку в Даймонд-Харборе реки Хугли. Следствие выяснило, что в момент происшествия мистер Свинн находился под действием крепких напитков, и избавило его от капитанского бремени.

– Говорящая фамилия, – заметил я, а Шерри в ответ на мое остроумие закатила глаза и издала негромкий стон.

На этом череда злоключений не закончилась. В 1840 году во время перехода по Южной Атлантике несший «собаку» пожилой помощник капитана зазевался, «Заря» вышла против ветра, и мачт как не бывало. Фрегат беспомощно качался на волнах с такелажем у борта, пока ему не встретилось голландское судно, после чего остатки парусного вооружения срезали, «Зарю» отбуксировали в Столовую бухту, а суд обязал владельцев выплатить голландцам двенадцать тысяч фунтов в качестве вознаграждения за спасение на море.

В 1846 году половина команды сошла на один из диких берегов Новой Гвинеи, где каннибалы перебили их всех до

единого. Погибли шестьдесят три человека.

Затем 23 сентября 1857 года «Заря» вышла из Бомбея, направляясь в Лондонский Пул через Сент-Мэри, мыс Доброй Надежды и остров Святой Елены.

– Гляньте на дату. – Я поставил палец на нужную строчку. – Об этом плавании говорится в письме Гудчайлда.

Шерри не ответила. Лишь кивнула. За последние несколько минут я узнал, что она читает быстрее моего: я одолевал три четверти текста, а она уже готова была перелистнуть страницу. Теперь же взгляд ее впивался в каждую строчку, бледные щеки зарозовелись, и мне пришлось придержать ее руку, когда она, кусая нижнюю губу, поторопила меня:

– Ну давайте поживее!

«Утренняя заря» так и не объявилась в Сент-Мэри. Фрегат исчез. Три месяца спустя его признали пропавшим в море со всем экипажем, и Регистр Ллойда велел страховщикам возместить убытки владельцам и грузоотправителям.

Декларация груза оказалась весьма впечатляющей для столь небольшого судна, ведь в Индии и Китае на борт «Зари» поместили следующее:

364 больших и 494 средних чайных ящика⁶ – 72 тонны от имени господ Данбара и Грина;

101 большой и 618 средних чайных ящиков – 65 тонн от имени господ Симпсона, Уилли и Ливингстона;

577 тюков шелка – 82 тонны от имени господина Элдера

---

⁶ 140 фунтов и 75–80 фунтов соответственно.

и компании;

5 багажных мест – 4 тонны от имени сэра Роджера Гудчайлда, полковника;

16 багажных мест – 6 тонн от имени майора Джона Коттона;

10 багажных мест – 2 тонны от имени лорда Элтона;

26 ящиков различных специй – 2 тонны от имени господина Полсона и компании.

Онемевший, я поставил палец на четвертую строку судового манифеста, а Шерри снова кивнула, и глаза ее засияли сапфирами. Убытки были возмещены, и дело считали закрытым – до тех пор, пока четыре месяца спустя, в апреле 1858 года, в Англию не прибыл ост-индский корабль «Уолмерский замок» с пережившими крушение «Утренней зари».

Их было шестеро: первый помощник капитана Эндрю Барлоу, помощник боцмана, трое матросов верхней команды и двадцатидвухлетняя девушка – мисс Шарлотта Коттон, направлявшаяся домой в сопровождении отца, майора 40-го пехотного полка.

Эндрю Барлоу дал показания следственной комиссии. За сухим повествованием, скучными вопросами и осмотрительными ответами скрывалась волнующая и романтическая морская история, песнь о кораблекрушении и последующей битве за жизнь.

Я читал, и скудные обрывки собранных мною знаний за-

нимали свои места.

Через четырнадцать дней после выхода из Бомбея «Утренняя заря» попала в налетевший с юго-востока неистовый шторм. Всю неделю нестихавшая буря влекла фрегат за собой, и я отчетливо представил эту картину: такой же безжалостный циклон сорвал однажды крышу с моей хибары в Черепашьем заливе.

«Утренняя заря» вновь лишилась рангоута – кроме нижней фок-мачты, нижней бизань-мачты и бушприта. Остальное унес ураган, а море разбушевалось так, что поставить аварийную грот-мачту или закрепить реи не было никакой возможности.

Поэтому, когда с подветренной стороны заметили землю, стало ясно, что у фрегата нет ни единого шанса избежать печальной участи. Словно сговорившись, ветер и течение увлекали «Зарю» прямо в пасть воронкообразного рифа, а штормовые волны разбивались о коралловую преграду с громыханием всего небесного воинства.

Корабль налетел на риф и застрял в коралловых клыках, но Эндрю Барлоу с помощью двенадцати членов команды сумел спустить на воду одну из шлюпок. С ними разбитый фрегат покинули четверо пассажиров, в том числе и мисс Шарлотта Коттон, а Барлоу, в котором самым неправдоподобным образом сочетались искусство мореплавателя и добрая удача, сумел провести шлюпку по бушующему морю за смертоносный риф, в более спокойные воды прибрежной лагуны.

Наконец они пристали к усеянному хлопьями морской пены берегу острова, где выжившие четыре дня ютились друг подле друга, пока не стих ураган.

Барлоу в одиночку вскарабкался на верхушку самой южной из трех островных возвышенностей. Описание дал четкое и ясное: речь однозначно шла о Дедах и Артиллерийском рифе. Так Джимми Норт и узнал, что искать: коралловый барьер, а за ним – остров с тремя вершинами.

Помощник капитана определил местоположение истрепанной ураганом и застрявшей в рифовых челюстях «Утренней зари». Волны наносили по корпусу один удар за другим, и на второй день фрегат начал разрушаться: на глазах у Барлоу – тот оставался на вершине, чтобы вести наблюдение за происходящим. Переднюю половину судна уволокло за риф, где она ушла под воду у зияющей пробоины в коралловой стене, а корма, оставшись на океанской стороне, была разбита в щепки.

Когда наконец ветер стих, а небеса прояснились, Эндрю Барлоу обнаружил, что из ста сорока девяти членов команды спасся лишь его крошечный отряд: остальные сгнули в бурном океане.

К западу у самого горизонта Барлоу разглядел узкую полосу земли: хотелось верить, что это Африканский континент. Помощник капитана вновь погрузил свой отряд в шлюпку, и та отправилась в плавание по прибрежной лагуне. Надежды оправдались: это и впрямь оказалась Африка – но, как все-

гда, враждебная и жестокая.

Семнадцать потерянных душ пустились в долгое и опасное путешествие на юг, а спустя три месяца лишь Барлоу, четверо моряков и мисс Шарлотта Коттон добрались до островного порта на Занзибарском архипелаге. Остальные путники пали жертвами лихорадки, дикарей, дикого зверья – и даже выжившие из-за голода превратились в ходячие скелеты, пожелтевшие от малярии и вконец измученные дизентерией из-за плохой воды.

Следствие всячески одобрило действия Эндрю Барлоу, а достоctимая компания наградила его за безупречную службу пятью сотнями фунтов стерлингов.

Дочитав, я поднял глаза на Шерри. Она внимательно посмотрела на меня, а потом произнесла:

– Вот это да!

Меня тоже тронули масштабы стародавней драмы.

– Все сходится, Шерри, – сказал я. – Вот оно, перед нами.

– Да, – кивнула она.

– Надо узнать, нет ли тут чертежей.

Отдел чертежей и эстампов находился на третьем этаже. Дежурная по залу принялась добросовестно разыскивать нужные нам материалы, и вскоре «Утренняя заря» явилась нам во всем своем великолепии.

Изящное трехмачтовое судно с длинным приземистым профилем. Ни крьюселя, ни прямой бизани на бегин-рее, вместо них – косой спанкер и полный комплект лиселей. На

длинном полуяте достаточно места для нескольких пассажирских кают, а шлюпки закреплены на кормовой рубке.

Вооружение тяжелое: тринадцать черных орудийных портов, и каждый готов в любой момент явить неприятелю длинную восемнадцатифунтовую пушку, чтобы защитить фрегат в беспокойных водах к востоку от мыса Доброй Надежды, по которым «Утренняя заря» курсировала в Индию и Китай.

– Мне надо выпить, – заявил я, складывая чертежи. – Попрошу, чтобы нам сделали копии.

– Зачем? – осведомилась Шерри.

Дежурная вынырнула из логова среди полок, переполненных старинными эстампами, а в ответ на просьбу насчет копий втянула щеки и попыталась осадить меня:

– Я вынуждена буду взять с вас семьдесят пять пенсов.

– Цена вполне сносная, – не сдавался я.

– И копии будут готовы только на следующей неделе, – непреклонно добавила она.

– Ой, – лучезарно улыбнулся я, – а мне бы надо завтра.

Улыбка сокрушила ее. Утратив неприступный вид, дежурная заправила шальные метелки волос за дужки очков и смягчилась:

– Что ж, посмотрю, что можно сделать.

– Очень мило с вашей стороны, честное слово!

Когда мы уходили, вид у нее был растерянный, но вполне довольный.

Я снова начинал ориентироваться на местности, поэтому без труда доехал до «Эль вино». Вечерний прилив журналистов с Флит-стрит еще не заполнил залы, и нам удалось найти уединенный столик. Я заказал два вермута, и мы салютовали друг другу бокалами.

– Знаете, Гарри, у Джимми всегда было множество планов. Вся его жизнь была непрерывной охотой за сокровищами. Каждую неделю он находил – ну, почти находил – местоположение погибшего грузового корабля Непобедимой армады, затонувшего города ацтеков или пиратского судна... – Она пожала плечами. – Лично у меня врожденный иммунитет к подобным делам. Но это... – Шерри отпила глоток вермута.

– Давайте подведем итоги, – предложил я. – По нашим сведениям, Гудчайлда очень беспокоила судьба его багажа и он наказал доверенному лицу принять эти пять ящиков и обеспечить им безопасное хранение. Нам известно, что он собирался отправить их в Лондон на борту «Утренней зари», а письмо прислал заранее, с капитаном фрегата «Пантера», – наверное, был с ним дружен.

– Неплохо, – согласилась она.

– Мы знаем, что багажные места перечислены в судовом манифесте и что «Утренняя заря» погибла – предположительно, с грузом на борту. Нам известно точное место кораблекрушения, и подтверждением тому служит судовой колокол.

– По-прежнему неплохо.

– Не знаем мы лишь одного: что было в этих ящиках.

– Нестираные носки, – сказала она.

– Четыре тонны нестираных носков? – усмехнулся я, и лицо ее изменилось: она упустила из виду общий вес груза. – Ага, прошляпили. Так я и думал. Читаете быстро, но через строчку.

Шерри состроила мне гримасу.

– Четыре тонны, девочка моя, – это изрядный вес. Что бы ни было в тех ящиках.

– Ну ладно, – согласилась она. – Признаю, с цифрами я не в ладах. Но охотно верю, что четыре тонны – это много.

– Чтобы было понятнее, столько весит новенький «роллс-ройс».

Глаза ее потемнели и увеличились в размерах.

– Да уж... И правда много!

– Очевидно, Джимми знал, что это за груз. И у него имелись убедительные доказательства, способные заинтересовать даже самых практичных спонсоров. То есть дело серьезное.

– Настолько серьезное, что... – Она осеклась, и по мелькнувшему в глазах выражению я понял, что Шерри до сих пор не оправилась от смерти брата.

Мне стало неловко, я отвернулся и полез во внутренний карман за письмом, устроив из этого нехитрого действия целое шоу. Тщательно разгладил письмо на столе между нами,

а когда снова взглянул на Шерри, она уже взяла себя в руки.

Моим вниманием вновь завладела карандашная пометка на полях.

– Бэ-муз-е, шестьдесят девять, четырнадцать, и в скобочках – восемь, – зачитал я вслух. – Какие будут соображения?

– Бакалавр музыки.

– Блестяще! – Я похлопал в ладоши.

– Теперь вы. Покажите класс, – бросила мне вызов она, и я с достоинством сложил письмо, после чего заказал еще два вермута, расплатился с официантом и начал:

– В общем, след мы взяли, и след неплохой. Теперь нам хотя бы понятно, о чем речь. Поэтому переходим к следующей ниточке.

Шерри подалась вперед и молча кивнула: дескать, продолжайте.

– Помните, я рассказывал о самозванке, блондинистой Шерри Норт? – (Она снова кивнула.) – Перед тем как улететь с острова, она дала телеграмму в Лондон. – Я порылся в бумажнике, выудил копию телеграммы, протянул ее Шерри, а пока она читала, продолжил: – Ясно, что блондинка отчитывается перед старшим, неким Мэнсоном. Должно быть, за всем стоит именно он, и теперь я намерен к нему подобраться. – Я допил вермут. – Отвезу вас к воинственному дядюшке, а завтра снова выйду на связь.

Шерри упрямо сжала губы – такого я за ней прежде не замечал, и глаза ее сверкнули оружейной сталью.

– Гарри Флетчер, только не думайте, что сможете улизнуть от меня, когда все только-только завертелось. Вы же не круглый дурак.

Такси привезло нас на Беркли-сквер, и я повел Шерри на Керзон-стрит, а по пути украдкой оглянулся и шепнул: «Дайте руку, быстро!»

Она тут же послушалась. Мы прошагали так с полсотни ярдов, а потом она спросила:

– Что такое?

– Просто нравится держать вас за руку.

– Ах, вы!.. – Она хотела вырваться, но я ее не пустил, и она капитулировала, после чего мы продолжили прогулочное шествие к Шеперд-Маркету, изображая туристов и время от времени задерживаясь у витрин.

Строение № 97 по Керзон-стрит оказалось одним из тех шестиэтажных домов с астрономически дорогими квартирами, где стены облицованы кирпичом, а за богатой входной дверью из стекла и бронзы стоит швейцар в форме, охраняющий тишину и спокойствие в мраморном фойе. Мы прошагали мимо, а возле клуба «Белый слон» перешли дорогу и направились обратно.

– Могу спросить у швейцара, не живет ли в квартире номер пять некий мистер Мэнсон, – вызвалась Шерри.

– Отличная мысль, – согласился я. – А если окажется, что живет? Что будете делать? Передадите привет от Гарри Флетчера?

– Вы фигляр и шут! – Она снова попробовала высвободить руку, но я крепко держал ее.

– Наискось от девяносто седьмого дома есть ресторан, – сказал я. – Возьмем столик у окна, попьем кофейку, посидим и понаблюдаем.

В начале четвертого мы устроились за столиком с хорошим видом на улицу и приятно провели следующий час. Оказалось, что развлекать Шерри совсем нетрудно: у нас было схожее чувство юмора, и мне нравилось слушать ее смех.

Посреди долгого и запутанного рассказа меня прервали: к дому № 97 подкатил «роллс-ройс» модели «сильвер-рейт». Шофер в изящной голубино-серой форме вошел в фойе и завел разговор со швейцаром, а я продолжил свой рассказ.

Десятью минутами позже в доме напротив забурилась жизнь: лифт исполнил быструю серию подъемов и спусков, всякий раз исторгая в фойе груды одинаковых чемоданов из крокодиловой кожи. Швейцар и шофер подхватывали их и уносили в «роллс», но чемоданов не убавлялось, и Шерри с тоскливым вздохом предположила, что кто-то собрался в отпуск.

– Представьте-ка: тропический остров, синие волны, белый песок, крытая соломой хижина среди пальм... – начал я. – Что скажете?

– Хватит! Сейчас осень, мы в Лондоне, и мне даже думать о таком тошно.

Я собрался было развить атаку, но тут лакей с шофером

вытянулись по стойке смирно, когда стеклянные двери раскрылись вновь, но теперь из лифта вышли мужчина и женщина в длинной коричневой норковой шубе – со светлыми волосами, щедро залитыми лаком и тщательно уложенными в высокую прическу в греческом стиле.

Я узнал эту женщину, и ярость саданула мне под дых.

Передо мной была Шерри Норт номер один – та «милая» дама, что отправила Джудит и «Танцующую» на дно Гранд-Харбора.

Мужчина рядом с ней был среднего роста, с мягкими и длинными, по моде, каштановыми волосами, вьющимися на висках, с легким загаром из солярия и чрезвычайно хорошо одетый: дорого и броско, словно человек из шоу-бизнеса.

Тяжелый подбородок, длинный мясистый нос, нежные телячьи глаза, но куцые губы и голодный рот: алчный прожорливый рот, который я так хорошо помнил.

– Мэнсон! – сказал я. – Господи! Мэнсон Резник. Мэнни Резник!

Ну а к кому еще Джимми отправился бы со столь необычным предложением? Так же и я пришел к нему много лет назад с выкладками по краже золота из римского аэропорта. Мэнни – антрепренер преступного мира, и с нашей последней встречи его социальный статус заметно подрос.

Теперь у него все по красоте, думал я, глядя, как он шагает по тротуару и забирается на заднее сиденье «роллса» – под бочок к норковой блондинке.

– Ждите здесь, – бросил я Шерри, когда «роллс» отчалил в сторону Парк-лейн.

Выбежал на мостовую и стал энергично жестикулировать в попытке привлечь внимание таксистов, но машин поблизости не оказалось, и я побежал следом за «роллсом», отчаянно умоляя богов, чтобы те послали мне большой черный кеб с лампочкой «свободно», а «роллс» тем временем свернул направо, на Саут-Одли-стрит, мягко набрал скорость и устремился вдаль.

Когда я остановился на углу, он был уже далеко в реке машин, утекавшей к Гросвенор-сквер.

Я сделал разворот и разочарованно поплелся к столику, за которым меня ждала Шерри. Я знал, что она права. Мэнни с блондинкой отправились в долгое путешествие, и ошиваться вокруг дома № 97 на Керзон-стрит теперь бессмысленно.

Шерри, однако, ждала меня не за столиком, а у входа в ресторан.

– Что это было? – осведомилась она, и я взял ее за руку, а по пути к Беркли-сквер объяснил:

– Скорее всего, именно этот человек приказал убить Джимми. Он виноват в том, что мне отстрелили полгруды. По его распоряжению поджарили ваш прелестный мизинчик. Короче говоря, крупная фигура.

– Вы с ним знакомы?

– Даваем-давно пересекались по делам.

– Ну у вас и друзья!

– В последнее время я очень стараюсь улучшить круг общения. – Я легонько пожал ей руку, но она проигнорировала мою обходительность.

– А женщина? Это та, с Сент-Мэри? Которая взорвала ваш катер с девушкой на борту?

Вновь нахлынула свирепая злоба, охватившая меня несколько минут назад, когда я увидел эту холеную и лакированную хищницу в норковом пальто.

– Гарри, больно! – охнула Шерри.

– Простите. – Я ослабил хватку.

– Наверное, это и есть ответ на мой вопрос, – пробурчала она, массируя предплечье.

В интерьере приватного бара «Виндзор армс» преобладали темные дубовые панели и антикварные зеркала. К тому времени как мы с Шерри вернулись, там было уже не протолкнуться. На улице стемнело, ледяной ветер ворошил в канавах упавшие листья, но в баре царили тепло и уют. Мы нашли местечко в углу, но толпа притиснула нас друг к дружке и вынудила меня обнять Шерри за плечи, и наши головы оказались так близко, что даже в этом общественном месте у нас появилась возможность провести самое конфиденциальное совещание.

– Догадываюсь, куда отправились Мэнни Резник с подружкой, – сказал я.

– К острову Большой Чайки? – спросила Шерри, а когда я кивнул, продолжила: – Ему понадобится корабль. И нырять-

щики.

– Не переживайте. Мэнни найдет и то, и другое.

– Ну а мы что будем делать?

– Мы? – переспросил я.

– Фигура речи, – чопорно поправилась она. – Ну а вы что будете делать?

– Одно из двух: или забуду об этом, или вернусь к Артиллерийскому рифу и, черт возьми, попытаюсь узнать, что скрывается в пяти ящиках полковника Гудчайлда.

– А снаряжение?

– Наскребу все, что нужно. Пусть и не такое модное, как у Мэнни Резника.

– Простите за нескромный вопрос, но как у вас с деньгами?

– Ответ тот же. Наскребу, сколько нужно.

– Синий океан и белый песок... – мечтательно прошептала она.

– ...и пальмовые листья переговариваются под дуновениями пассатов...

– Гарри, хватит!

– На углях скворчит жирный лангуст, мы с вами напеваем одну мелодию на двоих, а вокруг ни души... – безжалостно продолжал я.

– Провокатор! – возмутилась она.

– Останетесь здесь и никогда не узнаете, действительно ли там нестиранные носки, – не унимался я.

– Вы напишете мне и все расскажете! – взмолилась она.

– Нет, не напишу.

– Тогда придется ехать с вами, – наконец сдалась Шерри.

– Молодчина. – Я потрепал ее по плечу.

– Но билет куплю сама. Я настаиваю. Не хочу быть соержанкой. – Наверное, догадалась, что мои финансы в самом плачевном состоянии.

– Я и не думал ставить под сомнение вашу принципиальность, – радостно заявил я, а бумажник мой с облегчением вздохнул. Снарядить экспедицию к Артиллерийскому рифу на остатки средств... Задача не из легких.

Теперь, когда решение было принято, нам предстояло многое обсудить. Казалось, прошло лишь несколько минут, когда хозяин сообщил:

– Времечко, дамы и господа.

– По ночам на улицах опасно, – предупредил я. – Думаю, не стоит рисковать. Наверху у меня удобнейшая комната с прекрасным видом...

– Угомонитесь, Флетчер. – Шерри встала. – Лучше проводите меня домой, или я дядю на вас натравлю.

До дядиной квартиры было полквартила, и по пути мы договорились встретиться завтра за обедом. У меня уже имелся список утренних дел, включая заказ авиабилетов, а Шерри сказала, что обновит паспорт и заберет копии чертежей «Утренней зари».

У дверей квартиры мы остановились лицом друг к другу

и оба почему-то застеснялись, и я едва не расхохотался от столь умопомрачительной банальщины: надо же, как два старомодных подростка на исходе первого свидания... Но иной раз от такого становится тепло на душе.

– Доброй ночи, Гарри. – И Шерри с извечной женской артистичностью каким-то неведомым способом показала мне, что готова целоваться.

Губы у нее были мягкие и теплые, и поцелуй затянулся надолго.

– О боже мой... – хрипло прошептала она, когда наконец отпрянула.

– Точно не передумаешь? У меня отличная комната, вода тоже есть – и холодная, и горячая, – а на полу ковер, и телевизор...

С почти неслышной усмешкой Шерри легонько оттолкнула меня, повторила: «Доброй ночи, милый Гарри» – и ушла в дом.

Я же вернулся на улицу и побрел обратно к паб-отелю. Ветер стих, но от реки все равно веяло сыростью. На улице было пусто, но у обочины стояли автомобили – бампер к бамперу, до самого угла.

Я не спеша плелся по мостовой. Спать не хотелось, и я даже задумался, не прогуляться ли сперва до станции метро «Эмбанкмент». Сунув руки в глубокие карманы полупальто, я думал о Шерри и, размышляя об этой женщине, был расслаблен и счастлив.

Подумать было о чем, потому что многого в Шерри я пока не понимал, многое нуждалось в объяснении. Однако я тешил себя мыслью, что сегодня, наверное, зародились отношения, которые продлятся не одну ночь, не одну неделю или месяц, – настоящие чувства, уже вошедшие в силу, и что теперь все будет иначе, чем с остальными, и со временем эти чувства не ослабнут, а, напротив, будут становиться все сильнее.

Вдруг рядом раздался чей-то голос:

– Гарри!

Голос был мужской, незнакомый, и я машинально обернулся на звук, уже понимая, что оборачиваться не следовало.

Меня окликнули из припаркованного у тротуара черного «ровера». Окно открыто, лицо назвавшего мое имя человека – бледная клякса во тьме салона.

Безнадежно я попытался вынуть руки из карманов и встать лицом туда, откуда, как я понимал, последует атака. На развороте присел, извернулся, и что-то, прогудев мимо уха, поразило меня в плечо.

Обоими локтями я ударил за спину – удар оказался ощутимый, и позади меня кто-то охнул от боли, а затем руки мои высвободились из карманов, я закончил разворот и ушел в сторону, прекрасно понимая, что меня снова попробуют огреть дубинкой.

Полночные тени, громадные и зловещие, в черных одеждах, – казалось, их неисчислимое множество, но на самом де-

ле врагов было четверо, плюс один в машине. Все крупные, у одного дубинка, занесенная для нового удара. Раскрытой ладонью я ткнул ему в подбородок. Запрокинув голову, он тяжело рухнул на мостовую, и мне показалось, что я сломал ему шею.

Чье-то колено взметнулось к моему паху, но я увернулся и, пользуясь инерцией движения, нанес контрудар в бедро, а потом в грудь – смачно, от плеча, и нападающего отбросило назад, но еще один тут же схватил меня за руку, зафиксировал ее, вражеский кулак угодил мне в скулу, и я почувствовал, как под глазом лопнула кожа.

Другой подобрался со спины, сдавил мне гортань, но я вывернулся, толкнул его, и мы, свившись в тесный узел, закружились по мостовой.

– Подержи его, – увесисто произнес кто-то басовитый, – дай стукну по-нормальному.

– Проклятье! – выдохнул другой. – Чем мы тут, по-твоему, занимаемся?

Мы привалились к дверце «ровера». Не в силах двинуться, я смотрел, как первый, с дубинкой, поднимается на ноги. Он размахнулся, я попробовал отдернуть голову, но удар все равно пришелся мне в висок. Полностью я не отключился, но драться сразу расхотелось: я стал слаб, как дитя, и ноги едва держали мой вес.

– Вот и хорошо. Теперь сажайте его назад.

Меня впихнули на сиденье «ровера». Двое стиснули меня

с боков, хлопнули дверцы, двигатель заурчал, завелся, и мы стремительно отъехали от тротуара.

В голове прояснилось, но висок онемел, и мне казалось, что он превратился в воздушный шарик. На переднем сиденье разместились трое, и по одному сзади, слева и справа от меня. Все тяжело дышали, а сидевший рядом с водителем нежно массировал то шею, то подбородок. Тот, что справа, взялся обыскивать меня, пыхтя и фыркая, и, судя по запаху, он недавно наелся чеснока.

– Знай же, что давным-давно кто-то умер у тебя во рту, да там и остался, – сообщил ему я заплетающимся языком, мучаясь от головной боли, но мог бы и не говорить этого, так как он, не подав вида, что услышал мои слова, упрямо продолжал обыск. Наконец остался доволен результатом, и я привел одежду в порядок.

Минут пять мы молча катили вдоль реки к Хаммерсмиуту. Наконец, когда все отдышались и уделили внимание своим ранам, водитель заговорил:

– Короче, Мэнни хочет с тобой поболтать, но ничего такого. Сказал, что любопытствует. И еще сказал, что, если надумаешь задираться, нам разрешено прихлопнуть тебя и выкинуть в речку.

– Ваш Мэнни – само очарование, – заметил я.

– Заткнись и слушай! – перебил меня водитель. – В общем, тебе решать. Веди себя прилично, и проживешь подольше. Слышал, что в прошлом ты был резкий парень, так

что мы тебя ждали – с тех самых пор, как Лорна облажалась на острове; но поверь, мы и подумать не могли, что ты станешь маршировать взад-вперед по Керзон-стрит, словно духовой оркестр. Мэнни сперва не поверил: «Быть такого не может, что это Гарри. Что он, совсем рассудка лишился?» И грустно так добавил: «Как пали сильные!.. Не возвещайте на улицах Аскалона...»⁷

– Это из Шекспира, – сказал тот, от кого разило чесноком.

– Заткнись! – одернул его водитель и продолжил: – Грустно так сказал, но не то чтобы совсем убивался – не всплакнул, ничего такого. Ну, ты понял.

– Понял, – пробурчал я.

– Заткнись и дальше слушай! Мэнни сказал: «Прямо тут к нему не суйтесь. Проследите до тихого места, там и заберите. Пойдет по-хорошему – ведите ко мне на разговор, а надумает задираться – можете в речку выкинуть».

– Ну да, это в его стиле. Наш чертенок Мэнни – прекрасной души человек...

– Заткнись! – напомнил водитель.

– Жду не дождусь, когда мы с ним увидимся снова.

– Веди себя хорошо, сиди тихо. Тогда, быть может, тебе повезет.

Я послушался. Мы свернули на М-4 и помчались на запад. К двум ночи прибыли в Бристоль, обошли его по касательной, выехали на А-4 и направились к Эйвонмауту.

---

⁷ 2 Цар. 1: 19–20.

Среди других судов в яхтенном порту я заметил пришвартованную к причалу большую моторную яхту с опущенными сходнями. На носу и корме название: «Мандрагора». Океанское судно с элегантным стальным корпусом, окрашенным в бело-голубые тона, – на мой скромный взгляд, быстрое, послушное и способное доставить пассажиров в любую точку мира. Игрушка для богатых. На мостике стояли люди, почти во всех иллюминаторах горели огни, и я пришел к выводу, что яхта готова к морскому путешествию.

На узкой площадке перед сходнями меня обступили со всех сторон. Пока мы поднимались на палубу «Мандрагоры», «ровер» сдал назад, развернулся и был таков.

Кают-компания оказалась оформлена с большим вкусом, не характерным для Мэнни Резника, – должно быть, потрудился прошлый владелец или профессиональный дизайнер: оливковый ковер от стены до стены, такие же бархатные шторы, мебель из красно-коричневого тика и натуральной кожи, на стенах – картины маслом, подобранные в тон общему декору.

Судно тянуло на полмиллиона фунтов, и я догадался, что его зафрахтовали. Наверное, Мэнни взял его на полгода и укомплектовал собственной командой – потому что Мэнни Резник никогда не казался мне большим любителем морей и океанов.

Наша невеселая группа молча остановилась посреди раскидистого ковра, и я услышал звуки, которые ни с чем не

спутаешь: сперва убрали сходни, потом снялись со швартовых. Дрожь моторов сменилась размеренной пульсацией, и огни пристани за иллюминаторами пришли в движение: мы покинули бухту и наконец оказались в приливных водах Северна.

Я узнал маяки на мысах Портисхеда и залива Редклифф. «Мандрагора» шла вниз по реке мимо Уэстон-сюпер-Мэра и Берри, направляясь в открытое море.

Наконец явился Мэнни в синем шелковом халате: лицо помято от сна, но кудри старательно расчесаны, а улыбка, как всегда, сверкающая и ненасытная.

– Гарри, – начал он, – я же говорил, что ты вернешься!

– Здравствуй, Мэнни. Не сказал бы, что я в восторге от нашей встречи.

С беспечным смешком он повернулся к вошедшей следом женщине. Она была старательно накрашена, и каждый волосок прически лежал на своем месте. На ней тоже был халат, но белый и длинный, с кружевами на вороте и манжетах.

– По-моему, вы уже знакомы, но на всякий случай представлю: это Лорна Пейдж.

– В следующий раз, Мэнни, когда пошлешь кого-то соблазнить меня, выбирай девицу поинтереснее. С возрастом я стал привередлив.

Она недобро прищурилась, но улыбнулась:

– Как там твой катер, Гарри? Твой любимый катер?

– Гроб из него получился паршивый. – Я взглянул на Мэн-

ни. – И что ты предлагаешь? Заключить сделку?

– Это вряд ли, Гарри. – Он горестно покачал головой. – Мне бы очень хотелось, честное слово, хотя бы по старой памяти... Но пространства для сделки я не вижу. Во-первых, тебе нечего предложить, так что сделка в любом случае получилась бы хреновая. Во-вторых, я знаю, что ты чересчур сентиментален. Заключи мы любую сделку, ты все равно погорячился бы и пустил бы ее псу под хвост. О каком доверии может идти речь? Ведь ты, Гарри, никак не сможешь забыть про Джимми Норта и свой катер, будешь думать о той островитяночке, что оказалась не в то время не в том месте, и о сестре Джимми Норта, от которой нам пришлось избавиться...

Я получил некоторое удовольствие от мысли, что Мэнни, по всей видимости, не знал, что случилось с громилами, которых он послал разобраться с Шерри Норт, и что она по-прежнему жива-живехонька, и постарался придать голосу искренности, а поведению – убедительности.

– погоди, Мэнни, я настроен выжить. Если придется, могу забыть о чем угодно.

– Не знай я тебя так, как знаю, непременно поверил бы. – Он снова рассмеялся и покачал головой. – Прости, Гарри, но сделки не будет.

– И для чего тогда ты потрудился привезти меня на яхту?

– Я дважды отправлял к тебе людей, Гарри, и оба раза ты выжил. Третья осечка мне не нужна. По пути к Кейптауну

полно глубоких вод, и я привяжу к твоим ногам реально тяжелый груз.

– Кейптаун? – переспросил я. – То есть ты решил отправиться к «Утренней заре» собственной персоной? Что такого интересного в этих древних обломках?

– Ну хватит, Гарри. Если бы ты не знал, не пришлось бы тратить на тебя столько сил и средств. – Он опять рассмеялся, а я подумал, что лучше не выказывать собственного невежества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.